

альберто молина родригес

ЛЮДИ МОЛЧАЛИВОЙ ПРОФЕССИИ

2

3

LOS HOMBRES COLOR DEL SILENCIO

novela

**Alberto
Molina
Rodríguez**

EDITORIAL ARTE Y LITERATURA,
LA HABANA • 1975

альберто
молина
родригес

ЛЮДИ МОЛЧАЛИВОЙ ПРОФЕССИИ

повесть

ПЕРЕВОД С ИСПАНСКОГО
О.Т. ДАРУСЕНКОВА

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва—1978

И (Исп)
P61

P 70304-157 189-78
068(02)-78

© перевод на русский язык, Воениздат, 1978

Часть первая ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Это случится в ночь на пятницу, 22 марта. Едва пробыт полночь, человек закончит набирать телефонный номер в автомате. Когда прозвучит третий гудок, в трубке раздастся голос:

— Слушаю.

Человек назовет себя:

— Кот.

Голос в трубке:

— Я ждал твоего звонка.

Разговор будет краток.

— Ну как? Есть что-нибудь? — спросит Кот.

— Да. Сейчас. Записывай.

— Говори.

— Гости придут сегодня ночью через четыре часа после ночного дозора, если бризы будут в порядке.

Кот запишет в книжку сообщение.

— Еще что-нибудь?

— Нет, — ответят ему. — Это все.

— Но... Разве ты не понимаешь, Серафин?

— Я... что?

Кот засмеется в ответ и скажет:

— Серафим, это значит, что скоро наступит праздник. Слушай меня внимательно. Оставайся все время дома и ожидай моих указаний. Теперь я могу позвонить тебе в любой час, а не только в двенадцать, как до сих пор. Понял?

И Кот повесит трубку, не дожидаясь ответа.

...Пройдет четыре часа, и шум мотора прорежет тишину над темными водами северного побережья Кубы.

Время от времени, когда бледная луна выглянет из-за туч, станут различимы очертания берега, скал и отдельных сосен.

На берегу, в двух метрах от кромки воды, появится тень человека, который скажет:

— Это они. Подай сигнал.

И другая тень исполнит приказ.

Через несколько минут шум мотора усилится. Люди на берегу, вглядываясь в черноту ночи, подойдут к самой воде.

Сначала появится темное пятно, затем оно приобретет контуры быстроходного катера. Он остановится неподалеку от берега.

— Где будут ночевать гости? — спросит человек с катера.

— Дом готов, — ответит одна из теней на берегу.

С катера спустят на воду резиновый плотик, и два человека отправятся на нем к прибрежным скалам.

Плотик толкнется о скалистый берег... Двое с катера — каждый с чемоданом в руке — подойдут к ожидающим.

— Нельсон, — скажет один из них тому, кто останется на катере, — запомни время и место, где надо забрать нас.

— Не волнуйся, Аренсибия. Я приду туда, — заверит человек на борту катера и добавит в тоне предупреждения: — Как только увижу дым.

— Это моя забота, — ответит Аренсибия. — Тебе пора уходить.

Катер растворится во тьме — мотор работает почти бесшумно. Четверо отправятся к «кадиллаку», оставленному неподалеку.

...Высадка агентов пройдет гладко. Так на рассвете 22 марта начнется осуществление операции под названием «Покер».

...А сейчас еще январь, до той черной мартовской ночи целых два месяца. Еще нужно многое подготовить, провести встречи, продумать предложения. Предстоит кое-что расследовать, понаблюдать за некоторыми местами и людьми. Операция не получила названия. Приказ о ее начале не отдан...

Это был лишь взгляд в будущее. Нечто вроде воспоминания о том, что должно произойти.

ДЯДЮШКА ТАСУЕТ КАРТЫ

14 января. Помещение оперативного отдела штаб-квартиры Центрального разведывательного управления, Лэнгли, Вирджиния, Соединенные Штаты Америки.

Человек, сидящий за столом, помахивая рукой, как веером, сказал:

— Вы всегда ходите вокруг да около. Скажите кратко, — он указал на собеседника пальцем, — каковы возможные кандидаты и кто они?

Маленький человечек по имени Джеймс, стоявший перед ним, засеменил к шкафу и вытащил несколько папок. Все его движения говорили о желании угодить, услужить, потому что он знал — когда дело заходило о том, что начальство называло «чрезвычайными операциями», шеф папускал на себя особую важность.

— Здесь все материалы, — сказал Джеймс.

Человек снял темные очки, посмотрел на открытые папки, положенные на стол, и, не став ничего читать, откинулся на спинку кресла. Склонив голову набок, он спросил:

— Что говорит анализ, проделанный специалистами?

— Мы сошлись на том, что это тот самый человек. Посмотрите его дело.

Джеймс придвинул одну из папок к шефу. Это было личное дело Пабло Аренсибии Роке, закоренелого преступника, бывшего мафиозо. Шеф читал быстро, иногда утвердительно кивая головой. Кончив, закрыл папку и отодвинул ее от себя.

— Очень хорошо. Все правильно. Что еще? — спросил он.

— В прошлый понедельник мы сделали ему предложение: пятьдесят тысяч долларов плюс ликвидация его дела в полиции, чтобы он мог свободно въехать в Штаты.

— Что он ответил?

Джеймс пожал плечами и, разведя руками, сказал:

— Конечно, согласился.

Шеф посмотрел в потолок, глубоко вздохнул и, глядя прямо в глаза Джеймсу, произнес:

— Хорошо. Дайте указание, чтобы его переправили в один из наших учебных лагерей. Но перед этим сообщите ему, что работа предстоит на Кубе.— Он покашлял, прочищая горло, и добавил: — Его знание страны облегчит дело.

— Согласен с вами, шеф,— поддакнул Джеймс, не поднимая головы от стенографического блокнота.

— Скажите, что в нужный момент мы введем его в курс дела и обсудим детали операции.

— Что-нибудь еще?

— Да. Сообщите ему, что он пойдет не один. У него будет помощник. Специалист-подрывник.

Шеф помолчал, а когда Джеймс кончил писать, вытащил платок и, осторожно протирая стекла очков, промолвил:

— Теперь перейдем к другому вопросу.

Джеймс отложил блокнот в сторону.

— Пока есть только две кандидатуры, которые могут подойти для нашего плана.

— Оба работали там?

— Да. В разное время. Инженеры.

— Великолепно! Продолжайте!

— Мы ведем наблюдение, но пока не можем приступить к действиям. Оба работают торговыми атташе в дружественных нам странах. Мы занимаемся ими, но нам нужна... дополнительная информация... что-нибудь такое, что позволило бы установить контакт...

— Каково ваше мнение? — нетерпеливо перебил шеф.

— Мне кажется...— Джеймс вздохнул и, изобразив легкую улыбку, продолжил: — Пока нам остается только ждать.

Шеф оперативного отдела, с трудом подняв свое тучное тело, направился к выходу, давая понять, что разговор закончен.

Джеймс услужливо обогнал его и открыл дверь. Уже на пороге шеф повернулся к Джеймсу и сказал:

— Я согласен. Подождем.

Дверь захлопнулась перед самым носом маленького человечка.

6 марта ребенок Альберто Альвареса Мартинеса был госпитализирован. В ортопедической больнице поставили диагноз: остеомиелит нижних конечностей.

И С ЕГО ТРЮНА...

Личное дело. Архив оперативного отдела Центрального разведывательного управления.

Альберто Альварес Мартинес.

Родился в Гаване в 1934 году в состоятельной семье, учился в частных школах. Отец занимался импортом американских электротоваров.

В 1951 году поступил в Гаванский университет, где познакомился со многими лидерами студенческого движения. Когда произошло нападение на казарму Монкада в Сантьяго-де-Куба, Альберто был арестован вместе с другими студентами за участие в демонстрации протеста. Год спустя отец, видя бесплодность попыток уговорить сына отказать от участия в движении, отправил его за границу.

Так двадцатилетний Альберто в 1954 году оказался в Нью-Йорке и поступил в Колумбийский университет. Там он подружился с сыном Ральфа Морриса, одного из ведущих экономических советников семьи Рокфеллеров. В 1956 году, когда Альберто получил диплом, этот приятель помог ему устроиться на хорошую работу в «Стандарт ойл оф Нью-Джерси». По делам службы Альберто не раз бывал в странах Латинской Америки, в том числе и на Кубе. По-видимому, он больше не участвовал в антиправительственных выступлениях.

Окончательно вернувшись на Кубу в апреле 1959 года, работал помощником инженера в цехе «Ц» нефтеперерабатывающего завода, который принадлежал «Стандарт ойл» в Гаванской бухте (Белот).

В то время поговаривали, что Альберто Альварес входил в революционную организацию. Это мнение не подт-

верждалось фактами. Видимо, такое суждение возникло в связи с участием Альберто в студенческих беспорядках несколько лет назад.

Когда в 1961 году, после революции, американские нефтеперегонные заводы были национализированы, Альберто Альварес остался работать в так называемом ИСП (Кубинском институте нефти). Мистер Гамильтон, который был его непосредственным начальником на Кубе, признался, что позиция Альвареса удивила его — он считал его одним из самых доверенных сотрудников.

От него мы узнали также, что два месяца спустя Альберто отклонил предложение «Стандарт ойл» занять важный пост в филиале компании в Венесуэле, хотя жалование было обещано гораздо большее, чем то, которое он получал на Кубе.

В конце 1960 года родители Альберто покинули Кубу, поскольку дело его отца пострадало от сокращения торговли с Соединенными Штатами. Отец умер год спустя, а его мать говорила старым друзьям Альберто, находящимся в изгнании, что не понимает причин, по которым тот остался на Кубе, и приписывала все это его «странному характеру» — сын никогда не говорил ей о своих политических взглядах. С января 1961 года, после того как Соединенные Штаты разорвали отношения с Кубой, Альберто перестал писать своей матери.

В 1965 году Альберто перешел на работу в Министерство внешней торговли, и в январе следующего года его направили в качестве торгового атташе в посольство Кубы в Терпсикоре. С этого момента мы стали предпринимать попытки завербовать его, однако — может быть, из-за того самого «странного характера» — это оказалось легкой задачей.

В марте 1966 года после провала нашего плана «Голубая черепаха» на Кубе состоялся суд над майором Орландо Мединой, нашим агентом. Альберто Альварес очень переживал это, так как дружил с Мединой.

Мы попытались воспользоваться этим моментом. Но Альварес был переведен в Тауро. Поскольку это страна восточного блока, дальнейшая вербовка была затруднена.

Вместе с тем нам удалось узнать, что Альварес заключил важные соглашения о поставках нового нефтяного оборудования из коммунистических стран для цеха «Ц» на нефтеперерабатывающем заводе Белот (который

хорошо знаком ему). Часть оборудования этого цеха пришла в полную негодность, поскольку из-за блокады невозможно было достать американские запчасти.

С 1967 года по май 1970 года Альварес находился на Кубе — он руководил кубинской группой монтажников. Затем вновь был направлен за границу, на этот раз в Амббу-5. С июля 1971 года и до сегодняшнего дня находится в Каприкорнио.

В последний раз пробежав глазами по бумаге, толстяк отбросил ее в сторону.

— Хорошо, — сказал он. — Это подходящий нам человек. Как мне кажется, именно такой нам и нужен. Есть еще что-нибудь?

— Да, — сказал Джеймс и с видом заговорщика добавлял: — Я был уверен в вашем выборе и собрал всю необходимую информацию для разработки этого человека.

Он покопался в своем портфеле и, достав большой желтый конверт с надписью «В оперативный отдел из Каприкорнио», вытащил несколько бумаг.

— Это доклад из нашего центра в Каприкорнио...

— Короче! — оборвал шеф.

Джеймс начал читать:

— «В соответствии с вашими инструкциями со дня получения указания (ровно три месяца тому назад) мы специально занялись делом Альберто Альвареса. Однако нам ничего не удалось уточнить, потому что он довольно осторожен и необщителен. Тем не менее именно его поведение, контрастирующее с неумеренным восхвалением правительства Кастро другими кубинскими чиновниками, позволяет нам надеяться на возможность его вербовки или по крайней мере получения от него информации».

Джеймс, едва приподняв голову от бумаги, посмотрел на шефа и интригующе улыбнулся. Затем достал еще одну бумагу из пакета и стал читать:

— «По вторникам и четвергам он ходит в посольство...»

— Ради бога! — прервал его шеф, подняв руки и тяжело опустив их на письменный стол. — Я уже знаю это. — Он небрежно указал на остальные бумаги: — Давайте самое важное.

— Д-да... — сказал Джеймс и, наклонив голову, стал что-то искать среди бумаг. Наконец нашел одну, робко

кашлянул и продолжил чтение: — «Мы полностью контролируем больницу, где госпитализирован его ребенок. Там размещены несколько наших агентов. С момента заболевания сына жена Альберто покидает свой дом лишь тогда, когда отправляется в больницу. Посещение разрешается ежедневно в течение часа. Наблюдение за кругом его друзей и обычными маршрутами передвижений ведется постоянно».

Толстяк, откинувшись на спинку кресла и положив руки на живот, развлекался, крутя большими пальцами. Глаза его были закрыты, когда он спросил:

— А что говорит психологический отдел?

— Вот его доклад, — ответил Джеймс и, видя, что его шеф не выказывает никакого желания читать его, решил сделать это сам: — «Годен для метода «У».

— О'кей, — сказал толстяк и, прекратив играть пальцами, небрежно махнул рукой. — Запишите, — приказал он ему.

Джеймс быстро схватил свой блокнот и уставился на шефа весь в ожидании.

— Оперативный отдел для Каприкорнио. Приказываем завтра, 20 марта, начать операцию и вступить в контакт с Альберто Альваресом Мартинесом. Применить метод «У». Чаще информируйте о ходе осуществления плана, используя постоянную спецсвязь. Мы подчеркиваем необходимость получения быстрых положительных результатов...

— Это все? — осмелился спросить Джеймс.

Толстяк снял очки и, сведя брови, окинул недобрым взглядом скрюченную фигурку маленького человечка.

— Вам кажется мало?! — прорычал он.

— Нет... Нет... Достаточно, — поспешил ответить Джеймс.

Среда, 20 марта
12 часов 30 минут

Неожиданный сильный дождь заставил прохожих искать убежища. Несколько человек укрылись под козырьком кинотеатра, где шел фильм «Кабаре». Женщина с детьми была вынуждена войти в «Американский универсам». Одни скрылись от дождя в китайском ресторане «Ли Фан Шоп Сьюэй», другие в магазине по продаже ав-

томобилей «Мерседес Бенц-Фольксваген». Бесчисленные мелкие лавочки, которые теснились по обе стороны проспекта, моментально наполнились людьми. Сразу потемнело. Уличные фонари засветились зеленоватым, мерцающим светом. И немедленно, будто только и ждали этого сигнала, вспыхнули сотни реклам, соревнуясь размерами и многообразием цветовых оттенков. Казалось, что над улицей повисло множество радуг. Автомобили заметно убавили скорость — водители едва различали светофоры в этом огненном вихре. Улица, по которой несколько минут назад двигался людской поток, сразу превратилась в асфальтированную пустыню. Только три человека не обратили внимания на дождь. Двое длинноволосых юношей в пестрых пуловерах, увешанных многочисленными бусами, с подчеркнутым безразличием брели босиком по проспекту. И еще мужчина лет сорока в плаще продолжал идти, будто отрешившись от всего...

Подойдя к остановке автобуса, человек в плаще задержался.

Синий «форд», следовавший за ним, остановился рядом, открылась задняя дверца, показалось морщинистое лицо, а затем дуло пистолета с глушителем.

— Садись! — приказал этот пассажир.

Человек в плаще, поначалу не обративший внимания на оружие, был удивлен, что к нему обратились на его родном языке — в стране, где он жил теперь, это случилось нечасто, — затем вдруг сразу понял, что происходит. Он отпрянул, но сзади стоял гигант с расплощенным носом — он держал руку в кармане.

— Садись! — приказал человек с лицом боксера.

Альберто не двигался, пытаясь выиграть время, чтобы сориентироваться. Но сильным толчком гигант бросил его внутрь машины. Он почти плашмя упал на заднее сиденье, где сидел еще один человек. Тот держал пистолет так, чтобы Альберто сразу увидел его. Он сел, гигант следом влез в машину. Хлопнула дверца, и машина тронулась.

— Что это значит? — спросил Альберто, хотя уже предполагал, в чем дело.

Никто ему не ответил. Гигант вытащил сигарету и закурил.

— Я кубинский гражданин! — запротестовал Альберто. — Я работник посольства Кубы. Ваши действия вызо-

вут соответствующие меры властей. Я уверяю, что вам придется отвечать за это.

Боксер вынул сигарету изо рта и, прикрыв лицо руками, едва сдержал пискливый смешок, так не соответствовавший его размерам.

Другой человек протянул Альберто черный платок, приказав завязать глаза.

Дождь настойчиво стучал по ветровому стеклу автомобиля.

...Открылись дверцы лифта, подъем, несколько шагов до двери. С Альберто сняли повязку, и он увидел, что находится в хорошо обставленной комнате.

— Топай! — сказал морщинистый человек и подвел его к дивану. Затем он подошел к стене и нажал кнопку. Боксер направился к большому креслу, стоявшему у дверей, плюхнулся в него и, вытащив из пальто какую-то приключенческую книжонку, принялся листать ее.

Окна помещения были закрыты шторами, и Альберто не мог догадаться, где находится здание. Нескольких кругов по городу с завязанными глазами оказалось достаточно, чтобы он потерял ориентировку. Но это его не раздражало. Он прекрасно знал, с кем имеет дело.

Еще раньше он обнаружил, что находится под наблюдением. Несколько раз он замечал слежку. Однако сегодня они совсем обнаглели, прибегнув к похищению. Но с какой целью? Альберто опустил руки на колени.

— Зачем вы привезли меня сюда? — спросил он человека с морщинистым лицом.

— Заткнись! — крикнул другой по-испански. — Тебя никто не просил говорить. Заговоришь, когда прикажут.

Альберто собирался ответить, но вдруг внутренняя дверь открылась и в комнату вошел какой-то человек.

— Кабрера, Кабрера, — сказал вошедший с укоризной, — почему ты так обращаешься с сеньором Альваресом? Он наш гость и имеет право говорить все, что захочет. — Человек повернулся к Альберто: — Простите его, сеньор, он у нас новенький.

— Не объясните ли вы мне... — начал Альберто, однако вошедший прервал его.

— Я вам объясню все, что вы хотите, — сказал он и, вынув платочек, почистил носок своего блестящего ботинка.

Этому человеку было около пятидесяти. Безупречный бежевый костюм сидел на нем превосходно. Его волосы лежали так, будто он только что вышел из парикмахерской, а цвет их позволял предполагать, что они крашенные. По-испански он говорил с каким-то едва уловимым для Альберто акцентом.

— Во-первых,— начал человек с крашеными волосами,— позвольте мне извиниться за то, что мы привезли вас сюда, хотя мы оказали вам услугу — спасли от ливня. В любом случае я могу вас заверить, что через двадцать минут вы будете у ворот своего дома. На автобусе вы не добрались бы быстрее. Однако, как говорится, ближе к делу. Вы знаете, кто я?

Альберто промолчал, и человек неторопливо, с подчеркнутым дружелюбием продолжал:

— Так вот, я простой чиновник, как и вы. Чиновник, который исполняет то, что прикажут. Единственное различие между нами — вам платят одни,— он вытянул правую руку и приподнял брови,— а мне платят другие,— он вытянул левую руку и улыбнулся. Это единственное различие, поверьте мне. И вы, и я — всего лишь пешки. Я ничего не имею против вас. Я даже могу сказать, что симпатизирую вам. Поэтому сделаю одно хорошее предложение...

— Я уверен, что любое ваше предложение мне не подойдет,— заявил Альберто.— Я кубинец и...

— Нет, нет, нет... Пожалуйста, не говорите. Вы ошибаетесь,— улыбнулся франт.— Конечно, вы наверняка подумали, что я постараюсь вас завербовать или что-нибудь в этом духе. Нет, мой друг. Конечно же нет. Я с уважением отношусь к вашим убеждениям и просто был бы не способен... Нет, не хочу даже думать об этом. Мне очень нехотко, что мы вынуждены были побеспокоить вас. Пожалуйста,— человек пододвинул кресло к дивану и сел,— я уверяю вас, что, будь моя воля, я не повез бы вас сюда. Я могу даже сказать, что они,— он поднял указательный палец к потолку,— меня заставили. Вы знаете, приходится готовить ежемесячные отчеты... Это обычная формальность, но у них ничего не оказалось под руками, и они подумали, что поскольку вы работали в области нефтепереработки, то могли бы...

— Ах, вот в чем дело...— процедил Альберто сквозь зубы.

— ...дополнить чем-нибудь интересным данные, которые у них уже есть,— продолжал человек.— Поэтому вы находитесь здесь и... разговариваете со мной. Вы, конечно, скажете, что план нефтеперерабатывающего завода у нас имеется. Конечно, ведь он же принадлежал нам,— он каплянул,— то есть американцам... Я, как и вы, не имею ничего другого, кроме скромного жалованья. Мы всего лишь пешки, простые пешки.

— Я повторяю, что вы зря теряете время. Все это создаст дипломатический скандал. И я уверен...

— Нет-нет, пожалуйста! Если бы вы знали, как я боюсь всего, что касается дипломатии. Но ведь все это можно легко решить. Я мог бы уговорить «них» удовлетвориться некоторыми малоозначащими данными — и вы получили бы свободу! Это все, о чем я вас прошу. Два или три простеньких ответа, и мы никогда больше не побеспокоим вас.

— Я работник кубинского посольства и не должен давать отчет никому, кроме посла моей страны.

— Конечно,— согласился собеседник и поднялся с кресла.— А кстати, как себя чувствует ваш сын?

Альберто удивленно посмотрел на человека, который направился к столу и вытащил из ящика какой-то кофеверт.

— Мой сын? — спросил он настороженно.— Почему вы спрашиваете о моем сыне?

Франт вытащил какой-то листок из конверта, прочитал его и, демонстративно посмотрев на часы, с нарочитым спокойствием сказал:

— Через несколько секунд фельдшер введет первую дозу успокаивающего лекарства.— И, ухмыльнувшись, добавил: — Я заверяю вас, что он находится в прекрасной больнице. Мои люди специально заботятся о том, чтобы за ним хорошо ухаживали. Вам повезло.

— Ах ты... дрянь! — крикнул Альберто, набросившись с кулаками на франта, который едва успел прикрыть лицо. Удар кубинца пришелся ему в живот, заставив опустить руки. Но когда Альберто замахнулся еще раз, от удара в затылок у него поплыл туман перед глазами, и он упал.

Альберто чувствовал, когда гигант поднимал его с пола. Придя в себя после нескольких пощечин, он увидел франта, который, болезненно морщась, пытался привести

в порядок костюм. Рядом с Альберто в выразительных позах стояли человек с морщинистым лицом и боксер.

— Вы совершили ошибку,— сказал глухо франт и, взяв один из листов, которые он вынул из пакета, протянул кубинцу.— Прочтите. Это перечень медикаментов, которые ваш сын получает каждый день, и расписание, когда они ему даются.

Кубинец молча прочитал.

— И это,— сказал франт, показывая ему еще один листок.— Это список людей, которые имеют доступ в палату вашего сына.

Он повернулся спиной к Альберто и направился к окну в глубине комнаты. Еще не дойдя до него и как-будто вспомнив о чем-то, он воскликнул:

— Ах, да! Имейте в виду, люди, чьи фамилии помечены крестиком слева, «наши друзья».

Альберто отложил в сторону листки и, посмотрев на человека, стоящего перед ним, сказал:

— Не думайте, что это может запугать меня.

— Это, возможно, нет,— согласился франт, сделав знак человеку с морщинистым лицом.— Однако у нас есть кое-что еще, что, я думаю, произведет на вас большее впечатление.— Он протянул руку, взял фотографии, которые ему передал человек с морщинистым лицом, и добавил: — Есть люди, которых не проймешь самыми ужасными рассказами и описаниями. Однако...— Он бросил фотографии Альберто.

Это были фотографии мальчика в больнице. На одной из них был запечатлен момент, когда фельдшер делал ему инъекцию. На другой — визит доктора. На некоторых ребенок был один. На последней фотографии он увидел франта, склонившегося над кроватью,— он явно позировал перед объективом.

Альберто отбросил фотографии в сторону. Наклонившись, он спрятал лицо в ладони.

Прошло несколько долгих мгновений... Потом Альберто устало выпрямился и тихо спросил:

— Что вам от меня надо?

Франт приподнял бровь и пожал плечами.

— Ничего. Почти ничего, друг. Вы руководили работами по установке русского оборудования на нефтеперегонном заводе. Так вот, мы хотим, чтобы вы указали месторасположение нового оборудования.— Улыбнувшись,

он добавил: — Если для вас это будет нетрудно, сделайте нам маленький планчик, что-нибудь очень простенькое.

Альберто глубоко вздохнул, проглотил слюну и, глядя в пол, сказал:

— Мне нужно время... чтобы обдумать все.

— Мы предвидели это, — сказал Франт. Ленивым движением он вытащил из бокового кармана костюма карточку и, вручив ее кубинцу, пояснил: — Мы даем вам срок до завтрашнего утра. На этой карточке указано место и время, где вас встретят эти парни. — Он указал на человека с морщинистым лицом и гиганта. Затем, наклонившись к Альберто, будто для того, чтобы другие его не слышали, добавил: — Только вот что, хочу вам дать нечто вроде дружеского совета. Не пытайтесь демонстрировать свою храбрость. Вы должны понимать, что мы все не дураки.

Он вновь встал, и, прогуливаясь по комнате, говорил так, будто читал стихи:

— Во-первых, начиная с этого момента наблюдение за вашим сыном будет удвоено. Любая попытка поменять больницу приведет к печальным последствиям. При первом же подозрительном действии вашему ребенку «по ошибке» будет введено лекарство, которое вызовет «случайную» смерть.

Альберто едва смог скрыть дрожь, пробежавшую по телу. Франт же продолжал свое расхаживание и декламацию:

— Во-вторых, люди, которые поедут на встречу с вами, будут иметь портативные радиопередатчики, чтобы немедленно сообщить о любом подозрительном обстоятельстве, что приведет... к тому же результату.

Он остановился перед зеркалом и, причесываясь, продолжил:

— Вы и ваша жена будете находиться под постоянным наблюдением... при помощи тех средств, о которых я предпочитаю умолчать. — Голос его приобрел металлический оттенок. — В-третьих, любая ваша попытка связаться с посольством или любым человеком, будь-то по телефону или лично, приведет... впрочем, я уже сказал...

— Но если я не появлюсь на работе, то возникнет подозрение, — запротестовал Альберто.

— Вы нас недооцениваете, сеньор Альварес. Мы хорошо знаем, что до следующего вторника вам не нужно.

появляться в посольстве, а к этому дню я обещаю вам, что вы освободитесь от наблюдения и ваш сын будет находиться вне... ну, скажем, нашей заботы. Тогда вы сможете пойти к своему шефу и проинформировать его о случившемся. Если вы, конечно, заинтересованы в том, чтобы они узнали об этом. Хотя я бы не советовал вам так поступать. Что касается меня, то я обещаю, что забуду все... для вашей же пользы.

Франт выразительно посмотрел на своих людей и, жестом показав им на дверь, снова повернулся к кубинцу.

— Ну что ж, сеньор. Очень рад знакомству с вами. — И добавил, слегка наклонив голову: — Бог вам в помощь.

Альберто почувствовал приступ тошноты, он еле держался на ногах.

3 часа 30 минут

Альберто остановился у двери своего дома. Он постоял минутку-другую, глядя на замочную скважину, как будто забыв о ключе в кармане. Его неподвижная фигура с опущенными плечами, безвольно повисшие руки, склоненная голова... — весь он как-то согнулся, как от внезапного удара. Услышав шаги, он понял, что жена дома. Это заставило его выпрямиться. Он вздохнул и решительно открыл дверь.

Жена, протиравшая мебель, увидев его, бросила свое занятие, подошла.

— Что случилось, милый? — Она поцеловала его. — Почему ты не приехал обедать?

— У меня не было времени. Я перехватил кое-что. Как сын?

— Все так же. Сегодня я не смогла даже поговорить с ним. Похоже, что эти инъекции вызывают у него сонливость, — объяснила она.

Он молчал, не находя слов. Жена спросила:

— Хочешь, я приготовлю тебе немного кофе? — и, увидев в ответ утвердительную улыбку, ушла на кухню. Едва Альберто устало сел на диван, как раздался звонок телефона. Он снял трубку.

— Слушаю.

— Это квартира доктора Альвареса?

— Я у телефона, — сказал Альберто.

— Это говорит Франк.

— Франк? — переспросил Альберто.

— Да, из мастерской. Ремонт вашей машины заканчивается. Вы просили предупредить об этом.

— А!.. — воскликнул Альберто, сообразив. — Это прекрасно! Когда я могу забрать ее?

— Завтра после десяти, — сказал Франк.

— Нет, не годится. Она мне нужна раньше, до девяти тридцати, чтобы поехать на работу. Это возможно?

— Видите ли, — заколебался Франк, — тогда мне придется задержаться после работы. — И добавил с деланной скромностью: — Это значит, что нужно будет доплатить.

— Неважно. Она мне нужна.

— Ладно, — согласился Франк. — Можете быть уверены, все будет готово. Ах, да! Чуть не забыл. Замок вещевого ящика в салоне был поломан, и мы заменили его.

— Очень хорошо, спасибо.

— Ну что ж, до завтра, сеньор.

Человек повесил трубку, но Альберто продолжал держать трубку до тех пор, пока не уловил характерный звук — где-то тоже положили трубку. Это означало, что разговор подслушивался. Значит, телефон находится под наблюдением...

Жена стояла рядом с дымящейся чашечкой кофе:

— Выпей кофе, милый! Я не знаю, достаточно ли он сладкий.

— Выпей кофе, милый!.. Я не знаю, достаточно ли он сладкий.

— Очень хороший, спасибо.

Дверь небольшой комнаты открылась, вошел франт.

— Ну, как слышно, Тони? — спросил он того, кто стоял у аппарата.

— Очень хорошо! — ответил Тони, склонив голову набок. — Это через микрофон, который находится за диваном. Слышно прекрасно. Когда они вновь заговорят, вы сами...

— Старушка, подай мне сигареты.

— ...сможете... Послушайте! — Тони улыбнулся. — Разве не чудо этот аппарат?

Франт кивнул. Слышны были даже малейшие звуки, раздававшиеся в квартире Альберто Альвареса. Шаги, шелест газеты, мелодия, которую насвистывал кубинец.

Прислушавшись к фону, можно было даже уловить шум автомобилей, проезжавших по улице, на которой жил торговый атташе. Просто чудо. Вдруг в динамике раздался какой-то резкий звук, который тут же прекратился.

— Что это такое? — спросил франт.

— Должно быть, кто-то сел на диван, шеф. Ведь микрофон вделан там, а любой близкий звук усиливается во много раз.

— Хорошо, Тони, ты проделал великолепную работу, — похвалил франт. — Прекрасную работу. Рубио сказал мне, — он указал на другого человека, находившегося в комнате, — что ему звонили по телефону...

— Да, шеф, — ответил Тони, — но не беспокойтесь. Это из мастерской относительно его машины, и наши парни уже знали об этом. Завтра ему должны вернуть ее.

— В любом случае нам надо послать кого-нибудь, чтобы удостовериться, что там все нормально. Не следует подвергать риску...

— *Старушка, подойди-ка сюда,* — раздался голос Альберто в динамике.

— *Слушаю тебя.*

— *Садись, мне нужно кое-что сказать тебе.*

— Ну, сейчас начнется, — промолвил Тони.

Франт приложил указательный палец к губам и сердито посмотрел на него. Потом повернулся к Рубио и сделал ему такой же жест. Тот пожал плечами.

— *Старушка, сегодня кое-кто разговаривал со мной.*

— *Кое-кто?.. Как это? Ты хочешь сказать?..*

— *Да, я хочу сказать, что они сегодня говорили со мной.*

— *Что им было нужно?*

— *Некоторые сведения. Речь идет о том времени, когда я работал на нефтеперевозном заводе.*

— *Но они же дураки. Как они могут думать, что ты...*

— *Они угрожали мне. Они угрожали мне смертью сына.*

— *Альберто, но они же ничего не могут сделать ребенку!*

— *Нет, могут. Все дело в том, что они могут. Они способны на это...*

— *О, нет!..*

— Почему она беспокоится? — спросил франт. — Она же знает, что нужно сделать ее мужу.

— Послушай, старушка. Подумай. Подумай хорошенько об этом. Ты понимаешь мое положение?

— Да-да... Понимаю. Но ребенок?

— Я не могу даже в мыслях представить себе, чтобы изменить революции. Ты же знаешь, что это для меня значит...

Франт обменялся взглядом с Тони и снова уставился на аппарат, как-будто это помогало лучше слышать.

— Но, Альберто... А как же ребенок? Разве нет у нас выхода? Ты думаешь, что мы можем?..

— Послушай, старушка, не обманывай себя. Ребенка держат под наблюдением днем и ночью. У них агентура в больнице. Если мы попытаемся забрать его, это может привести к печальным последствиям. Понимаешь?

— Да... Да...

— Понимаешь? Хорошо. Мы с тобой также находимся под наблюдением. Телефон прослушивается, и кто знает, какими еще средствами наблюдения они пользуются.

— Ты даже и вообразить не можешь!.. — воскликнул вполголоса Тони, но, почувствовав руку франта на своем плече, умолк.

— Что ты думаешь делать?

— Не знаю. Но изменить революции я не могу.

— Но, Альберто... Разве ты не отдаешь себе отчета... они могут убить Альбертико! Может быть, можно найти какой-то выход?.. Ведь это такой крайний случай. Разве нельзя рассматривать его как...

— Замолчи! Не говори этого. Ты же прекрасно знаешь, что любое «сотрудничество» с ними равносильно предательству. Хотя, с другой стороны, ребенок... Не знаю. Просто не знаю.

— Альберто, ты всегда выполнял свой долг, куда бы тебя ни посылали. Но это же особый случай. Твои товарищи поймут. Речь идет о твоём сыне, Альберто. Подумай, ведь речь идет об Альбертико.

— Да... Я это знаю. Но... Может быть, ты и права. Может быть, действительно это тот самый особый случай.

Тони снова почувствовал у себя на плече руку франта, но на этот раз жест был благодушным — тот предчувствовал удачу.

— Но это так на самом деле, Альберто, именно так. Ты не можешь ничего поделать. Речь идет о жизни твоего сына. Любой на твоём месте поступил бы так же. Ес-

ли бы опасность угрожала тебе, я бы не говорила этого, но речь идет об Альбертико. Он же ни в чем не виноват.

— А что будет потом?

— Потом, когда ребенок будет в безопасности, ты можешь пойти в посольство и рассказать обо всем. Пусть тогда судят нас. Они будут знать, как с нами поступить. Вместе мы можем выстоять, что бы ни произошло. Все вместе, втроем.

— Это правильно, старушка. У меня действительно нет другого выхода. Мне стыдно, но, видимо, придется передать им эту информацию.

— Не беспокойся. Вот увидишь, все получится лучше, чем ты думаешь. Ведь наша власть добра.

— И дело в том, что у меня нет другого выхода.

Франт улыбнулся:

— Он правильно рассудил, этот парень. Очень хорошо, что он пришел к такому выводу! Это самое лучшее для него. Разве не так, Тони?

Тони, прислушиваясь к шуму шагов, раздававшихся в динамике, ответил не сразу:

— Да, шеф. Если дело пойдет так и дальше, то у нас все будет о'кей.

— Ты снова уходишь? — спросила она.

— Да, пойду в библиотеку. Они приказали мне, чтобы я продолжал свои обычные занятия, как будто ничего не произошло. Ты же знаешь, что по этим дням я хожу в библиотеку.

— Не задерживайся.

— Не беспокойся. Поцелуй меня. Ну вот, так лучше. Не беспокойся, я скоро вернусь.

Шум шагов становился все слабее, потом раздался звук открывающейся двери.

— До свидания, старушка!

— До свидания. Будь осторожен.

Голоса слышались приглушенно. Потом простучали каблучки, и все стихло.

— Жена ушла на кухню, — с уверенностью пояснил Тони.

Франт посмотрел на него, затем на Рубио и, запустив большие пальцы за пояс брюк, сказал:

— Ну что ж, он наш. Мы раскололи его. Теперь слушаем, как он запоет.

Альберто знал, что за ним следят. Сначала это было какое-то неясное ощущение неловкости, подсказанное «шестым» чувством. Он интуитивно почувствовал опасность, что-то необычное в окружающей обстановке. Он стал нарочно останавливаться у витрин магазинов и увидел, что какой-то человек в сером плаще также стал задерживаться, рассматривая выставленные товары, на расстоянии около двадцати метров от него. Когда он вновь пускался в путь, человек делал то же самое. Кубинец хотел узнать, сколько их, его преследователей, — один, двое... больше? Вдруг ему показалось, что он узнал человека, идущего впереди него. «Неужели он? Нужно быстро что-то предпринять», — подумал Альберто.

Выйдя на проспект, Альберто остановился в ожидании зеленого сигнала светофора. Хотя было довольно холодно, у него вспотели ладони. «Сколько их? Сколько? Надо узнать точно. Не исключено, что их трое». Свет зажегся, и он пересек проспект. Двери библиотеки на расстоянии тридцати метров... Посмотрев туда, Альберто решил. Повернув направо, он направился к лавочке.

— Дайте пачку жевательной резинки, — сказал он продавцу, показывая на витрину. — Вон из тех, что там.

И сразу же, как бы случайно, он повернулся спиной к прилавку и, пока продавец доставал пачку, быстро окинул взором всю улицу. «Тот, кто задержится», — сказал он себе. Ему показалось, что на него смотрит человек в черном пиджаке. Встретившись с ним взглядом, человек остановился у витрины обувного магазина.

«Их двое», — подумал Альберто, беря пачку и расплачиваясь с продавцом. Ему показалось, они не заметили, что он обнаружил их.

«Ну что ж, — думал он, — теперь эти типы будут ходить за мной, как родители за малым ребенком. Микрофон в доме, телефон прослушивается, слежка, угрозы... Они предусмотрели все».

Альберто вошел в библиотеку. Подойдя к столу выдачи, он стал заполнять формуляр и уже не удивился, когда увидел рядом человека в сером плаще, который также взял формуляр и стал что-то писать. Альберто положил заполненный формуляр в металлическую коробку и направился в зал технической литературы. Приветливо поздоровался с молодой библиотекаршей — он был с ней уже знаком. Взяв с полки толстую книгу, стал просмат-

ривать ее. Направившись затем к столику, он увидел, что человек в сером плаще внимательно изучает заполненный им формуляр.

«Наверное, ищет секретное послание». Эта мысль, несмотря на напряженность обстановки, рассмешила Альберто.

Прежде чем сесть, Альберто осмотрел зал. Из десяти столиков занято было только три. За крайним правым сидел человек лет тридцати пяти, одетый в синий свитер. Он лихорадочно писал, прерываясь лишь для того, чтобы посмотреть в одну из трех огромных книг, которые лежали перед ним. За другим столиком, ближе к центру, сидела старушка, накрашенная, пожалуй, сверх меры, и с большим интересом читала тоненькую брошюрку. За столом, стоявшим в глубине зала, худой лысый человек почти скрылся за книгой в прекрасном кожаном переплете.

«Хорошенькая компания», — подумал Альберто, усаживаясь на стул.

Избрав столик, который находился перед стеллажами, он сел спиной ко всем, кто находился в зале.

«Пусть не думают, что я намереваюсь искать с кем-нибудь связь», — сказал он себе и, развернув пакет с жевательной резинкой, положил ее в рот. Неторопливо и основательно расположившись, Альберто открыл книгу, взятую со стеллажа, рядом положил маленькую тетрадку, которой обычно пользовался, когда приходил в библиотеку.

Читал и делая заметки, Альберто случайно поднял взгляд и увидел человека в черном костюме — он сидел за ближайшим столиком. Не решившись прямо посмотреть на него, он продолжил свою работу. Подчас спускаясь, посмотрев на часы, он встал, поставил книгу на стеллаж. Одновременно он рассеянно оглядел зал — теперь все столики были заняты. Человек в сером плаще, заняв позицию неподалеку от двери, проявлял неумеренный интерес к агрономическим журналам.

«Какими образованными делаются мои друзья», — подумал Альберто, направляясь к выходу. На улице стало еще холоднее, и неоновые огни безуспешно боролись с туманом. Свет их казался призрачным, успокаивающим, и Альберто немного приободрился.

«Сейчас человек в плаще последует за мной, а его приятель в черном пиджаке в это время будет просмат-

ривать мою книгу, не оставил ли я там какой записки. Хотелось бы посмотреть на него в этот момент».

Не прошел он и тридцати шагов, как человек в сером плаще, как опытная легавая, привычно «взяв след», затопал сзади.

Утро вступало в свои права. Холодный ветер лез за воротник, проникал в рукава. Поэтому, когда гигант с лицом боксера вышел из синего «форда», ему пришлось застегнуть все пуговицы на пальто.

После того как хлопнула дверца, франт высунулся из окна:

— Спроси лишь о том, был ли кто-нибудь здесь, интересовался ли машиной Альберто Альвареса, — сказал он великану. — Мы тебя подождем кварталом дальше. Давай!

Франт снова сел поудобнее и приказал шоферу:

— Рубио, припаркуйся кварталом дальше. — Затем он повернулся к человеку с морщинистым лицом, который сидел рядом с ним: — Кабрера, где, черт возьми, ты откопал этого болвана?

— Шеф, у него не варит голова, но я не советовал бы знакомиться с его кулаками, — улыбнулся тот.

— Ну, раз ты так считаешь... — кивнул франт.

Машина остановилась за красным «фиатом», и Рубио заглушил мотор.

Войдя в мастерскую, человек с лицом боксера направился к конторке, где человек в халате возился около стеллажей.

— Послушай, приятель, — позвал его гигант.

Механик неохотно прервал работу:

— Что вам угодно?

— Мне нужно знать, готов ли драндулет Альберто Альвареса.

— Ремонт автомобиля сеньора Альберто Альвареса должен быть закончен, сеньор, — сказал механик, несколько удивленный вульгарными манерами гиганта.

— Я тебя не спрашивал, должен ли. Я тебя спросил, готов ли, — проворчал он.

«Что за тип?» — подумал механик, но сказал:

— Пойдемте со мной и посмотрим, готов ли он.

— О'кей!

Механик вышел из конторки вместе с гигантом, и оба направились туда, где стоял «додж» Альберто.

Когда они подошли к машине, механик посмотрел на переднее стекло.

— Да, ремонт закончен,— сказал он.— Об этом говорит наклейка на ветровом стекле. Я не был в этом уверен, потому что моя смена утренняя, а эта машина находилась в работе вчера вечером.

— А ты уверен, что здесь никто не крутился и не трогал ее?

— Нет, никто, сеньор. Я уверяю вас. В эту часть мастерской никому не разрешается заходить, поскольку здесь стоят машины, ремонт которых закончен. Лишь владельцы имеют право дотронуться до них первыми,— сказал механик и подумал: «Этот тип совсем не похож на хозяина машины. Он мне уже порядком надоел. Надо выставить его отсюда».

— Вы ведь хозяин? — спросил он, будучи уверен, что тот ответит ему отрицательно.

— Нет, я его приятель. Но мне хотелось проверить. На, ты заслужил эту бумажку.

— Спасибо, сеньор, большое спасибо,— ответил удивленный механик.

«Он все-таки не такой уж противный... А плата, видимо, за то, чтобы я помалкивал»,— решил он.

Гигант уже был на улице и направился к синему «форду».

— Ну что? — только и спросил франт.

— Шухера не было, шеф. Ни одна птичка не летала вокруг гнезда.

— Хорошо,— вздохнул франт, посмотрел на Кабреру, будто говоря: «Ну и словечки!» И заключил: — Тогда подождем.

Прошло еще минут тридцать, в течение которых по улице проехало много машин и прошло много пешеходов. Красный «фиат», стоявший перед ними, покинул место. Какой-то «пежо» занял его. Несколько человек вышли из своих домов, несколько детей отправились в школу, а они терпеливо ждали. Рубио первым увидел Альберто.

— Вот он! — воскликнул он, и все посмотрели в указанном направлении.

Кубинец уже входил в мастерскую. Увидев его, механик сразу же вышел из конторки.

— Вы сеньор Альварес? Ваша машина готова,— сообщил он ему с улыбкой.

— Очень хорошо. Сколько я должен?

— Вот счет. Ее закончили вчера вечером.

— Вот вам,— сказал Альберто, вручая деньги, и, будто бы вспомнив о чем-то, спросил: — Никто не интересовался моей машиной?

— Нет-нет, никто,— солгал механик.— Никто. А что?

— Да нет, просто так,— ответил Альберто и отправился к своей машине.

«Мне нужно принять решение... Я не хочу даже и думать об этом,— говорил он себе.— Как странно, что никто не пришел».

Он подошел к «доджу», открыл дверцу и сел в машину.

— Следуй за ним,— приказал франт, увидев машину Альберто.

«Форд» отправился вслед за Альберто, Рубио не оставал, но держался на благоразумном расстоянии.

— Кажется, он едет туда, куда мы его послали, шеф,— заметил человек с морщинистым лицом.

— Тем лучше для него. Да и для нас.

Прибыв на указанное место, Альберто остановил машину и вышел из нее. «Форд» припарковался сзади, и гигант сделал кубинцу знак, чтобы он подошел к ним. Альберто подошел к машине, ему открыли заднюю дверцу, и он сел.

— Ты точен, парень,— поспешил сказать гигант, посмотрев на часы.

— Точен,— подтвердил франт.— Поехали, Рубио. Ты знаешь куда.

Альберто посмотрел на них, не скрывая отвращения.

Человек в черных очках слушал доклад секретаря о допросе Альберто Альвареса — информация поступила из Каприкорнио. Закончив чтение, маленький человечек выжидательно посмотрел на шефа. Однако шеф даже не пошевелился. Он анализировал в уме события последних дней, пытаясь выстроить их в одну цепочку.

...Все это очень серьезно. Провал операции вторжения в район залива Свиней... Это привело к отставке его предшественника Ричарда М. Биссала. Стремясь взять реванш

и в соответствии с идеей, предложенной тогдашнему президенту Джону Ф. Кеннеди его другом сенатором от Флориды Джорджем Смазерсом, они запустили в ход план под названием «Патти». Казалось, задумано все отлично: покушение на майора Рауля Кастро в момент его выступления на массовом митинге в июле 1961 года на стадионе в Сантьяго-де-Куба и одновременная провокация инцидента на военно-морской базе в Гуантанамо, который послужил бы предлогом для интервенции на Кубу. Однако Кастро действовал очень быстро. Когда все было готово, чтобы приступить к исполнению плана «Патти», пришло сообщение, что агенты, участвующие в нем, арестованы. Он все еще помнил недоумевающие и растерянные лица Бишопы, Бендера и Хитча, основных руководителей этого плана. Стало известно и то, что было сказано президентом Смазерсу, когда тому пришлось в голову снова заговорить об этом вопросе. В довершение всего недавно, в декабре 1972 года, провалилась операция по организации мятежа в провинции Матансас. Это уже слишком. Ведь они самая мощная и лучше всех организованная разведывательная служба в мире! Служба, способная свергать правительства и финансировать самые крупные действия краткосрочного и долговременного характера в борьбе против международного коммунизма и в защиту демократии! И вот ряд крупных неудач... Все из-за этого чертова острова! Но самое ужасное, что провалы не случайны. Эти проклятые вездесущие агенты Кастро проникают всюду, эти любители-новички, не имеющие ни опыта, ни военных традиций.

— Вы плохо себя чувствуете, сэр?

Голос Джеймса вывел шефа из задумчивости. Лицо его покраснело.

— Я в порядке! — рявкнул он.

Маленький человечек посмотрел на него со страхом и начал лепетать:

— Сэр... я...

— Хорошо, хорошо. Давайте продолжим. Расскажите мне об Аренсбии и его подготовке.

Джеймс кивнул. Быстро перебрав бумаги, лежавшие на столе, взял одну из них, а остальные отодвинул в сторону и осторожно сложил план нефтеперегонного завода. Он посмотрел на своего шефа, кашлянул, чтобы прийти в себя, и стал рассказывать:

— Нет никаких проблем. Благодаря вашей проницательности и его физической подготовленности все идет хорошо. Организацию саботажа и диверсий, ведение агентурной работы — все дисциплины, включая самые трудные — топографию и подрывное дело, он сдал хорошо. По мнению... — Он приблизил к глазам бумагу, которую держал в руках. — По мнению начальника лагеря Роджера, это человек смелый и предусмотрительный. Он, как говорит Роджер, «подготовлен, чтобы взорвать Белый дом».

— Это ему нужно взорвать его глупую башку! — закричал толстяк. И, увидев робкую улыбку Джеймса, приказал, выйдя из себя: — Не смейтесь! Я таких шуточек не понимаю! В следующий раз, когда вы позволите себе такую выходку, я не знаю, что... Разве вы не отдаете себе отчета в важности всего этого?

— Да... сэр. Я знаю, насколько все это для вас... — пробормотал Джеймс. — Потому что вы...

— Для меня?! — закричал толстяк. — И для вас! Или вы думаете, что если меня вышвырнут, то вы здесь спокойноенько останетесь?

— Да, сэр. То есть я хотел сказать... нет, сэр. То есть ни в коем случае, сэр... Конечно.

— Еще чего не хватало! — сказал толстяк и про себя подумал: «Проклятая архивная крыса».

Джеймс не знал, как ему успокоить шефа. Наконец, тот, сделав презрительный жест рукой, снял очки, которые заметно запотели, вытащил платок и начал протирать их. Затем сказал:

— Продолжим. Что там в Гаване?

Джеймс сглотнул набежавшую слюну и стал суетливо искать бумаги в архиве. Найдя их, встал перед шефом, который продолжал привычно протирать очки. Он вздохнул:

— Все предусмотрено в соответствии с нашими инструкциями. Аренда дома на пляже, разработка определенных лиц, отбор людей, наблюдение за объектами, а также подготовка необходимых условий для выполнения любого из трех вариантов, который будет избран. Они ждут лишь Аренсибию и нашего приказа, чтобы начать действовать.

— Вы напомнили старшему группы, этому...

— Ромуальдо. Ромуальдо Мартинес... Крус, сэр.

— ...что он должен перейти в подчинение к Аренсибии?

— Да.

— Хорошо. Отправьте план Аренсибии, а также информацию об операции. Как только он все это получит, пусть немедленно отправляется на судно-матку. По прибытии ему надлежит сразу же спросить, не было ли каких новостей от подпольной организации.

Джеймс быстро записывал. Шеф уселся поудобнее и продолжил:

— Капитану судна отдай приказ немедленно связаться со мной, как только прибудет Аренсибия. К этому времени вам нужно сообщить в Нассау, чтобы оттуда передали шифровку. Не забудьте напомнить, чтобы они подождали условного сигнала с судна. Я буду ждать сообщения капитана, чтобы дать ему время прийти в нужную точку. Это все.

Джеймс кончил записывать последние инструкции и встал. Толстяк, подняв правую руку, смотрел против солнца на стекла очков.

— Я могу идти, сэр? — спросил Джеймс.

— Нет, подождите минутку, — ответил тот. Прищурив один глаз, чтобы лучше разглядеть пылинки на стекле, и уже более мягким голосом он сказал:

— Надо же как-то назвать все это!

— Ну что ж, сэр. Я думаю, что все это закончится хорошо. Конечно...

— Я не об этом.

Джеймс с опаской посмотрел, не взорвется ли шеф еще раз. Он напряженно пытался подыскать какое-нибудь хорошее название. Толстяк перестал рассматривать стекла, надел очки и спросил:

— Почему вы сказали «конечно»?

Джеймс рискнул ответить:

— Сэр, я тем самым хотел сказать... что... при нынешних обстоятельствах, когда враг... так сказать, и наш план столь хорош... что все это похоже... так сказать, похоже на игру в покер.

Толстяк опустил глаза на маленькую табличку, стоявшую на столе. Протянул руку и повернул ее к себе. На ней золотыми буквами было написано его имя. Он посмотрел на нее, глубоко вздохнул и, как бы уверившись в чем-то, заявил, словно убеждая самого себя:

— У нас карты лучше.

— Шеф! — воскликнул Джеймс. — Вам нравится это название? Покер!

— Покер. Операция «Покер».

— Это звучит неплохо, правда? Великолепно! — уже увереннее и громче сказал маленький человечек. — Вам в голову пришла гениальная идея.

Толстяк поправил очки и широко улыбнулся.

— Какое прекрасное название, Джеймс! — сказал он. — Затем произнес мягко, будто смакуя: — Покер, покер, покер...

...ИГРА НАЧИНАЕТСЯ

Четверг 21 марта

11 часов 58 минут

Ленивая ночь мягко опустилась на вершины сосен, расползлась по кварталам. Миллиарды тоненьких иголок лунного света пронизывали все, в том числе и маленькое окно на чердаке в одном из здешних домов. Внутри его свет мощной лампы, расположенной в центре потолка, резко высвечивал каждый уголок.

Маленькая книжная полка на стене слева, несколько цветных литографий. Обрезки электрических проводов, магнитофонные ленты и различные электрические приборы, разложенные на полке справа. Маленький магнитофон на столике под книжной полкой. Продолговатый стол под окном от стены к стене. На нем радиопередатчик, а рядом с ним радиоприемник. Человек, сидящий перед аппаратами, сосредоточенно крутил ручку настройки радиоприемника.

Прошло несколько минут, и стала слышна мелодия песни «Ночной дозор» в исполнении струнного оркестра. Волосатыми пальцами лысый, с выпуклыми глазами человек включил маленький магнитофон, соединенный с приемником. Подождал. Бобины равномерно вращались, записывая часть песни. Когда она кончилась, металлический голос стал четко произносить:

— Семь, восемь, восемь, четыре, один, три, один, семь, девять, ноль...

Человек с выпуклыми глазами записывал в блокнот цифры, которые монотонно диктовал металлический го-

лос. Через семь минут наступила пауза, затем раздалась новая песня, закончившая передачу.

Маленький лысый человек перемотал обратно ленту, чтобы проверить сделанные им записи. Закончив работу, он остановил магнитофон, провел рукой по лбу и принялся изучать лежащую перед ним бумагу.

Он сгруппировал цифры в группы по три. В результате у него сначала получилось 788, затем 413 и так далее. Затем, следуя полученным инструкциям, записал сотни одну под другой. Шифровка теперь выглядела так:

788	047	837	118	906	334
413	016	858	025	205	712
179	041	716	013	901	211 и т. д.

Закончив обработку цифр, он проверил, не сделал ли какой ошибки. Затем вытащил из стола отпечатанный на mimeографе листок с алфавитом, где рядом с каждой буквой стояла цифра.

Лысый человек положил листок с алфавитом рядом с тем, на котором были записаны цифры, и принялся представлять под каждой из них соответствующую букву. Через несколько минут он завершил работу, и на листке появилась надпись: «Гости придут сегодня ночью через четыре часа после ночного дозора, если бризы будут в порядке».

Человек сложил листок и спрятал его в карман рубашки, листок с алфавитом он сунул в стол. Войдя в комнату, он опустился на широкий диван, зажег сигарету... Прошло пятнадцать минут. Когда прозвучал звонок телефона, взгляд его выпуклых глаз остановился на циферблате ручных часов. Было двенадцать часов десять минут. Волосатые пальцы подняли трубку, прежде чем умолк третий звонок. Почти не двигая губами, человек сказал:

— Да.

На другом конце провода прозвучал сильный голос:

— Кот.

— Я ждал твоего звонка.

— Ну как? Есть что-нибудь?

Волосатые пальцы Серафима Адьеса не спеша расправили бумагу:

— Да. Сейчас. Записывай.

Короткая пауза на том конце провода, и снова сердитый голос:

— Говори.

Выпуклые глаза Серафима впились в листок и, опять почти не разжимая губ, но с оттенком значимости в тоне он внятно произнес:

— Гости придут сегодня ночью через четыре часа после ночного дозора, если бризы будут в порядке.

— Еще что-нибудь? — спросил голос.

— Нет. Это всё, — сказал Серафим и пожал плечами.

В голосе Кота послышалось удивление:

— Но... разве ты не понимаешь, Серафим?

— Я... что?

Кот не дал нечего похожего на смешок и сказал:

— Серафим, это значит, что скоро наступит праздник. Слушай меня внимательно. Оставайся все время дома и ожидай моих указаний. Теперь я могу позвонить тебе в любой час, а не только в двенадцать, как до сих пор. Понял?

Лысый несколько секунд обалдело смотрел на телефон. Глаза его, и без того выпуклые, казалось, совсем вылезли из орбит, рот широко раскрылся — до него дошло, что хотел сказать Кот.

НЕМНОЖКО НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ИСТОРИИ

В первые годы после победы кубинской революции за границей появились различные контрреволюционные эмигрантские группы, в них вошли представители буржуазных и других социальных слоев, те, кто бежал с Кубы.

Все они объединились под одним лозунгом — свержение революционного правительства путем вооруженной борьбы — и прибегли к так называемой партизанской войне «по-кубински», пытались создать очаги вооруженного сопротивления путем заброски маленьких диверсионных групп, перед которыми ставилась задача нападать на военные объекты и иностранные торговые суда, проходившие около берегов Кубы.

Известный план «Омега» — один из многих примеров применения такой тактики. Он предусматривал заброску в горные районы Кубы агентов с целью организации вооруженной борьбы против народной власти.

План «Омега» провалился — все его участники были схвачены через несколько дней после высадки на берег в районе Баракоа, в провинции Орьенте. В этой группе находился и Ромуальдо Мартинес Крус, по прозвищу Кот, имевший опыт контрреволюционной деятельности.

Несколько лет спустя Мартинес Крус познакомился в тюрьме с Карлосом Кариньо, агентом ЦРУ, который был захвачен при высадке на севере провинции Матансас.

Кариньо, который и в тюрьме продолжал свою контрреволюционную деятельность, привлек к ней и Кота. Цель их состояла в том, чтобы поднять восстание в провинции Матансас. Предусматривалось проведение нескольких акций, включая захват радиостанции, зданий полиции и министерства внутренних дел, провинциальной больницы.

Будучи в заключении, Кот не смог принять активное участие в действиях. Но, поскольку он являлся членом организации и личным другом Кариньо, ему было гарантировано место в военном отделе этой организации.

В первые дни декабря основные руководители контрреволюционного заговора — их было четырнадцать — попали в руки органов государственной безопасности. Так был положен конец ее деятельности.

Несколько дней спустя, 31 декабря, Кот вышел из тюрьмы, отбыв свой срок.

Он установил контакты с членами различных организаций, которым удалось скрыться после очередного провала. Он создал собственную группу, которая вскоре стала активной боевой единицей. Ее работа направлялась непосредственно Центральным разведывательным управлением.

Кот показал себя умным и деловым человеком. В проведенных им операциях никто из членов организации не был арестован, а результаты разведывательной деятельности были таковы, что он заслужил похвалу хозяев в ЦРУ. Теперь они рассчитывали с его помощью нанести новый удар революции: взрыв и полный вывод из строя расположенного в Гаванской бухте нефтеперегонного завода имени Ньико Лопеса.

Пятница, 22 марта

Рассвет

Маленький приморский поселок Бока-Сьеха был безлюден в эти часы. Почти непроницаемую темноту лишь

нредка прорезывал свет фар «кадиллака». Позади деревьев, росших по обеим сторонам улицы, свет создавал капризные тени, которые, казалось, убегали при приближении машины.

В машине было четверо. Они сидели молча. Их глаза настороженно всматривались в черноту ночи, чтобы вовремя заметить опасность.

Подъехав к одному из домов, машина остановилась. Человек, сидевший за рулем, погасил фары. Темнота сделалась еще плотнее.

— Это здесь, — сказал шофер.

Все посмотрели на дом справа. Один из двух человек, которые сидели на заднем сиденье, поднял густые брови и, не отводя взгляда от дома, согласно кивнул головой. Другой не пошевелился.

Ромуальдо Мартинес Крус, или Кот, — это он был за рулем — улыбнулся и сказал:

— Подождите минутку.

Он вышел из машины, открыл ворота и прошел через маленький палисадник к дверям дома. Там он остановился и внимательно посмотрел вокруг. Квартал был совершенно безлюден. Не зря он снял дачу в Бока-Сьеха. Дома здесь расположены на приличном расстоянии друг от друга, что очень удобно. Поскольку дача арендована «на время отпуска», появление в ней разных людей не привлекало внимания. Такое было бы невозможно в любом другом районе, где активно действовали комитеты защиты революции.

Он вытащил ключ, открыл дверь и сделал знак тем, кто находился в машине. Они бесшумно вышли и направились в дом. Кот дождался, пока войдут все, снова посмотрел вокруг и закрыл за собой дверь. Он провел их в большую комнату, где заранее был поставлен длинный и узкий диванный столик с несколькими блокнотами, карандашами и пепельницами. Когда они вошли, Кот пригласил:

— Располагайтесь, сеньоры.

Пабло Аренсибия, который выступал в роли шефа, и Уильям Лейва, специалист по самой современной подрывной технике, сели на диван. Освальдо Делас занял место в кресле. Кот взял другое и расположился напротив Пабло Аренсибии. Он принял удобную позу и ослепительно улыбнулся:

— Я надеюсь, вы довольны. Все получилось отлично. Не правда ли?

Пабло, Аренсибия, казалось, не слышал его. Он вытащил из кармана рубашки пластиковую коробочку, достал сигару, откусил кончик и, не глядя на Кота, спросил:

— Наблюдение за объектом не говорит о каких-нибудь изменениях?

Его сильный и ясный голос контрастировал с голосом Кота, на лице которого появилась напряженная мина.

— Нет. Все остается по-прежнему, — проинформировал Кот.

Аренсибия поднес сигару к огню зажигалки и провел от конца до конца, поворачивая немножко, чтобы она стала ароматнее. Элегантность и самодовольство его жестов шокировали Кота, который исподтишка кинул взгляд на своего помощника и с чувством неприязни откинулся в кресле.

Уильям Лейва отнесся к этой сцене безразлично. Аренсибия закурил сигару и спрятал зажигалку, разгоняя рукой дым.

— Хорошо, — сказал он. — Прежде всего нам нужно выяснить обстановку, чтобы выбрать способ, который мы применим в работе.

Освальдо Делас подтолкнул кончиками пальцев один из блокнотов, который находился на столе перед Аренсибией. Однако тот оттолкнул его обратно и предупредил:

— Нет. Здесь не следует ничего писать. Все следует запомнить. И так мы будем действовать до конца. Уделите этому делу полное внимание. Ясно? — Никто не ответил. Аренсибия посмотрел на всех и сказал: — Используя старую документацию, относящуюся к тому времени, когда завод принадлежал американцам, и некоторые данные о новом русском оборудовании, полученные недавно, мы разработали план, с помощью которого сможем передвигаться по территории завода почти беспрепятственно. Однако есть одно неблагоприятное обстоятельство.

Он замолчал, поднес сигару к губам и сделал глубокую затяжку. Его глаза под кустистыми бровями внимательно посмотрели на присутствующих. Затем он продолжил:

— Охрана завода организована таким образом, что невозможно проникнуть тому, кто там не работает. Для того

чтобы попасть на завод, нужно пройти через две проходные, которые находятся на главной улице. Они работают в соответствии с порядком, который позволяет обнаружить любую фальшивку или подмену. Служба охраны организована отлично. До сих пор все наши попытки проникнуть на завод оканчивались неудачно.

— Но я же вам посылал свои предложения по плану, — сказал Кот.

Аренсибия согласно кивнул головой характерным для него движением:

— Да. Именно это мы сейчас и уточним. — Ваш вариант «Б», который предусматривал вербовку одного из рабочих нефтеперегонного завода, был отвергнут с самого начала, потому что на это ушло бы слишком много времени, а нам нужно действовать быстро. Кроме того, судя по опыту, рабочие коммунистически настроены и очень верны Кастро. Когда они, случалось, принимали наши предложения, позднее оказывалось, что на деле работали на госбезопасность.

Кот был в явном замешательстве. Он посмотрел на своего помощника, затем перевел взгляд на эксперта, но тот внимательно наблюдал за кольцами дыма от своей сигареты. Тогда он вновь повернулся к Аренсибии, который, казалось, читал его мысли. Посмотрев на свои руки, он сказал:

— А вариант «А», который предусматривал использование...

— Фальшивых пропусков?

Глаза Кота сверкнули. Его «да» было хриплым и жестким.

— Мы отбросили его почти сразу, — отрезал Аренсибия и, положив руки на колени, добавил: — Когда мы говорим, что через посты охраны нельзя проникнуть, то это значит, что дело обстоит именно так. Я уже отмечал, что служба охраны налажена четко. Возможно, удалось бы пройти первый пост, но второй... А именно через него и можно попасть на территорию завода.

— А под видом профсоюзной комиссии? Или комиссии министерства здравоохранения?

— Я как раз и хотел об этом сказать. Под видом члена такой комиссии можно пройти через первую проходную, открывающую доступ в заводоуправление, столовую и прочие подобные не нужные нам места. Однако дальше

ничего не получится. На второй проходной фальшивые пропуска уже не пройдут.

Кот задумался, вытащил сигарету и не успел поднести ее к губам, как Освальдо, его помощник, уже поднес зажженную спичку.

Эксперт Вильям улыбнулся из своего угла.

Аренсибия стряхнул пепел сигары в пепельницу.

Кот спросил у Пабло:

— А почему вы так уверены в этом?

Аренсибия сделал затяжку, улыбнулся, показав ряд прекрасных вставных зубов, и ответил:

— Потому что им заранее сообщают о всех посторонних — о комиссиях из университета, Академии наук, Института горной промышленности и прочих. В списке точно указано количество людей, их имена и фамилии. При появлении какой-либо незапланированной комиссии пост обязан немедленно сообщить об этом начальству. Затем они связываются с организацией, которая посылает комиссию.

— Я думаю, что они вряд ли смогут связаться с нашей организацией!

На шутку Освальдо Деласа никто не решился среагировать под презрительным взглядом шефа. Эксперт Вильям вновь улыбнулся в своем углу. Аренсибия посмотрел на Кота и сказал:

— Кроме того, любая комиссия при посещении цеха должна иметь сопровождающего.

Кот встал и запустил руку в карман брюк.

— Так как же быть? — спросил он.

Аренсибия тоже встал, вынул сигару изо рта.

— А вот как, — сказал он. — Тот же самый механизм, что работал так безотказно, их же и подведет. Это создаст нам необходимые условия для проведения акции.

— Может быть, я болван, — сказал Делас, — но я ничего не понимаю.

Аренсибия, даже не посмотрев на него, продолжал:

— Каждый цех или отделение завода имеет свой отличительный цвет. Все рабочие носят каски, цвет которых зависит от того, в каком цехе они работают.

— Значит, у нас будут каски? — спросил Делас.

— Перестань мешать, Освальдо! — приказал ему Кот. Аренсибия продолжал:

— Каждый день на заводе находятся рабочие и, возможно, какая-нибудь комиссия. Поскольку при входе на завод организован строгий контроль, это означает, что всякий находящийся на его территории безусловно имеет на это право и может свободно ходить по заводу.

Кот вопросительно поднял брови:

— Это значит, что...

Аренсибия прервал его:

— Это значит, что если мы доберемся до территории, то сможем ходить по ней так же свободно, как и все они.

— А как мы?... Не хотите ли вы этим сказать, что в ход пойдет вариант «Ц»?

— Да, — подтвердил Аренсибия, обращаясь к Коту. — Я все подробно объяснил, чтобы вы поняли, что вариант «Ц», который вы сами назвали рискованным, все же осуществим. Он к тому же ускоряет дело.

Кот сделал глубокую затыжку и отошел подальше, будто испугавшись, что остальные узнают его мысли. В его глазах промелькнуло недоверие. Ему не нравился этот тип, который в считанные минуты раскритиковал все придуманные им способы проникновения на завод, указав на их слабые места. Он и сам знал об этом, но вариант «Ц»! Коту очень не хотелось прибегать к этому рискованному, очень опасному варианту.

Хотя Кот и ожидал этого, однако был застигнут врасплох. Аренсибия внимательно смотрел на него, будто ожидая ответа. «Да, — думал Кот, — этот человек показал свое превосходство надо мной в присутствии всех, и это трудно вынести».

Когда Коту сообщили, что он поступает в распоряжение прибывающего агента, он подумал, что, как бы там ни было, сможет управлять им, подчинить своей воле, как он это делал со всеми, с кем ему раньше приходилось работать... Хотя должен действовать с большим тактом. В конце концов главное для него — выехать из страны. Конечно, вариант «Ц» самый рискованный, тем более что основная нагрузка в нем ложилась на Кота. Это было трудно, опасно, но зато в случае удачи гарантировало хорошее вознаграждение и расположение хозяев по прибытии в Соединенные Штаты. Он подошел к столу, загасил сигарету о пепельницу, посмотрел на Аренсибию и улыбающегося эксперта и, согласно махнув рукой, сказал:

— Хорошо. Давайте обсудим этот вариант.

Он направился к небольшому шкафу, вынул из него черный кожаный чемоданчик, вернувшись к своему креслу, взял ручку, вытащил бумаги и разложил их на столе, затем, посмотрев на Аренсибию и эксперта и похлопав руками по коленям, сказал:

— Можете задавать вопросы.

Аренсибия, внимательно следивший за его движениями, медленно сел и посмотрел на чемоданчик и бумаги. Кот развернул на столе план завода.

— Это?..

— Да. Это план завода. — Кот с мрачным видом кивнул головой.

Аренсибия пробежал взглядом по листу ватмана. Затем, как бы пренебрежительно, сказал:

— Очень хорошо... Хотя, конечно, здесь нет новых установок. Но вы и не знаете ничего о них.

Кот поднял взгляд и с легким вызовом спросил:

— А ваш где?

Аренсибия медленно поднял взгляд и встретился с глазами Кота.

— Вот здесь. — Он постучал указательным пальцем по лбу. — Он в моей памяти. Я вам сказал, что не следует ничего писать.

Некоторое время они молча и внимательно смотрели друг на друга.

В этот момент впервые прозвучал голос эксперта Вильяма:

— Вы ведете наблюдение за движением поезда? Это очень важно для нашего бегства.

Освальдо Делас поспешил ответить:

— Да. Все проверено. Он проходит в шесть часов четыре минуты.

Однако эксперт продолжал смотреть на Кота, как будто не слыша ответа. Кот подтвердил сказанное.

— Как дела с машиной, на которой мы поедem? — спросил Аренсибия.

— Никаких изменений. По всем вопросам у нас самая свежая информация.

— И о начальнике пожарной команды?

— Да, его зовут дель Корраль. Лейтенант Родольфо дель Корраль. Мы имеем всю необходимую информацию о нем. Если хотите, можете ознакомиться...

— Нет-нет. Сейчас нет. Если у вас есть все данные,

те нам не трудно будет отделаться от него. Он умный человек. Давайте продолжим. Как с оборудованием?

Кот вытащил одну из бумаг с рисунком цилиндрического бачка, разделенного перегородками, на котором были проставлены размеры в сантиметрах.

— Этот бачок, — сказал он, — спроектирован в соответствии с размерами машины, которой мы будем пользоваться. Входное отверстие всего пятьдесят сантиметров. Я надеюсь, что материал, который вы привезли, поместится здесь. Если нет, то надо будет изменить размеры, прежде чем его делать.

— Как?! — среагировал Аренсибия, брови которого почти соединились. — Вы его еще не сделали?

Кот чувствовал себя застигнутым врасплох. Он повернулся в кресле и, пожав плечами, сказал:

— Нет. Мы не знали, какой из трех вариантов будет принят. Бачок необходим лишь при варианте «Ц». Но сделать его недолго, — улыбнулся он, довольный тем, что может предложить выход. — У нас есть механик, который займется этим.

— И он в курсе всего этого? — спросил Аренсибия, от которого не ускользнула импровизация Кота.

— Нет, — ответил тот быстро. — Но завтра я собирался поговорить с ним в любом случае.

— Почему?

— Потому что его участие предусмотрено вариантом «Ц».

Аренсибия помолчал минуту, как бы обдумывая сказанное, потом сказал:

— Хорошо, продолжим. Как дела с рабочей одеждой?

— Тоже все предусмотрено. Ее нам предоставит человек, который работает в прачечной. Он не наш агент, но...

— Но за деньги готов продать мать родную, — хвастливо высунулся Освальдо Делас.

Кот пронзил своего помощника взглядом.

Аренсибия покачал головой. Эксперт поднял руки к вискам и шумно вздохнул.

— Говори тогда, когда тебе прикажут, Освальдо, — сказал Кот.

Тщедушная фигурка помощника утонула в кресле.

Аренсибия вновь раскурил потухшую сигару. Затем спросил:

— Можно доверять этому человеку?

— Да. Мы уже пользовались его услугами. Конечно, он не знал, с какой целью все это делалось. Однако если хорошо заплатить, то его ничего не будет интересовать. Он наверняка подумает, что речь идет о краже или о чем-либо подобном. Тогда мы использовали одежду для того, чтобы вывезти засыпавшихся людей.

— А если вдруг будет замечена нехватка одежды в прачечной?

— Нет. Мы всегда возвращаем ее сразу после операции. Он стирает и гладит вещи снова, чтобы иметь их готовыми к тому времени, когда клиенты должны прийти за ними.

— Но на этот раз мы не вернем их, — напомнил Аренсибия.

Кот улыбнулся, блеснув золотым зубом.

— Пусть выпутывается сам, как хочет.

— А бланки? — спросил Аренсибия.

— Все готово. У нас есть человек, который работает в типографии. Он прекрасный мастер и сделает для нас все, что нужно, рассчитывая на то, что мы вывезем его с Кубы. Он уже сделал шоферское удостоверение, которое нам необходимо. Вам нужны документы?

— Нет-нет. У нас есть, — сказал Аренсибия. — Хотя все равно мы не выйдем из этого дома до начала операции. — Затем, наклонившись к Коту, он спросил: — Кто займется этими контактами?

— Мой помощник, — ответил тот и указал на Освальдо.

Аренсибия посмотрел на Освальдо, который сделал шаг по направлению к нему. Освальдо опустил глаза и замер.

— Я надеюсь, что вы справитесь со своей работой. Через полтора часа надо отправляться. Вам известна инструкция?

— Да, сеньор, — подтвердил Освальдо.

— Помните, что каждому нужно говорить лишь то, что он должен знать. Понимаете?

Освальдо кивнул головой. После недолгого молчания Аренсибия заключил:

— Хорошо. Теперь нам нужно немного поспать. Потом мы встретимся, чтобы обсудить план действий. По окончании работы нужно сжечь все бумаги. Это мой при-

каз. Ваша и моя жизнь зависят от этого. Я не намерен рисковать без нужды. Вы согласны, Ромуальдо?

— Согласен, — ответил Кот и, сделав приглашающий жест, сказал:

— Пойдемте, я покажу ваши комнаты.

— О'кей, — согласился Аренсибия и встал.

— Кстати, я хочу вам кое-что сказать об этом «кадиллаке»...

— Машина находится в прекрасном состоянии, — поспешил вставить Кот.

— Нет-нет, я не об этом, — перебил его Аренсибия.

Они остановились перед дверью. Аренсибия продолжал что-то втолковывать Коту. Освальдо прошел несколько метров в направлении комнаты, в которой он жил с Котом. Он уже собирался открыть дверь, когда услышал, как Кот, понизив голос, спросил:

— Когда будем проводить операцию, Аренсибия?

Освальдо напряг слух и, когда до него донеслось «в воскресенье на рассвете», быстро вошел в комнату.

...Всходило солнце, начиналось утро нового дня. Это была пятница, 22 марта.

ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА

Пабло Аренсибия родился в Сантьяго-де-лас-Вегас. Вскоре семья переселилась в Гавану. Там его отец участвовал в ряде грязных дел, а потом, в 1937 году, известный гангстер Мейер Лански заключил с ним контракт для работы в казино, которое только что открылось при гостинице «Националь».

На следующий год из-за жестокой конкуренции между двумя гангстерскими шайками отец Пабло был убит почти у дверей своего дома. Пабло видел все из окна и поклялся отомстить человеку, убившему его отца. Ему тогда было двенадцать лет.

В шестнадцать он выполнил клятву и отправился в Соединенные Штаты. У него было две причины, чтобы уехать. Первая — скрыться от кубинских властей, вторая — найти Мейера Лански, который обещал помочь семье, когда был убит отец.

Шел 1943 год. В разгаре была вторая мировая война. Пабло встретился с Лански, который в тот момент был

занят очень важным делом — добивался освобождения из тюрьмы своего друга Лаки Лусиано.

Лански от имени национального синдиката гангстеров договорился с военно-морской разведкой Соединенных Штатов о том, что Лусиано из тюрьмы даст указание не допускать никаких актов саботажа в доках американских портов. В обмен на этот «патриотический» жест Лаки Лусиано по окончании войны должен был получить свободу.

Мейер, таким образом, смог предложить Пабло только одну работу — участвовать в операции «Бруклин», осуществляемой совместно национальным синдикатом гангстеров и военно-морской разведкой. Пабло согласился.

По окончании войны Лусиано был освобожден и депортирован. Синдикат теперь возглавил Лански. О Пабло Аренсибии ничего не было известно вплоть до 20 июня 1947 года, когда в доме № 810 по ул. Линдет в Беверли-Хилс, Калифорния, был убит девятью пулями Бенджамин Багси Сайгел, давнишний уполномоченный синдиката на Западе, который, по-видимому, повел себя слишком независимо. И Лански расправился с ним с помощью Аренсибии. Два дня спустя Пабло был опознан свидетелем как один из тех, кто стрелял в Багси. На территории США был объявлен его розыск.

Говорят, его видели в тот год на Кубе, в Гаване, в доме Лусиано, но это не подтвердилось.

Потом Пабло объявился в Марселе. Известно, что по окончании войны Лусиано создал предприятия по производству героина в Сицилии и Италии, а главным портом по экспорту наркотиков в США стал Марсель. Пабло работал на него и в то же время сотрудничал с ЦРУ — участвовал в подавлении забастовок, которые угрожали парализовать доки Марселя в 1947—1950 годах.

В середине 50-х годов Пабло вернулся в Гавану и по примеру отца стал работать в казино. Сначала в «Гавана-Хилтон», а потом, когда Мейер Лански построил отель «Ривьера» и сделал Эдди Селлини, друга Пабло, администратором, тот пригласил его к себе. Он числился помощником электрика, хотя ничего не смыслил в электричестве.

После падения правительства Батисты Мейер покинул Кубу, и Пабло остался без работы. С января 1960 года он вновь стал сотрудничать с ЦРУ. Следственный отдел Повстанческой армии раскрыл контрреволюционную груп-

пу, члены ее были арестованы, однако Аренсибии удалось бежать с Кубы на похищенном катере.

В январе 1964 года на Больших Багамских островах был открыт отель «Лакайен Бич», и Пабло вновь стал работать в игорном зале, где Дино Селлини, брат Эдди, был администратором.

Когда Эдди Селлини прибыл на Большие Багамы и стал администратором казино «Параизи Исланд», Аренсибия ушел к нему. Позднее, в 1970 году, правительство выслало Эдди Селлини, а вместе с ним и Пабло.

Селлини перебрался в Майами, но Пабло не мог въехать в США, поскольку с него не было снято обвинение по делу об убийстве Багси Сайтела. Ему не оставалось ничего другого, как затеряться в Латинской Америке. Он поступил на службу к Санто Трафиканте, которого называли королем наркотиков. Так в 1971 году Аренсибия оказался в Парагвае. Тогда эта страна была главным перевалочным пунктом для тех, кто доставлял наркотики из Европы в Соединенные Штаты.

В 1972 году Аренсибия вынужден был бежать, когда Санто обнаружил, что Пабло передавал людям Лански информацию о деятельности торговцев наркотиками. Пабло оказался в кубинской колонии в Майами. Он находился там на полуплегалном положении, оказывая мелкие услуги шайке торговцев наркотиками, пока она не была обнаружена ФБР.

ФБР начало слежку. Пабло заматался, не зная, куда ему деваться. В Латинской Америке Санто Трафиканте прикончил бы его. В Европе не было друзей, а Лусиано, его покровитель, умер. Единственным человеком, который мог бы уладить его дела с американскими властями, был Мейер Лански, но он сам находился в тяжелом положении (его обвиняли в укрывании налогов), и ему было не до Аренсибии.

В этих условиях у Пабло Аренсибии не было выхода. Не было.. Но два месяца тому назад ему сделали заманчивое предложение: в обмен за определенные услуги он получил пятьдесят тысяч долларов и возможность свободного жительства в Соединенных Штатах. И он, конечно, согласился.

Пятница, 22 марта

— Вы не могли бы вызвать на минутку Даниэля?

Вахтер неохотно поднялся.

— Я позову его, но это запрещено делать в рабочее время, — сказал он и медленно отправился в цех.

— Спасибо, приятель, — поблагодарил его Освальдо. Он посмотрел на часы — восемь утра.

Типография была маленькая. С того места, где он находился, можно было взглядом окинуть почти все помещение, где стояло четыре машины. Работали только три, ритмично и мягко. На стенах были развешаны различные детали и шрифты самых разных размеров.

Вахтер остановился около одного из рабочих. Тот сидел перед широкой коробкой, из которой набирал шрифт для плаката. Он тронул его за плечо и указал в направлении двери. Освальдо, увидев, как глаза Даниэля сощурились в попытке разглядеть его, сделал приветственный жест.

Даниэль Бардиус принадлежал к типу людей, которые правятся женщинам: высокий, статный, около тридцати лет. Его подвижные голубые глаза смотрели умно и выжидательно.

— Чего тебе? — спросил он, подойдя к Освальдо.

— Слушай, я должен передать тебе просьбу от брата.

Даниэль потянул его в сторону от двери типографии. Когда они подошли к углу здания, Даниэль с подозрением осмотрелся вокруг и сумрачно сказал:

— Я же тебе говорил, чтобы ты сюда никогда больше не приходил.

Освальдо, обмахивая лицо рукой, ответил:

— Да брось ты дрейфить, приятель. Здесь каждый может прийти к своему знакомому на работу.

— Да, — согласился Даниэль. — Но если ты знаешь, где я живу, то тебе незачем приходить сюда...

Освальдо нетерпеливо и резко перебил его:

— Послушай, приятель, если я пришел сюда, значит, я должен был прийти. Понятно? В конце концов я помощник шефа...

— Ну хорошо, хорошо, — согласился Даниэль. — Говори, чего ты хочешь?

Освальдо глубоко вдохнул, выпятил грудь. Так он обычно делал, чтобы представить себя важной персоной.

— Дело началось, и я должен дать тебе первое указание.

Даниэль снова посмотрел по сторонам и приблизился к нему.

— Что? — спросил он тихим голосом.

«Помощник шефа» вытащил из кармана рубашки желтый бланк с контрольным штемпелем.

— Нужно сделать не менее сорока таких бланков, — сказал он и передал образец Даниэлю. — Сможешь?

Тот спрятал бланк в карман брюк и, качнув головой в сторону типографии, сказал:

— Ты же знаешь, как обстоят дела. С каждым днем все строже и строже. Ну ладно, я всегда чего-нибудь придумываю. Так что скажи Коту — никаких проблем не будет. Послушай, а для чего все это?

— Эти бланки — пропуска для пожарной охраны, которые используются при инспекциях с целью проверки противопожарного оборудования на предприятиях, — объяснил он, повторяя наизусть слова инструкции.

— «Оборудования»... Это огнетушителей, что ли?

— Ну да.

— А зачем вам это?

— Это не твое дело. Делай, что тебе говорят, и забудь об остальном.

— Хорошо, хорошо. Меня не интересует ничего, кроме того, что я должен делать. Совсем не интересует. Когда вам это надо?

— Сегодня вечером после восьми я заеду к тебе домой, чтобы забрать их, и сообщу, что тебе нужно делать потом. Я не могу сказать точно час, когда я приеду, потому что у меня полно всяких дел, ты сам это знаешь. До скорой встречи.

Перейдя улицу, Освальдо направился к «кадиллаку», припаркованному неподалеку.

Даниэль некоторое время смотрел ему вслед, затем оглянулся по сторонам и, приняв независимый вид, направился к типографии. Несколько минут спустя «кадиллак» остановился около будки телефона-автомата. Освальдо вышел из машины и, зайдя в будку, набрал номер. На третьем гудке глухой пропитый голос отозвался:

— Прачечная.

Освальдо прокашлялся и сказал:

— Говорит Гиена.

Пропитый голос провизжал:

— Какая там еще гиена? Иди к чертовой матери!

На том конце повесили трубку. Лицо Освальдо налилось краской. Он посмотрел вокруг, будто боясь, что кто-нибудь слышал голос из прачечной, и вновь набрал номер.

— Прачечная.

— Послушай, старик, это я, Освальдо.

— А-а-а, это ты. Чего тебе?

— Разве я тебе не говорил, приятель, что это будет пароль, когда я тебе буду звонить?

— Нет, нет, нет... Хватит заниматься дерьмом. Какая там гиена? Чего тебе еще надо?

Освальдо едва сдержался и напомнил:

— Заказ, о котором ты знаешь. Их два. Один на мой размер, а второй на тебя, только немножечко поплнее.

— Когда? — спросил тот.

— Сегодня вечером.

Хриплый голос из прачечной замолк, потом сказал:

— Хорошо. Приезжай ко мне домой после шести. Плата та же, что и в прошлый раз, слышишь?

— Нет вопроса, — согласился Освальдо. — Ты же знаешь, что за мной не пропадет.

— Ну хорошо, договорились.

— Пока.

Выйдя из кабины, Освальдо увидел красивую девушку в школьной форме, которая ожидала очереди, чтобы позвонить. Посмотрев на нее с вызовом, он отправился к «кадиллаку», выпятив, насколько мог, грудь. Машина так рванула с места, что взвизгнули шины...

Прохладный ветерок пробежал по улицам, напоминая о том, что зима еще не кончилась. Брусчатка узких улиц старой Гаваны, почерневшая от времени, казалось, устала от людского потока. Автобусы, автомобили, грузовики заполняли воздух монотонным шумом.

Среди этого муравейника «кадиллак» с большим трудом отыскал свободное пространство на стоянке автомобилей у механической мастерской Управления мукомольной промышленности.

Механик, мывший в банке с бензином какие-то детали, увидел «кадиллак» и выпрямился — он узнал прибывшего. Вынув из заднего кармана комбинезона тряпку, механик стал вытирать руки, направляясь к автомобилю.

Освальдо стоял, облокотившись на капот, и ждал, когда тот подойдет.

— Как дела? — спросил механик, подойдя к нему.

— Ничего. Как у тебя?

Тот пожал плечами:

— Хорошо. Чего это ты сегодня пожаловал?

Освальдо склонил голову набок.

— Я с хорошими вестями, — сказал он решительно.

Лицо механика засветилось.

— Какое-нибудь дельце? — спросил он.

— Нет, приятель, это то, о чем я тебе говорил уже много раз, — со значением произнес Освальдо.

Механик оглянулся вокруг и прошептал:

— Тсс... говори потише. Здесь даже стены слышат. — Затем, улыбнувшись, добавил: — Я знал, что ты мой друг и не бросишь меня. Так в чем дело?

— Пока нужно, чтобы ты сделал нам одну работенку.

— Что именно?

— Пойдем.

Они обошли автомобиль спереди. Освальдо открыл правую дверцу и, взяв с сиденья желтый конверт, вытащил из него бумагу.

— Посмотри на это и скажи свое мнение, — сказал он.

Механик пристально посмотрел на бумагу с изображением цилиндрического бачка, внимательно изучил чертеж и полувопросительно заключил:

— На крышке должна быть резиновая прокладка для герметичности? Не так ли?

— Да. И это самое главное.

— Когда это надо?

— Сегодня вечером.

— Ты с ума сошел.

— Почему?

— Да потому, что это не сделаешь в две минуты. К тому же я не могу работать здесь. Это придется делать дома, а сегодня я кончаю очень поздно. Надо еще достать материалы, сделать вид, будто произошла авария на улице или что-нибудь в этом духе, чтобы положить все необходимое в подвижную мастерскую и уехать на ней домой.

— И тебе много чего надо? Ты не можешь отвезти это на своей машине?

— Куда там. У меня кончился ацетилен, и надо достать его. Единственный способ сделать это — заменить

мой баллон на тот, что в подвижной мастерской, а потом сообщить, что газ кончился.

— Хорошо, — согласился Освальдо. — А из чего ты будешь делать его?

— Наверное, из нержавеющей стали. Это самое лучшее из всего, что тут есть.

— Прекрасно. И когда ты думаешь закончить?

— Я постараюсь сделать все к ночи. Заезжай ко мне домой.

Освальдо одобрительно похлопал его по плечу и заключил покровительственно:

— Вот таким ты мне нравишься. Именно так поступают настоящие мужчины. Я тебя тоже не подведу.

— В котором часу ты заедешь?

— Как ты скажешь.

— В десять, а может быть, в одиннадцать.

— Хорошо, около одиннадцати я буду. Привет, приятель.

— Будь здоров.

Освальдо сел в «кадиллак» и направился по улице О'Рейли к Монсеррату. Там он повернул направо и, проезжая около здания Управления пожарной охраны, улыбнулся. «Если бы вы знали, что вас ждет», — подумал он и поддал газу, стремясь влиться в поток машин, направляющихся в тоннель, выходящий на Бока-Сьегу. Было девять часов двадцать минут утра.

Небо по-прежнему оставалось серым. Даже днем на улицах этого маленького пляжного местечка никого не было. Блеклый зеленый цвет, закрытые окна и двери придавали дому № 15 унылый вид. Только цветы в палисаднике у входа слегка оживляли общую картину.

Освальдо остановил машину перед домом. Выходя, он не выключил мотор и направился к гаражу, расположенному слева, чтобы открыть двери. Потом вернулся в машину и заехал внутрь. Когда он подошел вновь к двери, чтобы закрыть ее, его внимание привлекли заметные на полу гаража черные масляные следы покрышек. На рисунке протектора одного из колес приблизительно через каждые два метра повторялся характерный изъём. Освальдо поднялся и пошел снова к «кадиллаку», чтобы осмотреть покрышки.

Действительно, на левой задней имелось углубление, сделанное острым камешком или чем-то еще. Он вы-

прямился, прикидывая, какое значение могло иметь это открытие.

«Лучше промолчать, — решил он. — Ведь для того чтобы оставить такой след, нужно проехать по маслу, а это могло произойти только здесь. Однако на всякий случай нужно поменять колесо».

Освальдо направился к багажнику, чтобы достать запаску. Когда он уже собирался поднять крышку, из двери дома, выходящей в гараж, высунулся Кот:

— Освальдо! Разве я не говорил тебе, чтобы ты ни в коем случае не пользовался «кадиллаком»?

Освальдо замер, парализованный страхом.

Кот продолжал злобно выговаривать:

— Я же тебе сказал, чтобы ты взял «понтяк», а ты поехал на «кадиллаке»!

— Послушай, Кот, дело в том, что я...

— Нечего оправдываться! Не говоря уже о том, что ты нарушил приказ, надо быть дураком, чтобы выехать на такую работу в автомобиле, который за версту виден, где бы ни появился.

— Шеф, я обещаю...

— Хватит обещаний! Теперь будешь ездить только на «понтяке», а эта машина все время будет стоять здесь. Понятно?

Освальдо покорно кивнул головой.

Бросив на него пронзительный взгляд, Кот, лицо, которого было искажено гневом, необычно хриплым голосом сказал:

— Постарайся не совершать больше ошибок, Освальдо! — и ушел.

Освальдо несколько секунд оставался в неподвижности.

«Если я скажу ему о следе покрышки, он прибьет меня», — подумал Освальдо и торопливо принялся менять колесо.

Ночь уже вступила в свои права, когда Освальдо остановил «понтяк» у тротуара, вылез из него и подошел к двери маленького обшарпанного деревянного домика в районе Реглы. Оглядев улицу, он постучал в дверь. Два быстрых удара. Пауза. Снова два быстрых удара.

— Кто там? — спросил изнутри хриплый голос.

Рассерженный Освальдо поцокал языком и повторил серию ударов. Два быстрых. Пауза. Снова два быстрых.

— Я же спрашиваю: кто там? — прокричал хриплый голос.

— Я.

— Кто это «я»?

— Освальдо, приятель. Кто же еще?

— А-а-а! Минутку, сейчас выйду.

Освальдо посмотрел на часы. Он и так задержался с выездом, а теперь еще этот тип не торопится открывать. Когда он собирался снова постучать, засов отодвинулся. Дверь открылась как раз настолько, сколько было нужно, чтобы протиснуться.

— Проходи.

Освальдо вошел в комнату. Высокий худой человек с длинными бачками закрыл дверь. Это был прачечник. Он сразу же направился к неубранной грязной кровати, порылся за ней и вытащил набитую бумажную сумку.

— Давай побыстрее, — сказал он, вернувшись к Освальдо. — Комитеты защиты революции не спят, и я совсем не хочу, чтобы тебя видели выходящим из моего дома с сумкой.

— Не беспокойся. Я тоже тороплюсь.

— Возьми, — сказал прачечник, передавая ему сумку, — и помни, что должен вернуть мне все это в понедельник. Ясно?

Освальдо вытащил несколько кредиток из кармана и, помахивая ими перед лицом прачечника, ответил:

— Будь спокоен. Вот твоя монета.

Прачечник быстро пересчитал деньги и спрятал их в карман брюк.

— Хорошо.

— Ну что ж, я исчезаю.

Прачечник открыл дверь и пошел проводить Освальдо. Когда тот подошел к автомобилю, он напомнил ему:

— В понедельник ты все должен вернуть мне.

— Обязательно. Не беспокойся.

«Понтиак» отъехал, и Освальдо, разыскивая дорогу к дому печатника Даниэля, думал: «Этот прачечник как трясогозка. Мне нравится иметь дело с такими людьми, как Кот. Это настоящий мужик».

— Такой, как я... — произнес он громко неожиданно для самого себя.

Несколько минут спустя в одном из домов на Де-Бече в районе Гуанабакоа прозвенел звонок.

— Вам кого? — спросила женщина, открывшая дверь.

Освальдо посмотрел на нее. Перед ним стояла красивая, несмотря на неопределенный возраст, женщина. Ее глаза блестели ярко и молодо.

«А Даниэль зовет ее старушкой. Ну что за тип!» — подумал Освальдо.

— Даниэль дома? — игриво спросил он, пытаясь поправиться женщине.

— Да. Проходите... присаживайтесь. Он в своей комнате, я позову его.

Освальдо сел на диван. Комната была приятная, уютная. На пианино стояла фотография девочки с голубыми глазами, которая, казалось, улыбалась ему.

Открылась дверь, и появился Даниэль.

— Пойдем, — пригласил он Освальдо.

Они прошли через столовую и кухню и вышли во дворик.

Даниэль вынул ключи и открыл деревянный сарайчик, расположенный в глубине двора.

— Здесь твое убежище, а? — пошутил Освальдо.

Даниэль лишь улыбнулся.

— Нет, — сказал он. — Это кладовка для всякого старья. И, конечно, для того, что я приношу домой и не хочу, чтобы домашние видели. Понимаешь?

Освальдо кивнул головой, шныряя глазами вокруг.

— Ну, ладно. Ты сделал? — спросил он.

— Да, — ответил Даниэль, наклонился к ящику, порылся в нем и вытащил маленький сверток.

— Я тебе сделал полсотни на всякий случай.

Освальдо взял пакет и развернул его.

— О'кей, — сказал он, рассматривая бланки, сделанные по образцу, взятому в Управлении пожарной охраны.

— Это то, что надо. Если ты будешь работать так, то у тебя не будет никаких проблем. Если ты, конечно, потом не сдрейфишь.

— Да брось ты. Я никогда не даю задний ход.

— Но ведь начинает пахнуть жареным.

— Ну и что? Может быть, ты сомневаешься во мне?

— Нет, приятель. Просто работенка, которая нам предстоит, не детская забава.

Даниэль посмотрел в сторону дома. Через окно было видно, как на кухне хозяйничает его жена.

— Говори потише, чтобы не услышала старуха, — сказал он шепотом.

— Она, что, разве не знает об отъезде? — спросил Освальдо.

— Чудило! Ей неизвестно даже, что я вообще в этом деле участвую. Когда она узнает, что я оставляю ее, тут такое поднимется!..

— А ты не думаешь затребовать ее потом?

— Как же я ее затребую? Разве ты не знаешь, что там, на Севере, меня ждет Мария?

— Ах да, я совсем забыл об этом.

— Послушай, уж коль скоро мы заговорили об этом, выезд нам гарантирован?

Освальдо поднял руки вверх на уровень груди:

— В чем дело? Ты же знаешь меня.

— Да, конечно... Но ты мне все-таки больше ничего не сказал.

— Потому что все это будет позже, приятель. Выезд надо сначала заработать... А потом... Может быть, раньше, чем ты это себе представляешь, отправишься на Север и будешь развлекаться со своей бабенкой.

Даниэль улыбнулся. Он сел на ящик, из которого вытащил бланки, и сказал:

— Я знаю, что ты и Кот отличные парни. А что это за работа?

Освальдо, сделав важный вид, вытащил из кармана рубашки бумажку и сел рядом с Даниэлем.

— Послушай, — сказал он, передавая ему бумагу, — ты должен будешь позвонить по этому телефону на нефтеперегонный завод в час, который здесь указан. Видишь?

— Да.

— Тому, кто поднимет трубку, скажешь все то, что здесь написано. Прочти-ка, все ли тебе понятно?

Даниэль углубился в чтение, а Освальдо вышел из сарайчика. Когда он вернулся, Даниэль уже прятал бумагу в карман.

— Ты все понял? — спросил Освальдо.

— Все, — ответил тот.

— Так. Потом ты должен подвезти шестерых наших людей, заедешь за ними по адресу, который я скажу позд-

нее. Вот почему с этого момента ты не должен отлучаться из дому.

— А где я заберу этих людей?

— Я не могу сказать этого, потому что и сам не знаю. Завтра будет совещание в одном из домов, которые у нас есть в Бока-Сьеге, и там мы получим последние инструкции. Единственное, что я могу сказать тебе, — их шестеро. Я не знаю, будешь ли ты перевозить их всех или некоторых. После совещания я и Кот позвоним тебе, чтобы сказать, где и когда ты должен забрать их и куда отвезти. В тот же самый день будешь звонить по телефону на завод.

— И все это вы мне скажете по телефону?

— Да. А что?

— Но это очень опасно. Если разговор будет подслушан, мы все пропали. Я мог бы пойти на это совещание в Бока-Сьеге.

Освальдо задумался, провел рукой по лбу и ответил, избегая взгляда Даниэля:

— Понимаешь, приятель, какое дело. Я передаю тебе то, что мне сказал Кот. Ты не можешь участвовать в совещании. И, насколько я знаю, нет другого способа поддерживать с тобой контакт, так что...

— Нет, есть.

Освальдо посмотрел на него с сомнением.

— Какой же?

Даниэль поднялся.

— Пошли, — сказал он, и они вышли из сарайчика.

Несколько минут спустя они стояли у дверей дома. Освальдо держал в руках маленькую картонную коробку с бланками. Даниэль вынул изо рта сигару, которую только что раскурил.

— Тебе понравился кофе?

— Очень. По правде говоря, твоя жена здорово его готовит.

— Жаль, что скоро я останусь без него и без нее, — сказал шепотом Даниэль и рассмеялся.

— Какая жалость!.. — засмеялся вместе с ним Освальдо.

— Что ты так быстро? Побудь еще немного.

На лице Освальдо появилась привычная мина важности.

— Куда там. Мне еще нужно одно дельце сделать.

Я должен встретиться с механиком, который делает для меня специальный бачок.

— Специальный бачок, для тебя?

— Да нет, приятель, это для... для того, о чем ты знаешь.

Даниэль понимающе улыбнулся и, подмигнув, сказал:

— Значит, дельце на нефтеперегонном предстоит приличное.

Освальдо отступил назад, поднял руки:

— Не знаю, приятель. Представь себе, не знаю...

— Я тебе сказал, что сделаю все возможное, чтобы закончить вовремя, кровинушка моя. Но просто не хватило времени. Посмотри, все детали уже вырезаны. Теперь надо только сварить их. Ты не беспокойся, я буду работать всю ночь — и ты увидишь...

Маленькая фигурка механика беспокойно двигалась, когда он показывал детали из нержавеющей стали, разложенные на полу.

Они находились в маленькой мастерской, которую механик устроил в старом гараже своего дома. На испачканном маслом столе стоял радиоприемник. Здесь, у стола, сидел Освальдо, положив руку на спинку стула. Выкурив сигарету, он подошел к механику.

— Ну ладно, приятель, не убивайся. Кончишь завтра. Но чтобы к вечеру все было. Завтра тебе не идти на работу.

— Да, это вовсе не обязательно. Я закончу рано утром, — ответил механик.

— Дело в том, что завтра тебе не нужно будет идти на работу, — повторил Освальдо подчеркнуто.

Механик широко открыл глаза, лицо его приобрело странный оттенок, что стало заметно даже под слоем масла.

— Значит, мне не нужно будет больше работать?

Улыбающийся Освальдо утвердительно кивнул головой.

Механик взял маленькую деревянную скамейку, поставил ее около Освальдо и сел.

— Знаешь, — сказал он, — это по мне. Я знал, что если появится что-нибудь приличное, ты не утаишь от меня.

— Я друг тех, кто дружит со мной. Настоящего мужчину, которого уважаю, я всегда держу полностью в курсе дела. Ты заслужил мою дружбу, и я всюду продвигаю тебя. Понимаешь, вначале были некоторые сомнения — использовать тебя или парня из типографии...

— Парня из типографии?

— Да. Это тот, который сделал нам бланки-пропуска пожарной охраны. В конце концов решили, что вы оба примете участие. Но, поскольку я поддержал тебя, ему дали второстепенную работенку, а тебе — то, что надо. Понял?

Механик кивнул головой.

— Что, парень слабый? — спросил он.

— Нет. Он молоток и готов умереть за дело. Дело в том, что не он мой друг, а ты, — ответил Освальдо.

— Верный...

— Поэтому я и рекомендовал тебя шефу. Сказал ему, что ты стоящий парень, что я за тебя ручаюсь. Тогда и было решено, что ты примешь непосредственное участие в операции.

Механик улыбнулся и похлопал Освальдо по плечу:

— Я благодарен тебе, кровинушка ты моя.

— Сегодня я тебе, приятель, а завтра ты мне.

Механик согласно кивнул. Освальдо последний раз затянулся, бросил окуроч на пол, придавил его ботинком.

— Послушай, а что мне предстоит в этом деле?

— Нужно будет рисковать жизнью, — ответил Освальдо. — Но кто больше рискнет, у того будет больше монет, когда он окажется на Севере. Понимаешь? Но дело это верное, потому что им руководят «они». А «они» собаку съели в таких делах.

— Значит, после этого мы сможем дать деру? — спросил механик.

— Конечно, старик. Это же часть плана. Всем нам будет обеспечена отправка.

— Ты уверен?

— Конечно, приятель. Ведь мы должны вывезти шесть важных тузов, в которых нуждаются «там», а они едут с нами.

— А что это за тузы?

Освальдо пожал плечами.

— Не знаю. Но раз американцы так заботятся о них, на то есть причина.

— Да ну! — сказал механик, вытаращив глаза.

— Так что не волнуйся насчет этого, — сказал Освальдо и добавил: — У тебя есть бумага и карандаш?

Механик выдвинул ящик стола и достал блокнот со вставленным в него сбоку карандашом.

— Вот.

Освальдо взял блокнот и написал что-то на листке. Потом вырвал его и передал механику.

— Здесь адрес нашего дома в Бока-Сьеха. Ты должен быть завтра в девять часов вечера на совещании.

— Я поеду на своей машине?..

— Конечно. Как же ты привезешь бачок?

— Да, действительно.

— Ну ладно, я отправляюсь, — заспешил Освальдо.

— Выходи здесь же, — указал механик на дверь гаража.

— Так завтра в девять, — напомнил Освальдо, уходя.

— До завтра, кровинушка моя, — ответил механик и закрыл дверь. Затем он направился к рабочему столу, включил приемник и сел. Ему оставалось еще многое сделать, чтобы закончить работу к завтрашнему совещанию.

Суббота, 23 марта

Двери дома № 15 в Бока-Сьеха не открывались весь день. В этом было что-то нарочитое, неестественное, будто люди, находящиеся в доме, замерли, как игрушки, у которых кончился завод.

В девять часов вечера, когда появился синий «шевроле», который припарковался за «понтиаком» у палисадника, дом ожил.

— ...поездом завершается первая фаза операции. Все, что я вам сказал, изучено заграничными специалистами. Мы с Ромуальдо сегодня еще раз все продумали и внесли необходимые поправки. Инструкции начальства очень точные. В них нельзя вносить никаких изменений. Им нужно следовать. После взрыва ваша главная задача — вывезти шесть человек, работающих в подполье.

Аренсибия сделал паузу, чтобы проверить эффект, который вызвали его слова. Затем в слегка декламаторском тоне с претензией на пафос добавил:

— Это большие люди и бескорыстные борцы, которым предстоит реорганизовать нашу деятельность в эмигра-

ции, вывести ее из туника, в котором она оказалась. И в недалеком будущем благодаря знаниям и опыту они станут играть важнейшую роль в деле создания партизанских очагов. Тогда на нашей земле будет покончено с коммунистическим террором и будет восстановлена свобода предпринимательства. — Стукнув по столу, он сказал громко: — Эти люди — борцы за демократию!

Все четверо, слушавшие его, заерзали в креслах. Никто не произнес ни слова. Тогда Аренсибия, наклонившись вперед, мягко и доверительно добавил: — Для полной ясности я хочу сказать, что было бы очень хорошо для всех нас, если бы эти люди прибыли туда с нашей помощью. Это нам зачтется. Понятно?

Все четверо снова промолчали, но молчание было красноречивым — они согласны на все.

— Вот так, — подвел итог Аренсибия. — Это все, что вам нужно знать на данный момент. Вопросы есть?

Они находились в той же самой комнате, где они собирались днем раньше — сразу после высадки. Аренсибии потребовалось полчаса, чтобы рассказать о первой части операции.

Кот подал знак помощнику, и тот вышел из комнаты с коробкой, которую принес от Даниэля.

Аренсибия вынул сигару и надкусил ее. Эксперт Вильям в своем углу усердно чистил браунинг, держа сигарету в зубах. Дым мелкими клубами окутывал его.

— Вы мне позволите вопрос, сеньор? — обратился к Аренсибии механик. Тот кивнул.

— Не могли бы вы рассказать нам, хотя бы в предварительном порядке, о том, как будет организован наш выезд?

— Да. Я собирался это сделать, — ответил Аренсибия и пояснил: — По окончании операции мы группами направимся в условленные места, о которых вам будет сообщено, каждому в отдельности. И там будем ждать сигнала для общего сбора.

— А что это будет за сигнал? — прервал его механик.

Аренсибия улыбнулся, откинувшись на спинку кресла, глубоко затянулся сигарой и, не заглатывая дым, выпустил его струей вверх.

— Что может быть лучше, чем клубы дыма, поднимающиеся над охваченным огнем заводом? — сказал он, глядя на дымок сигареты, которую держал Вильям.

Наступило короткое молчание, все заулыбались.

— Когда мы соберемся вместе, — продолжал Аренсибия, — нужно будет перебраться в убежище. Дым над заводом будет служить сигналом для судна-матки, которое пошлет за нами катер.

— Среди бела дня? — спросил механик с широко открытыми глазами.

Мягко стряхнув пепел с сигары и глядя прямо на механика, Аренсибия ответил:

— Это была бы глупость. Выезд будет осуществлен ночью. Мы дождемся этого часа в убежище.

— А если сигнала не будет? — спросил эксперт.

Аренсибия нервно повернулся к нему:

— Тем хуже для нас, потому что там подумают, что нам просто не удалось провести акцию вовремя, и будут ожидать восстановления контактов. Поэтому, если два часа спустя после того, как будет подложена взрывчатка, сигнал не появится, нам придется остаться в подполье.

— Не исключена возможность, что будут усилены посты на побережье, — сказал механик.

Кот слушал его, не отводя взгляда от сигареты, которую мяти его пальцы.

— Но они же не знают, что саботажники собираются выезжать из страны, и тем более завтра. Все это предусмотрено. Они будут думать, что мы отправляемся из одного пункта, а мы сделаем это из другого.

В двери показался Освальдо и сделал знак Коту, который поднялся, затушил сигарету и сказал:

— Только что улетел почтовый голубь к Даниэлю с инструкциями относительно его участия в операции. Это был наш последний контакт с внешним миром. Ради личной безопасности и успешного выполнения плана начиная с этого момента никто не должен выходить отсюда. — Затем он повернулся к Аренсибии и спросил: — Что-нибудь еще?

— Я могу внести бачок? — обратился к нему механик.

— Да, но только быстро, — ответил Кот.

Механик направился к двери. Аренсибия и эксперт Вильям ушли в свою комнату.

Освальдо подошел к Коту:

— Пойдем дрыхнуть или подождем механика?

— Иди помоги ему. Да смотри, чтобы никто не видел, как вы вносите бачок.

Подходя к «шевроле», Освальдо услышал, что механик что-то говорит.

— Эй! Ты что, сам с собой разговариваешь, приятель? — шутливо спросил он его.

Тот повернулся к Освальдо.

— А! Это ты, моя кровинушка. Я рад, что ты пришел. Его очень неудобно тащить.

Освальдо наклонился над сиденьем.

— Ну-ка давай я тебе помогу.

ОПЕРАЦИЯ „ПОКЕР“

Воскресенье, 24 марта

5 часов утра

Это был похожий на огромный термос грузовик-цистерна, который развозит молоко. Два ярких луча его передних фар освещали асфальт пятой улицы в Гуанабо. Небо было темным, но где-то на краю его уже рождалась заря.

Гуанабо еще спал. Молоковоз остановился, шофер вышел и направился к входу в предприятие, у которого стояли двое дежурных.

— Как дела, ребята? — спросил он их вместо приветствия.

— Отлично, Рауль. Будешь сейчас ставить шланг?

— Да. У вас найдется немного кофе?

— Конечно, парень. Возьми вон там в термосе.

Пока шофер Рауль пил кофе, на улице заметно по-светлело.

5 часов 35 минут утра

Вот опять они все вместе в доме в Бока-Сьеха.

— О'кей, — сказал Аренсибия. — Теперь твоя очередь. Выезжай на своей машине. Ты помнишь инструкции?

— Да. Я уверен, что сделаю все хорошо. Мне всегда все сходило с рук. Сейчас будет то же самое.

— Я на это надеюсь, — сказал ему вслуд Аренсибия.

Механик направился к двери. Там стоял Освальдо с портативным радиоприемником в руках.

— Это не мой приемник у тебя? — спросил механик, заранее зная, какой будет ответ.

— Да. Ты должен понять, приятель, что сейчас не до музыки. Поэтому я и забрал его из твоей машины.

— Ну что ж...

— Оставь его здесь,— вмешался Кот, который обрадовался случаю показать ответственный подход и заботу об успехе дела.— Нас ничто не должно отвлекать.

Вильям Лейва с неизменной сигаретой в зубах безучастно сидел в кресле.

Молоковоз миновал площадку аттракционов. Деревянные лошади, лодки для воображаемых путешествий, детский поезд и маленькие автомобили для круговой езды отдыхали от своей ежедневной карусели. Объехав клумбу, он продолжал свой путь. Медленно просыпавшийся Гуанабо терялся вдаль.

5 часов 45 минут утра

Они молча вышли из дома в Бока-Сьегу. После того как Кот дважды повернул ключ в замке, все четверо направились к «понтиаку», стоявшему около тротуара.

Освальдо сел за руль, рядом с ним Кот. Аренсибия и эксперт расположились на заднем сиденье.

— Ну что ж, пожелаем себе удачи,— сказал Кот.

— Лучше пожелать успеха в работе,— отпарировал Аренсибия.— Я не очень верю в удачу. Неаккуратных людей она никогда не посещает.

— Вы правы,— согласился Кот и, немного помедлив, добавил, как бы оправдываясь: — Я всегда был аккуратен в работе.

— Это уж точно,— сказал Освальдо и, указывая на Кота, добавил: — Он колоссальный парень.

Аренсибия, едва взглянув на Освальдо, сделал неопределенный жест. Через несколько секунд он обратился к Коту:

— Разве не пора?

— Давай,— приказал Кот Освальдо.

«Шевроле» пересек широкое шоссе и подрулил к стоянке у ресторана-кафетерия «Тарамар». Механик вышел и направился к зданию. Войдя в «Тарамар», он занял место за стойкой бара. К нему подошел официант.

— Кофе с молоком, — попросил механик.

Ожидая, когда подадут кофе, он повернулся лицом к шоссе. С избранного им места можно было наблюдать за большим участком шоссе.

«Все идет нормально», — подумал механик.

Официант положил салфетку на стойку и поставил на нее чашку. Вошли два человека, приехавшие на грузовике, и тоже попросили кофе с молоком. Всего в кафетерии было человек шесть.

Механик глотнул кофе.

«Совсем есть не хочется, — подумал он и, достав карандаш из кармана рубашки, стал рисовать крестики и нолики на салфетке. — Как же запаздывают эти люди. Аренсибия предупредил, что нельзя ничего писать. Нехватало, чтобы заметили, как я что-то рисую».

Все клиенты получили свои заказы и занялись завтраком. Механик спрятал карандаш, отпил глоток кофе и вновь повернулся к шоссе, чтобы понаблюдать.

Если бы за ним кто-нибудь следил, то не заметил бы в его поведении ничего особенного.

Немного погодя на стоянке у «Тарамара» появился «понтак» и остановился около шоссе. Человек, сидевший рядом с шофером, вышел из машины и поднял капот.

Аренсибия, оставшийся в машине, сказал:

— Он сейчас должен проехать.

Кот, наклонившись над мотором, делал вид, будто осматривает его.

— Попробуй еще раз, — крикнул он Освальдо, который вновь запустил мотор.

— Погоди, теперь заглуши! — крикнул он ему, делая вид, будто мотор не в порядке.

Трое в машине и Кот, стоявший у капота, внимательно следили за машинами, которые ехали по Виа-Бланка из Гуанабо.

В своем доме, на чердаке, Серафин — радист контрреволюционной группы — устанавливал антенну передатчика. Он неторопливо присоединил провода к соответствующим гнездам. Аппараты были уже соединены между собой, но еще не работали. «Кто рано встает, тому бог в помощь, — думал он. — Я всегда так говорил, когда был

хозяйном аптеки, и дела у меня шли хорошо. Если бы не пришли эти типы, кто знает, что было бы теперь со мной...»

Закончив установку антенны, Серафим отошел в угол комнаты, полюбовался на свою работу и удовлетворенно потер руки. За толстыми стеклами очков его выпуклые глаза сузились от удовольствия.

Молоковоз, ехавший по Виа-Бланка, оставил позади стрелку с указателем «поселок Тарарра». «Это же самый музыкальный поселок на Кубе», — вспомнил Рауль и зацел:

— Та-ра-ра... Та-ра-ра...

Подъезжая к «Тарамару», Рауль увидел «понтяк», который стоял у кромки шоссе, как видно, из-за поломки. Но это не привлекло его внимания. Он не придавал значения и тому, что, едва он проехал мимо ресторана, человек, который чинил машину, опустил капот и сел в машину. Все было нормально. Даже то, что «понтяк» выехал со стоянки в ту же сторону, что и он. Действительно, во всем этом не было ничего необычного. По крайней мере, внешне.

Механик из кафетерия видел все. Он подозвал официанта и спросил:

— Сколько я должен?

Официант подал счет. Механик положил деньги на стойку. Затем нервно допил кофе, взял сдачу и быстро направился к своему «шевроле» выпуска 1955 года.

«Не нужно волноваться, — твердил он себе. — Все получится хорошо. Они сумеют сделать все хорошо». Его потные руки оставили след на ручке, когда он открывал дверцу машины.

— Обгоняй его, — поторопил Аренсибия, и Освальдо увеличил скорость. «Понтяк» и молоковоз почти одновременно въехали на мост, но «понтяк» легко вырвался вперед. Несмотря на хорошие амортизаторы, его слегка тряхнуло при въезде и выезде с моста.

— За этим поворотом, — предупредил Аренсибия, указывая вперед через смотровое стекло. — Мы должны быть там раньше.

— Не беспокойтесь. Мы будем там, — сказал Освальдо и нажал на педаль акселератора.

Когда, закончив поворот и выйдя на прямой участок шоссе, шофер молоковоза увидел двух лейтенантов, которые делали ему знак остановиться, он не связал это с «понтиаком», обогнавшим его на мосту и сейчас удалявшимся в направлении Бакуранао.

Сначала он решил, что допустил какое-то нарушение правил. Потом ему пришла в голову мысль, что за ним послали с молокозавода. Отбросив оба эти предположения, он подумал, что, наверное, двое военных хотят, чтобы он подвез их. И он, конечно, остановился.

Рауль был очень удивлен, когда один из военных сказал ему:

— Товарищ, у нас есть приказ обыскать машину. Выходите и сопровождайте нас.

— Да, сейчас, — растерянно проговорил Рауль и вышел из кабины.

— Пройдите сюда, — сказал военный, который был выше ростом, и указал на узенькую полоску между машиной и кюветом:

— Откройте крышку помпы.

Рауль уже подходил к помпе, когда удар по голове прервал все его мысли. Аренсибия очень ловко умел пользоваться рукояткой револьвера... «Шевроле» выпуска 1955 года промчался мимо.

Добравшись до Селвиара, «шевроле» повернул направо и въехал в поселок. Механик, сидевший за рулем, посмотрел на часы.

«У меня еще есть время», — подумал он и стал медленно кружить по улицам, чтобы прибыть на место точно в указанный срок.

Стоя около грузовика, Аренсибия наблюдал, как «понтрак» вернулся по противоположной стороне шоссе, проехал мимо, развернулся и остановился выдвинутой за молоковозом. Какой-то грузовик проехал рядом с ним. Аренсибия выждал, пока тот удалится, и пошел к автомобилю.

— Открой заднюю дверцу, — приказал он Коту и сделал знак Вильяму Лейве. Они вдвоем, один за руки, другой за ноги, перенесли шофера молоковоза в автомобиль, положили его на ковер перед задним сиденьем, сняли форменную куртку и накрыли одеялом.

Аренсибия закрыл дверцу.

— О'кей, — сказал он Освальдо, который сидел за рулем.

«Поптиак» круто вывернул и, взвизгнув задними колесами, быстро удалился.

— Пошли, — отрывисто приказал Аренсибия и махнул рукой вперед. Проходя мимо Кота, он передал ему шоферскую куртку:

— На, возьми.

Три человека поднялись в кабину молоковоза. Аренсибия включил мотор, и грузовик тронулся.

В Селимаре механик посмотрел на часы. Они показывали шесть часов четырнадцать минут.

«Пера», — подумал он и направил «шевроле» к указанному Аренсибией месту. Это была одна из окраинных улиц поселка.

Прибыв на место, он остановил машину и, заглушив мотор, стал ждать. Пока он курил сигарету, время шло.

Не прошло и минуты, как механик увидел молоковоз...

— Вот он, — указал Аренсибия на «шевроле» механика.

— Да, я его заметил, как только мы повернули на эту улицу, — сказал Кот.

Молоковоз остановился вплотную к автомобилю. Аренсибия, Лейва и Кот выпрыгнули на землю.

Каждый из них прекрасно знал, что делать.

Механик направился к багажнику и, вытащив ключ, открыл его. Кот подошел к нему, они вдвоем вытащили металлический цилиндр и отнесли его к молоковозу. Кот поднялся на цистерну, а механик помогал ему снизу. Аренсибия и эксперт Вильям, также не теряли зря времени. Когда Кот и механик отошли от автомобиля, Вильям Лейва вынул из багажника кожаный чемоданчик с тремя буквами на нем, а Аренсибия достал сверток и на-

чал разворачивать его. В нем лежали два маленьких пакета из блестящей материи, похожей на ткань от дождевого плаща. Он передал их Лейве.

— Теперь я сам,— сказал Кот механику.— Отправляйся к мотору.

Кот остался на цистерне, а механик поднял капот.

— Аренсибия, здесь все готово,— сообщил Кот.

— Хорошо, Ромуальдо,— откликнулся снизу Аренсибия.

— Ну, как мы выглядим?

— Прекрасно. Все должно удался.

— Конечно. Ведь все точно рассчитано. Если ты свое дело кончил, иди осмотри автомобиль.

— Я как раз собирался это сделать,— ответил Кот с недовольством в голосе и слез с цистерны. Ему не нравилось, когда ему приказывали делать то, что он сам собирался сделать. Он поднялся в кабину и сел за руль.— Я попробую,— сказал он механику, наклонившемуся над мотором.

Кот повернул ключ и нажал на педаль акселератора. Стартер натужно загудел, однако мотор не прореагировал.

— Я думаю, что нормально,— сказал Кот.

— Попробуй еще раз,— попросил механик,— чтобы было наверняка.

Кот повторил операцию еще раз. Поворот ключа вновь заставил стартер вращаться. Однако результат остался прежним. Мотор не завелся.

— Как в аптеке,— сказал механик.— Давай я подрегулирую, чтобы ты мог завести сейчас. И он снова склонился над мотором.

Несколько минут спустя механик сделал знак Коту, и тот вновь повернул ключ. Мотор заработал.

— Газуй посильней и помни, что мотор не должен заглохнуть.

— Хорошо. Закрывай капот,— приказал Кот.

— Посмотри, готовы ли Аренсибия и эксперт.

Кот в кабине закурил сигарету. Через дымок от первой затяжки он увидел, как механик сделал ему рукой знак, что все закончено.

— Давай,— сказал он ему.— Ты знаешь, где должен ждать и в какое время.

— Да,— ответил тот.— Бог вам в помощь.

Кот глянул на шоферскую куртку, которую надел на себя, и потрогал пальцами монограмму «ЭСИЛ».

Когда молоковоз уехал, механик сел в автомобиль. «Все идет примерно так, как мы предполагали», — сказал он себе.

Однако руки у него были мокрые, хотя было совсем не жарко.

6 часов 29 минут утра

Лежа в постели, печатник Даниэль посмотрел на часы и решил подняться. Он подошел к платяному шкафу, вынул одежду и стал одеваться.

«Ну и друзья у меня, — подумал он, — отправили спать, а ведь задачи, возложенные на меня в осуществлении этой операции, очень серьезны и важны».

Он уже надел брюки и теперь шнуровал ботинки. «Ну что ж, приказ есть приказ. Надо выполнять его, — продолжал думать он. — Дело важное и опасное, но все должно получиться хорошо».

Пляж Бакурабао был безлюден. То ли было еще слишком рано, то ли вообще здесь в марте не купаются. По мосту, через который проходило шоссе Виа-Бланка, и в районе пляжа лишь изредка проезжали машины. Поэтому любой, кого это интересовало, мог заметить, как грузовик-цистерна проехал по мосту. Но, судя по всему, это никого не интересовало, как и то, кто и куда ехал на нем. В кабине грузовика сидели Аренсибия, Вильям Лейва и Кот. Машина неслась в направлении нефтеперерабатывающего завода имени Ньико Лопеса.

«Понтиак» остановился перед домом в Бока-Сьеха. Освальдо оглянулся по сторонам и вышел из автомобиля. Он направился к двери гаража, открыл ее и сел в «кадиллак», стоявший внутри. «У меня мало времени, — торопил он сам себя, — если этот тип очнется, он устроит колоссальный скандал». Он завел мотор.

Когда «кадиллак» оказался на улице, Освальдо заглушил мотор, поднял стекла и в последний раз оглядел машину.

«Ну что ж, друг,— обратился он к «кадиллаку». — Придется бросить тебя. Штаты стоят того. Там я найду такой же, но побольше размером».

Освальдо вернулся в «ноутбук», сел за руль и посмотрел на заднее сиденье. Шофер не шевелился. «Видимо, Аренсибия разбил ему затылок»,— подумал он, заводя мотор. Автомобиль послушно въехал в гараж. Освальдо закрыл дверь.

— Ну и тяжеленный,— проворчал он, вытаскивая шофера из автомобиля. Он пронес его через внутреннюю дверь в гостиную и усадил на диван. Открыв стенной шкаф, вытащил длинную веревку и стал связывать пленника. Вытащив платок из кармана, заткнул ему рот.

6 часов 45 минут утра

В этот час дорога на нефтеперегонный завод имени Ньико Лопеса была почти свободна. Машин мало — сразу видно, что воскресенье. Поэтому участок шоссе Виа-Бланка, всегда такой загруженный, превратился в тихое место, годное для прогулок.

Лишь семафор-мигалка без устали подмигивал желтым глазом. От него начиналась улица, которая вела к заводским воротам.

В сотне метров от поворота находилась первая проходная. Там дежурили два сотрудника.

— Знаешь,— говорил Фаусто, старший по возрасту,— я сейчас подумал о том, что порой человек не имеет возможности выбирать работу по душе. А мне повезло. Я люблю свою работу. Конечно, она нелегкая. Иногда бывают трудные и опасные ситуации, но это как с женщинами — чем труднее достается, тем больше нравится.

— Ну и сравненьице,— сказал в ответ Херардо и улыбнулся. — Умеешь же ты повеселить.

— Повеселить? Нет. Это просто взгляд на жизнь, и он, заметь, вполне серьезный и ответственный. Хочешь совет? На посту всегда надо быть доброжелательным к людям, но твердым. Характер не фасад, а суть человека.

— Конеч веселью, началась лекция...

— Ты в ней не нуждаешься. Иначе тебя не было бы здесь. Эти дежурства — дело очень серьезное, Херардо.

— Ну ты-то умеешь управляться с ними. Меня всегда восхищает твое спокойствие в любой ситуации и твоя мгновенная реакция.

— Не всегда, не всегда...

— Это верно, но у тебя дьявольское умение обращаться с людьми. Мягкость в сочетании с твердостью — так говорят о тебе.

Фаусто сидел на стуле, спинка которого опиралась о стенку. Херардо стоял рядом.

Когда молоковоз повернул с Виа-Бланка на маленькую улицу, ведущую к заводу, оба дежурных находились в том же положении.

— А вон и молоковоз, — сказал Херардо.

— Проверь его ты, — попросил Фаусто и добавил: — Но помни об инструкции. Ты первый раз на этом посту.

— Не беспокойся, — ответил Херардо.

«А вот и первая проходная, — подумал Кот, повернув к будке. — Проверим сейчас, кто хитрее — мы или коммунисты».

Машина остановилась, и старший из сотрудников охраны стал не спеша обходить ее вокруг. Другой подошел к кабине. Кот высунулся из окошка.

— Доброе утро, товарищ, — поздоровался он.

— Доброе утро.

— Не могли бы вы мне показать, где сливается молоко. Рауль заболел, и послали меня. Меня зовут Эстебан.

И хотя дежурный не просил его, Кот предъявил удостоверение «ЭСИЛ».

— Рауль заболел? — спросил Херардо и ваял удостоверение, чтобы посмотреть его.

— Да, гриппом, — ответил Кот. — Он схватил этот отвратный грипп, что шатается сейчас повсюду.

— Разрешите, — сказал Херардо и, поднявшись на подножку, посмотрел внутрь кабины. Найдя все в порядке, он спустился.

В этот момент Фаусто закончил обход вокруг машины и подал знак своему товарищу... Грузовик тронулся.

По железнодорожному пути тащился старый локомотив с вереницей цистерн. Состав полз медленно, натужно. В течение многих лет старый локомотив водил за собой цистерны с патокой. И сегодня он привычно исполнял свою обычную работу.

Было шесть часов пятьдесят две минуты утра. Ветка на Касабланку осталась позади.

Вторая проходная находилась на главной улице. Только через нее можно было проехать к наиболее важным объектам завода. Она, кроме того, регулировала пересад через железную дорогу, находившийся всего в нескольких метрах от будки.

Один из сотрудников находился в будке — слушал радио. Его товарищ, стоявший у шлагбаума, видел, как сотрудник на первой проходной вернул удостоверение шоферу молоковоза и машина направилась в их сторону.

«Этот самый трудный,— вспомнил Кот, приближаясь к посту.— К этим типам нужен психологический подход». Он высунул голову через окошко:

— Послушай, товарищ! Дежурные с того поста мне сказали, что молоко сливается здесь. Где подсоединяется шланг?

Разговаривая, Коту удалось подъехать и остановить машину перед самой будкой. Шлагбаум на переезде был поднят. Когда сотрудник, находившийся около будки, подошел к ним, Кот заглушил мотор, вылез из кабины и изобразил на своем лице робкую улыбку.

— Понимаешь, какое дело, Рауль заболел, а я ни разу здесь не был,— сказал он, как бы извиняясь.

— Одну минутку,— попросил офицер.— Эухенио! — позвал он того, кто слушал радио в будке.— Я займусь товарищем. Можешь побыть здесь?

— Да, конечно.

— Пошли,— сказал офицер Коту. И они вдвоем направились по маленькой улочке, ведущей к заднему дворику кафетерия.

— Что, разве сегодня здесь будут военные учения?— спросил Кот и, не ожидая ответа, стал плести: — Я встретил целую вереницу грузовиков и джипов с солдатами, когда ехал по шоссе.

Дежурный с удивлением посмотрел на него и отвел глаза в сторону.

— Мне об этом ничего не известно. Вот, смотри, здесь въезжает машина, а вон там присоединяется шланг.

— Спасибо,— сказал Кот.

«Ну что ж, офицерик, насчет учений ты поверил. Пока все идет хорошо», — довольно подумал Кот.

В большинстве домов приморского поселка Касабланка еще спали. Было шесть часов пятьдесят девять минут утра, воскресенье, 24 марта. Синий «шевроле» прибыл на место и остановился на тихой улочке. Поселок просыпался, утро обещало быть тихим и спокойным.

Кот поднялся в кабину, сел за руль, повернул ключ зажигания и нажал на педаль акселератора. Стартер сделал попытку завести мотор, но неисправность в двух свечах позволила ему лишь натужно заворчать. Кот посмотрел на сотрудников охраны и поцокал языком, как бы обвиняя грузовик в случившемся.

— И надо же, чтобы это случилось сейчас, — сказал он и сделал новую попытку. Результат был тот же. «Хорошо поработал механик», — одобрительно подумал Кот.

— Пожалуйста, подтолкните, — попросил он.

Сотрудники обменялись взглядами.

— Подтолкнем? — спросил Эухенио у своего товарища.

— Не оставлять же его здесь, — ответил тот.

— Хорошо, давай.

Сотрудники подошли к грузовику сзади и начали толкать.

Молоковоз сдвинулся с места. Кот надавил на педаль сцепления и вновь отпустил. Машина сразу замедлила движение, и мотор завелся. Затем она дернулась несколько раз. Кот из кабины управлял сцеплением, надавливая и отпуская педаль таким образом, чтобы машина докатилась до железнодорожного пути.

— Стой! — крикнул один из сотрудников.

— Сейчас! — сказал Кот и нажал на педаль тормоза, но так, чтобы передние колеса переехали рельсы. Грузовик застрял как раз на полотне. — Когда оба сотрудника подбежали к кабине, Кот высунул голову через окошко.

— Ну, ребята, — сказал он, — кажется, мы на этот раз влипли. — И улыбнулся, выражая сожаление и беспомощность.

Было семь часов и одна минута утра.

— Мы уже на полотне, — произнес Аренсибия шепотом. Резонанс внутри цистерны так изменил звук, что

показалось, будто эти слова были произнесены не человеческим голосом.

Темнота, ограниченность пространства, необычное ощущение постоянного движения жидкости, плескавшейся у ног, — от этого всего было как-то жутковато. И когда до Вильяма Лейвы дошел смысл сказанного, он невольно содрогнулся.

— Аренсибия, — прошептал он, — поезд-то должен быть уже на подходе.

Внезапно они услышали резкий сильный звук, он ритмично повторялся, эхом отдаваясь внутри цистерны. Это, несомненно, был звон железнодорожного колокола. Все трое сразу поняли это, потому что ждали. У них мурашки побежали по телу.

— Это самая опасная часть операции, — проскулил Лейва и подумал про себя: «Я никогда не боялся. Но сегодня, мне кажется, я понял, что такое страх».

— Толкните, ради бога! — крикнул Кот. Его просьба была излишней. Сразу же, как только раздался свисток локомотива, оба дежурных бросились к грузовику и стали толкать его сзади, пытаясь сдвинуть с места. Кот поставил рычаг скоростей в нейтральное положение и ждал, когда машина тронется. Но напрасно. Молоковоз лишь слегка раскачивался, тяжело оседая назад.

— Что такое? — забеспокоился Кот, открыл дверцу и высунувшись из кабины, чтобы посмотреть назад. — Что происходит?! — крикнул он.

— Никак не сдвинем, — раздался голос одного из дежурных.

«Как же так?» — сам к себе обратился Кот. Но на этот молчаливый вопрос ответом был второй пронзительный свисток. Поезд был уже близко. Коту не хотелось думать, что произойдет, если им не удастся столкнуть машину с места.

«Все катится к чертовой матери», — подумал он и стал подниматься с сиденья.

А поезд все приближался.

— Давай сюда, быстро! — прокричал один из дежурных. — Надо немедленно вытолкнуть ее с пути!

Кот среагировал мгновенно. Он выскочил из кабины, подбежал сзади к грузовику и стал толкать, прилагая все силы. Но задние колеса упирались в рельс, который выступал немного над полотном дороги.

Машина продолжала раскачиваться, но не двигалась с места.

У «шевроле», стоявшего в Касабланке, был открыт капот, и механик с отверткой в руке копался в моторе. «За все время, что я ремонтирую машину, это первый случай, когда мне приходится просто делать вид, что я этим занимаюсь», — думал он.

Было семь часов три минуты утра. К механику подошел человек.

— Вам нужна помощь, товарищ? — сказал он.

Содрогающийся железный таран приближался. Под тяжестью состава прогибались рельсы. Машинист, зная о приближении улицы, внимательно смотрел из кабины на путь.

Внезапно, когда открылся прямой участок дороги и стал виден застрявший на полотне грузовик, машинист вздрогнул. Грузовик был так близко, что, казалось, катастрофа неминуема. Машинист рванулся к тормозу. Перед глазами четко, как на картине, стоял молоковоз желтого цвета с эмблемой «ЭСИЛ» на боку, хотя машинист уже смотрел на дорогу. Он уже был готов повернуть ручку тормоза, но в этот момент увидел, что грузовик медленно, как бы неохотно тронулся и оказался по другую сторону полотна. Два человека в военной форме, толкавшие грузовик, быстро убегали на левую сторону пути. Шлагбаум опустился как раз тогда, когда локомотив поравнялся с будкой.

И только теперь машинист смог полностью осознать, что могло произойти. Холодная дрожь пробежала у него по спине.

Было ровно семь часов четыре минуты утра, воскресенье, 24 марта.

Едва задние колеса переехали рельс, Кот вскочил в кабину. Весь план чуть было не сорвался из-за непредвиденного обстоятельства, но теперь вроде снова все пошло нормально. Машина катилась по инерции. Поворачивая руль, Кот свернул с улицы в сторону и остановился на траве между цитом, на котором были вывешены производственные показатели завода, и заводоуправлением, где по случаю воскресенья никого не было. Быстро поставив

машину на ручной тормоз, он поднялся на цистерну, открыл люк и стал вынимать бачок, изготовленный механиком. Снизу ему помогали. Достав бачок, он держал его на весу. В отверстии цистерны появился человек. Это был Аренсибия.

Шум проходящего поезда заглушил все звуки, и Кот не разобрал слова, сказанные Аренсибией. Вильям Лейва с трудом выбрался наружу, подошел к Коту, который держал в руках бачок, и вытащил из него черный чемоданчик с тремя буквами. Аренсибия уже стоял внизу, и Лейва с большой осторожностью передал ему чемоданчик. Затем он повернулся к Коту, они вдвоем снова поставили бачок на место и закрыли его.

Шум заставлял их разговаривать знаками. Кот слез с цистерны, открыл капот и стал налаживать мотор. Лейва отправился к Аренсибии и, следуя его примеру, расстегнул молнию непромокаемого комбинезона, чтобы быстро снять его, как они это делали много раз во время тренировок, еще до отправки на Кубу.

Место они выбрали удачно. С одной стороны здание без окон скрывало их от глаз рабочих, которые находились во внутренней части завода, с другой — большой щит закрывал их от охраны, которая могла бы наблюдать за ними между вагонами проходящего поезда. Состав был длинным, и время прохождения поезда было точно рассчитано.

Когда Кот подошел к ним, Аренсибия и эксперт передали ему два непромокаемых комбинезона, которые он отнес в кабину грузовика и спрятал под сиденье.

«Если они осмотрели меня при въезде, то уже не будут делать этого при выезде», — подумал он.

У будки сотрудники, тяжело дыша, глядели на проходящий поезд.

— Мне не нравится, что с нашей помощью машина оказалась на той стороне, — сказал один из сотрудников.

— Приказ о допуске был очень четкий, — сказал Эухенио. — У нас не было бы никаких оправданий...

— Но ведь эти приказы не учитывают непредвиденных обстоятельств. Я думаю...

— Эй! Он завелся! — прокричал Кот из машины. Молоковов уже ехал по улице, возвращаясь ко второй проходной.

Дежурные подняли шлагбаум. Поравнявшись с будкой, Кот помахал рукой:

— Спасибо! — и свернул по маленькой улочке к кафетерию.

Добравшись до заднего двора, он остановил машину, вылез и стал устанавливать шланг.

«Ну что ж, я свою роль исполнил. Посмотрим, как пойдут дела у Аренсибии».

— Иди потише, — сказал Аренсибия эксперту. — Мы должны появиться минута в минуту. Пока все идет гладко. Если у Даниэля будет порядок, то не возникнет затруднений.

Агенты Центрального разведывательного управления, одетые в форму лейтенантов, шли по направлению к пожарной станции завода. Эксперт Вильям нес маленький чемодачник из черной кожи с буквами «УПО». Аренсибия все время поглядывал на часы. «От синхронности действий зависит все», — подумал он про себя.

Мимо них проехал джип, он направился к проходной, мимо которой они только что проехали. Изредка встречались рабочие в разноцветных касках. Они шли из одного цеха в другой, пересекая дорогу.

«Мы очень правильно выбрали воскресенье для операции, — думал Аренсибия, поглядывая на закрытые окна заводууправления. — В рабочий день здесь, наверное, как в муравейнике». Когда до станции осталось метр пятьдесят, Аренсибия сделал знак своему спутнику, наклонился, будто завязать шнурок ботинка, и еще раз посмотрел на часы.

— Ровно через минуту нам надо входить, — сказал он, указывая глазами на здание. — Помни инструкцию и предоставь все мне. Я знаю, как управляться с коммунистами.

Аренсибия выпрямился, и они пошли к станции.

Боец, стоявший на дежурстве, увидев приближающихся офицеров, вытянулся по стойке «смирно», и отдал честь.

— Нам нужен лейтенант дель Корраль, — сказал Аренсибия.

Дежурный позвонил по телефону, стоявшему на столешнице.

— Лейтенант, к вам пришли два офицера, — сказал он, выслушав ответ и заключил: — Хорошо, лейтенант.

Повесив трубку, боец обратился к офицерам:

— Он говорит, чтобы вы поднялись к нему в кабинет. Это вон по той лестнице, которая слева.

Когда они постучали в дверь, раздался голос:

— Войдите.

Они вошли.

Лейтенант, сидевший за столом, поднялся. Это был человек среднего роста, физически крепкий. На вид ему нельзя было дать больше сорока, может быть, оттого, что у него были очень черные волосы.

— Здравствуйте, лейтенант, — приветствовал его Аренсибия. — Я новый начальник пожарной охраны нефтеперегонного завода в Орьенте. А этот товарищ, — он указал на Лейву, — лейтенант Перес, мой помощник.

— Рад познакомиться. — Офицер протянул руку через стол. — Лейтенант Родольфо дель Корраль. Садитесь, чем могу быть полезен?

— Прежде всего я должен передать вам привет, — начал, улыбаясь, Аренсибия, — от лейтенанта Оливы. Он попросил меня узнать, сохраняете ли вы по-прежнему свой титул чемпиона по пинг-понгу. Он хочет вызвать нас.

— Это прекрасно! — воскликнул лейтенант. — А что с ним? Разве не он начальник станции на заводе «Эрманос Диас»?

— Да... был. Но несколько недель тому назад его повысили, назначив в провинциальное управление, а вместо него послали меня. Именно поэтому нас и направили в Гавану, чтобы подучиться.

— Ах, вот оно что!

— Мы приехали позавчера и уже побывали на нескольких предприятиях, — продолжал Аренсибия, посмотрев на часы. — Остались только вы. Нас больше всего интересует ваш завод. Ведь это предприятие аналогично нашему.

— Ну что ж, я в вашем распоряжении, — сказал офицер.

«Через пять секунд должен зазвонить телефон, или...» — лихорадочно соображал Аренсибия. Однако вне-

шне он оставался совершенно спокойным и продолжал разговор с лейтенантом.

— Так что мне передать Оливе?

— Скажите ему, что...

Звонок телефона.

Даниэль Бардиус, услышав гудок, стал ждать. Как ему было приказано, ровно в семь часов шестнадцать минут он набрал номер пожарной станции нефтеперегонного завода имени Ньико Лопеса. Перед ним лежала бумажка, которую ему вручил Освальдо. На ней было записано все, что он должен был сказать.

— Слушаю,— раздался голос на другом конце линии.

— Мне нужен лейтенант дель Корраль.

— Лейтенант дель Корраль у телефона.

— С вами говорит воспитатель вашего сына. С ним произошло несчастье.

— Что?!

— Не беспокойтесь. Судя по всему, он лишь сломал руку и получил несколько ушибов.

— Как это случилось?

— Автобус, на котором они ехали на экскурсию в Сорроа, потерпел аварию.

— Вы уверены, что у него ничего серьезного?

— Уверен. Но он все время зовет вас. Его поместили в провинциальную больницу в Пинар-дель-Рио. Я не могу долго разговаривать, потому что мне нужно звонить и другим семьям.

— Конечно. И спасибо за сообщение.

— Не за что,— ответил Даниэль, повесил трубку и провел рукой по лбу. «Не нравятся мне такие дела»,— подумал он.

— Что-нибудь случилось? — спросил Аренсибия лейтенанта, когда тот положил трубку.

— У меня появилось неотложное дело, товарищи. Вы могли бы прийти завтра? Тогда я лично смог бы показать вам все, что вы хотите. Я и сейчас собирался это сделать, но возникло непредвиденное обстоятельство...

— Дело в том,— прервал его Аренсибия,— что мы уже оформили билеты на самолет, вылетающий вечером. Но вы не беспокойтесь. Мы все же имеем представление о производстве. И если вы предоставите нам кого-нибудь для сопровождения, этого будет вполне достаточно.

Лейтенант потер рукой подбородок и сказал:

— У меня не остается другого выхода. Вы уж меня простите. Но сегодня не могу. Я дам вам одного товарища.

Подойдя к селектору, он нажал кнопку.

— Фульеда, сейчас спустятся товарищи, которые приехали к нам с визитом. Пройди с ними и покажи то, что они захотят посмотреть... Понятно? Хорошо. Они уже идут.

Когда Аренсибия и Лейва спустились на первый этаж, боец Фульеда уже ожидал их. Он встал по стойке «смирно» и отдал честь.

— Фульеда к вашим услугам, лейтенант. Какой цех вы хотите посмотреть сначала?

— Цех «Ц», — сказал Аренсибия. — Мы должны провести инспекцию одного лишь цеха «Ц».

По ходу дела он ловко заменил слово «визит» на «инспекция». «Дела идут даже лучше, чем мы предполагали. Неожиданно мы поднялись на уровень «инспекции», — похвалил себя Аренсибия.

Механик в Касабланке продолжал копаться в «шевроле». Человек, подошедший, чтобы помочь ему, стоял рядом. «В конце концов он симпатичный парень. Мое дело — ремонт машин, а сейчас мне самому помогают», — так размышлял механик.

ОПАСНО!

Не курить!

Здесь находятся легко воспламеняющиеся материалы.

Нарушая приказ, вы совершаете преступление

Нарушать этот приказ или позволять его нарушение в своем присутствии — безответственность

ВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ!

Боец Фульеда объяснял устройство сложного оборудования агентам ЦРУ...

— ...было решено, чтобы в этом отделении цеха противопожарное оборудование...

Аренсибия делал вид, что с большим интересом слушает информацию. В свою очередь Вильям Лейва держался несколько в стороне — он делал записи в блокноте и осматривал огнетушители.

Боец, закончив свой короткий доклад, пригласил их:

— Если угодно, мы можем пройти в другое отделение цеха.

— Хорошо,— согласился Аренсибия и, обращаясь к эксперту, сказал: — Перес, останьтесь здесь, чтобы записать все необходимые данные по оборудованию, пока товарищ будет объяснять мне план противопожарных мероприятий в другом отделении. Когда закончите, догоняйте нас. Ясно?

— Ясно,— ответил Лейва.

Когда Аренсибия с бойцом удалились, эксперт, оставшись один, подошел к ближайшему огнетушителю и стал снимать с него колпачок.

Кот отсоединил сливной шланг и направил молоковоз в маленькую улочку. Подъехав к первой проходной, за которой открывалась главная улица, он крикнул дежурным:

— Спасибо за все. Посмотрим, не подведет ли меня снова эта развалюха. Только бы товарищам, которые проводят учения, не пришлось в голову остановить меня. Если мотор заглохнет снова... Ну да ладно. До завтра!

Молоковоз миновал проходную.

«Хорошо я им напомнил о военных учениях»,—самодовольно подумал Кот.

В порту напротив табачного склада локомотив формировал состав. Он оставил цистерны, наполненные па-токой, и должен был увезти отсюда пустые.

Это был пятый причал Энсенада-дель-Гуанабакоа в районе Реглы.

Время — семь часов тридцать девять минут утра.

Аренсибия слушал объяснения бойца. Вильям Лейва подошел к ним.

— Ты все записал? — спросил его Аренсибия.

— Да,— ответил тот.

— В этом отделении тоже очень интересный план мероприятий.

Несколько минут спустя Аренсибия отошел в другую часть цеха.

Оставшись один, эксперт осторожно поставил чемоданчик на пол и попытался снять колпачок огнетушителя.

— Товарищ! — услышал он голос за своей спиной.

Вильям Лейва был застигнут врасплох, но овладел собой. И это ведь тоже было предусмотрено.

— Слушаю вас.

Человек в рабочей спецовке и зеленой каске стоял рядом с ним.

— Я член здешней добровольной пожарной дружины, — сказал он. — Увидев, что вы проверяете оборудование, я подумал, что вы, может быть, захотите что-нибудь спросить, а я вам смогу помочь.

— Нет, это просто проверка, — ответил Вильям, надеясь, что рабочий уйдет. Делая вид, что увлечен, он достал из кармана один из бланков, которые были сделаны в типографии Даниэлем, и стал заполнять его.

Но рабочий не уходил. «Мне надо придумать что-нибудь такое, чтобы он отошел, хотя бы на минутку».

— Сеньор, — сказал он рабочему, — у вас не найдется ключа «Стиксон»? Мне нужно открыть огнетушитель.

— Да, конечно, товарищ, — ответил тот и направился за ключом.

«Нужно побыстрее воспользоваться этим», — подумал Вильям и быстро снял колпачок с огнетушителя. Затем он наклонился над чемоданом, открыл его и быстро вытащил маленькую пластиковую коробочку со взрывчаткой. Осторожно положив ее внутрь огнетушителя, он надел колпачок и завернул его.

— Вот ключ, товарищ, — сказал рабочий, протягивая ему инструмент.

— Большое спасибо. Он мне, собственно, уже не нужен.

— Можно спросить вас, — обратился к Лейве рабочий, — что это вы положили внутрь огнетушителя? Какой-нибудь новый химический состав?

— Это препарат, — стал объяснять Лейва, — который поддерживает необходимую плотность кислоты. Это делает огнетушитель более эффективным. Министерство охраны здоровья, — продолжал он, — издало приказ использовать эти препараты, поскольку они уменьшают токсичность состава. Мы уже установили их на других филиалах и теперь делаем это в вашей компании. Это какой цех?

Рабочий объяснил.

— Хорошо, — сказал Лейва и записал это в блокнот. — Все кончено. Теперь мне нужно идти в другие отделения. До свидания, сеньор. И большое вам спасибо.

Молоковоз остановился у ресторана «Ля-Ротонда». Кот вылез из кабины и направился к телефону-автомату. Вынув записную книжку, набрал номер.

Даниэль, находившийся дома, поднял трубку.

— Слушаю... Да. Все сделано, как договорились. Слушаю... Где?.. Ага. А куда я потом их отвезу?.. Они мне скажут? О'кей. Всего три человека? А остальные трое?.. О'кей. И вы нас заберете? Ага. До свидания.

Даниэль, ожидавший этого звонка, взял ключи, закрыл дверь и сел в автомобиль. «Посмотрим, чем все это кончится». Завел мотор и включил радио.

Радист Серафин поднял трубку, услышав звонок. Затем взял листок бумаги и стал записывать то, что ему диктовали.

Закончив писать, он спросил:

— На какой частоте я должен передать это?.. Что? Повтори частоту... На этой? Нет-нет, хорошо. Ты же знаешь, что я всегда подчиняюсь. А что я должен буду делать потом? Да. Понимаю. У въезда в долину. В магазине справа. До шести с половиной. Не беспокойся, Кот. Я буду там.

Серафин положил трубку и взял листок. На нем было написано: «Мы будем 20 в пункте П-25».

— Ну что ж, все идет хорошо, — вслух произнес радист и улыбнулся.

Аренсибия терпеливо выслушивал объяснения в отделении «Ф-7», когда Лейва подошел к нему сбоку и подал знак. Это было уже шестое отделение, где они побывали. В пяти предыдущих огнетушители были «переоборудованы».

Как только боец закончил и умолк на минуту, Аренсибия стал сворачивать «инспекцию».

— Фульеда, — сказал он, — я думаю, что мы уже посмотрели все, что нужно. На сегодня хватит. Можно кончать. В любом случае мы вернемся на будущей неделе.

Пока на кухне дома в Бока-Сьеха Освальдо сжигал документы, которые Кот приказал ему уничтожить, шофер, лежавший в гостиной, очнулся и сделал попытку освободиться от веревок. Ему почти удалось высвободить руки, связанные за спиной. Он выгнулся дугой, чтобы облегчить себе задачу. Такое положение позволяло ему одновременно наблюдать за своим стражем. Он дышал тяжело, прерывисто, кляп во рту не давал вздохнуть глубоко. Он слышал, что человек на кухне рвет и сжигает какие-то бумаги. Значит, еще есть немного времени. Надо попытаться. «Еще, еще чуть-чуть», — приказывал себе Рауль, пытаюсь освободить руки.

Локомотив с шумом тащил за собой вагоны. Хотя состав был такой же длинный, как и тот, что он привез в порт, шел он легче — цистерны были пустыми.

«Готово!» — сказал себе Рауль. Ему удалось освободить правую руку. «Теперь я смогу... Вот так...»

Обе руки были уже свободны. Сев на диван, он наклонился, чтобы развязать ноги. Пальцы его застряли от пота, и веревки не поддавались. Наконец он распутал их, и едва попытался встать, как шум на кухне стих. «Он идет», — подумал шофер. Забыв о кляпе во рту, он поднялся, чтобы выскочить через дверь на улицу.

В этот момент Освальдо вышел из кухни и увидел его. — Эй! Стой! — крикнул он и побежал к шоферу.

Шофер с трудом добежал до двери и откинул щеколду. Но увы... Кот, выходя, поставил замок на предохранитель, и дверь не открывалась. Шофер повернулся к своему преследователю как раз в тот момент, когда тот замахнулся, чтобы ударить его. Он уклонился, и удар Освальдо пришелся в дверь. Шофер воспользовался этим и с силой оттолкнул его. Освальдо потерял равновесие и, падая, ударился лбом о подлокотник кресла.

— А-а-а! — закричал он, и лицо его исказилось от ненависти. Быстро поднявшись, Освальдо бросился за Рау-

лом, который пытался скрыться в гараже. Освальдо добежал до автомобиля, огляделся вокруг и, увидев разводной ключ, схватил его. Он с силой бросил его в шофера — удар пришелся в шею. Тот стал медленно оседать, цепляясь руками за ручку двери. Придя в себя через некоторое время, Рауль хотел подняться. Но Освальдо сильным ударом ноги заставил его согнуться. Еще удар. Освальдо тренированным движением заносил ногу назад и сильным рывком бросал ее вперед. Скорчившись, шофер упал на замасленный пол гаража, дернулся раз-другой и затих. Освальдо посмотрел на него и злорадно улыбнулся сквозь стиснутые зубы. Провел рукой по лбу и, поднеся ее к глазам, увидел, что она в крови. Чертыхнувшись, он еще дважды пнул неподвижное тело шофера.

— Нас не нужно провожать, Фульеда, — сказал Аренсибия бойцу, когда они подошли к помещению пожарной охраны. — На второй проходной нас ждет автомобиль. Передайте привет лейтенанту дель Корралю.

Они попрощались, и Аренсибия с Лейвой направились к проходной.

— Вот так, — подвел итог Аренсибия, — теперь надо позаботиться о спасении собственной шкуры.

Два быстрых удара в дверь прервали мысли лейтенанта Фундора, работавшего в отделе дешифровки Управления госбезопасности.

— Войдите, — сказал он.

Сотрудник быстро вошел и остановился перед столом.

— Лейтенант, мы только что перехватили сообщение, — доложил он взволнованно. — Товарищи уже работают над расшифровкой.

— Пойдем, — сказал Фундора, поднимаясь. — Это надо сделать очень быстро.

Гостиная дома в Бока-Сьеха. На столе разбитые солнечные часы и спринцовка. На полу связанный шофер с кляпом во рту.

«Это надо было сделать с самого начала, — думал Освальдо, стоя возле него. — Тогда бы не было у меня этой раны».

— ...поферишко,— прошептал он и в который уже раз пнул бездыханное тело.— Если бы не уходить, я забил бы тебя до смерти.

Освальдо потрогал пистолет за поясом и направился в гараж. Выведя «понтяк» на улицу, он вернулся, чтобы закрыть дверь. Затем вновь сел в машину, завел мотор и посмотрел на часы: «Нужно поторавливаться, или я приеду после Кота».

Даниэль остановил машину, вышел, постучал в дверь дома и стал ждать.

Дверь открылась, сначала высунулась голова женщины, затем она вышла, вытирая руки о передник.

— Что вам нужно?

— Здесь живет Нелида Лопес? — спросил Даниэль.

— Нет. Лопес уехала на Север,— произнесла женщина, отвечая на пароль.

— Я посыльный. Приехал за голубями.

Аренсибия остановился у бака для мусора.

— Здесь,— указал он эксперту и огляделся. Никого не было. Лишь вдалеке стояла группа разговаривающих между собой рабочих, которые не могли ничего увидеть.— Давай!

Лейва приподнял крышку бака, сунул туда кожаный чемоданчик и снова закрыл бак. Аренсибия одновременно вытащил из кармана рубашки бумагу.

— Пошли! — скомандовал он.

— Ну вот и все,— сказал человек.

— Наконец-то. Теперь действительно все,— подтвердил механик, обращаясь к тому, кто помогал ему.

— Ну что ж, я думаю, мне здесь больше делать нечего,— сказал человек.— Счастливого пути. Я пошел.

Улыбающийся механик провожал его взглядом. «Наверное, этот человек впервые в жизни сотрудничает с ЦРУ,— решил он.— Чем это все кончится? — Достав из кармана коробку сигарет, механик закурил.— Все будет хорошо, если каждый из нас тщательно выполнит то, что ему поручено. Но дело это опасное. Это очень опасное дело».

Радист Серафим задержался у дверей и своими выпуклыми глазами осмотрел все вокруг. Передатчик после удара о стену был разбит и валялся на полу. Проигрыватель, переломанный пополам, лежал рядом с кучей разбитых в куски пластинок. Обломки мебели, картинных рам, обрывки занавесок... В углу на столике стоял разгромленный телевизор, ощерившись оборванными проводами, виднелись разбитые лампы. Обивка мебели была порезана бритвой. Осколки дорогих рюмок усыпали пол. Там же лежал и железный прут — орудие погрома.

— Коммунистам нечем будет поживиться, — процедил Серафим сквозь зубы и вышел.

На улице его ждала машина.

Когда неподалеку раздались удары колокола, два агента ЦРУ в форме офицеров кубинской армии уже разговаривали с сотрудниками второй проходной.

— Мы прошли на завод вот тут, — говорил Аренсибия, указывая пальцем на план, который держал в руках сотрудник охраны Эухенио. — По плану учений мы должны перебраться в Касабланку на поезд, который проходит здесь. Это не его колокол слышен?

— Да, — ответил сотрудник, рассматривая бумагу, которую Аренсибия вручил ему в подтверждение своих слов. — Точно так. Когда поезд подойдет, мы его остановим, и вы сможете сесть, лейтенант.

— Мы сегодня споваранку в этой заварухе, — сказал Аренсибия.

— Шофер молоковоза, проежая сегодня, сказал, что он видел солдат, едущих на учения.

Шум поезда усиливался, и, пока они разговаривали, показался состав.

— Пошли, — пригласил их Эухенио. — Мы сейчас попросим его остановиться.

— Вот содержание шифровки: «Мы будем 20 в пункте П-25», — сообщил сотрудник лейтенанту Фундоре.

Фундора задумался.

— Это ни о чем не говорит тебя? — спросил он и, не ожидая ответа, сказал: — В 1969 году мы схватили банду Хабао Рамиреса благодаря перехваченной шифровке.

В качестве пункта ее вывода из страны тогда был назван пункт П-25 в Пинар-дель-Рио.

— Да, я это очень хорошо помню! — воскликнул сотрудник. — Тогда первая цифра означала час. Следовательно, сейчас это было бы в двадцать часов.

— Странно, что они вновь передают на той же самой частоте и тем же шифром, — сказал с удивлением Фундора. — Надо немедленно сообщить об этом капитану Белосо. Он решит, что надо делать.

Молоковоз въехал в поселок Селимар и направился на ту же самую удаленную улицу, где уже побывал этим утром. Прибыв на место, он остановился. Кот вылез из кабины и, облокотившись о крыло, закурил сигарету.

«Этот идиот еще не прибыл», — злобно подумал он об Освальдо.

В машину Даниэля сели трое, она рванулась с места. Все четверо сидели молча. Женщина у дверей наблюдала, как они отъезжают. «Не дурно получилось», — подумала она, сжимая в руке под передником толстую пачку денег.

Поезд огибал завод. Аренсибия и эксперт стояли рядом с машинистом. Шум поглощал голоса, и нужно было говорить очень громко, чтобы быть услышанным. Поэтому машинист и не заметил, как первый сказал второму на ухо:

— Мы подходим к посту, — и указал вперед.

Когда локомотив поравнялся с будкой, они увидели, как часовой встал по стойке «смирно» и отдал им честь.

Аренсибия ответил на приветствие, сказав Лейве так, что только он смог услышать:

— Ну и дураки! И это самая лучшая охрана у Кастро?!

— Что случилось? — с раздражением спросил Кот у Освальдо, когда тот поставил «понтнак» рядом с молоковозом.

Освальдо услужливо открыл дверцу автомобиля, чтобы тот сел.

— Понимаешь, Кот,— попытался он оправдаться,— парень-то оказался не из слабаков...

— Это он тебя так? — спросил Кот, презрительно показывая на пластырь, красовавшийся у помощника на лбу.

— Он меня захватил врасплох,— солгал Освальдо и попытался улыбнуться, пока Кот снимал шоферскую куртку.— Но я ему выдал. Двумя прямыми уложил его. Теперь он в порядке.

Кот скосил на него глаза и сжал губы.

— Давай трогай! — приказал он, надевая свою рубашку.

— Да, сейчас, — сказал Освальдо покорно.

Аренсибия и эксперт отдали честь последнему часовому охраны завода. Поезд шел в направлении ветки на Касабланку.

«Ну что ж, самое страшное позади. Если обратно мы доберемся так же удачно, как прибыли сюда, то я прилично проведу время на пляже в Майами-Бич. Лично только там я выношу солнце»,—думал Аренсибия.

Два патрульных автомобиля Управления госбезопасности Гаваны остановились перед домом, который не так давно покинул Серафин, и сотрудники рассредоточились вокруг него.

Офицер постучал в дверь. Никакого ответа.

— Гарсия, открывай,— приказал он одному из сотрудников.

Несколько минут спустя они уже были в гостиной. Картина погрома была удручающей.

— Здесь никого нет, лейтенант,— сообщил сотрудник, возвращаясь из внутренних комнат.— В чулане валяется разбитый радиопередатчик.

— Этот человек не должен уйти,— сказал офицер.

Аренсибия и Вильям Лейва шагали к тому месту, которое было заранее намечено для встречи. Они сошли с

поезда, воспользовавшись тем, что тот замедлил движение на повороте, и выбрались на улицу.

— Вон он едет, — сказал Аренсибия, указывая на приближающийся «шевроле» механика. Автомобиль притормозил, и они сели в него.

— Слава богу, все удачно! — воскликнул механик.

— Давай сюда, — приказал Кот своему помощнику. — Все трое находятся в одном доме.

Автомобиль направился по указанной улице.

Освальдо спросил:

— Кот, почему ты не позволил Даниэлю одному забрать всех шестерых?

— Не знаю. Я не могу этого объяснить. Что-то мне подсказало, что я сам должен забрать троих из них. Но я не могу тебе сказать, почему.

«Понтиак» остановился на безлюдной улице поселка Бельмонте. Кот и Освальдо вышли из машины, поднялись по небольшой лестнице и остановились у входа в дом.

Дверь открылась.

— Мистер Кот! — сказал человек. — Мы уже готовы. Мы ждали вас.

— Привет! — сказал Кот. — Как дела, Хуанито-Джонни?

Разговорилось жаркое утро.

Синий «шевроле» выпуска 1955 года проехал мимо обувной фабрики «Коба» и влился в поток машин. В автомобиле три человека разговаривали между собой.

— ...и тот же рабочий подал мне ключ, чтобы я мог открыть огнетушитель.

Аренсибия и механик засмеялись.

— Я знал, — сказал Аренсибия, продолжая улыбаться, — что это дело не могло провалиться, потому что оно было подготовлено нашими хозяевами.

— Я, признаюсь, очень нервничал, — сказал механик. — Да и до сих пор еще немного не в себе.

— Страх теперь позади. Мы едем к условленному месту, потом переберемся в пещеру, а когда стемнеет, выйдем наружу. Лучшего результата нельзя было и

ждать, так что... — Указав рукой вперед, Аренсибия приказал: — Курс на мост Бакунайагуа.

Радист Серафин ехал по направлению в Пинар-дель-Рио. Его выпуклые глаза блестели через толстые стекла очков.

— Кто сказал, что Пинар-дель-Рио — это Золушка Кубы? — бормотал он, подставляя лицо ветерку. На его лице играла улыбка, а пальцы выбивали ритм на баранке. «Пинар-дель-Рио, мулатка! — цел он, импровизируя. — О, Пинар-дель-Рио, жизнь моя! Я еду в Пинар-дель-Рио, где можно хорошо развлечься!»

В Управление госбезопасности Пинар-дель-Рио только что поступил приказ о захвате группы контрреволюционеров. В приказе были указаны место и время их появления.

Когда «понтак» вновь выехал на Виа-Бланка, в нем сидело пять человек. Тито, по прозвищу Гаванец, координатор подпольной организации и одновременно руководитель группы контрреволюционеров в провинции Гавана, смотрел в окошко. Хотя он отпустил бороду и выкрасил волосы в седой цвет, черты его лица не смягчились.

Здесь же был Хуанито, по прозвищу Джонни, помощник вожака банды Бето Кабесаса, поддерживавший связь с американской военно-морской базой в Гуантанамо. Он поднял стекло, чтобы ветер не лехматил его волосы.

— Кто, что это за человек, которого к нам прислали? — спросил доктор Алехандро Тамайо, генеральный координатор контрреволюционного подполья.

— Некий Аренсибия, — ответил тот, — Пабло Аренсибия. Хорошо подготовленный и умный, но недооценивает тех, кто его окружает.

— Точно так же, как и ты, Кет? — ухмыльнулся Гаванец. — В твоей группе никто не мог поднять головы. Только такие, как этот, — он указал на Освальдо Деласа, сидевшего за рулем, — способны идти за тобой. Для этого нужно иметь кровь раба.

— Ты что, Гаванец? — подскочил Хуанито-Джонни. — Я работал помощником у Бето и никогда не был рабом.

А Бето был настоящим вожаком — он крепко умел драться.

— А где ты был, когда он дрался? — атаковал его Тито-Гаванец.

— Я выполнял свою миссию.

— Миссию на дому у твоей девочки?

— Ну ладно, хватит, — прервал доктор Тамайо. — Цапайтесь тогда, когда прибудем на Север. Скажи мне, Кот, как с операцией?

У доктора Алехандро Тамайо был респектабельный и солидный вид. Не нужно было долго говорить с ним, чтобы понять, что это человек умный и расчетливый.

— Вплоть до того момента, пока я принимал участие, все шло хорошо, — ответил Кот. — Я выполнил свою часть прекрасно. Все остальное на совести Аренсибии.

— А как ты считаешь? — спросил доктор.

Кот дважды хлопнул рукой по коленке, склонил голову набок и, пожав плечами, сказал:

— Я думаю, что он сможет это сделать. Этот тип способен взорвать завод у коммунистов.

— Я с ума схожу от желания глянуть в рожу Леле, когда попаду в Майами, — сказал спллым голосом Хрипун. — Он меня надул. По его вине коммунисты чуть было не прихлопнули меня.

Хрипун сидел в машине Даниэля справа от него. Он был основателем одной из контрреволюционных организаций и лишь чудом спасся от преследования, после того как Анхель, Леле и Вальдес не прибыли за ним в условленное место.

— Я тоже хотел бы глянуть на Леле, — заявил Марио Порруа. Хулио, его брат, сидевший рядом с ним на заднем сиденье, согласно кивнул головой. Оба они раньше самостоятельно руководили двумя бандами в Эскамбрае и вот уже несколько лет как отсиживались в убежище. Их кожа, давно лишенная солнца, была молочно-белого цвета.

— А что тебе сделал Леле? — спросил Хрипун.

— Я уже тебе двадцать раз говорил: присланное им оружие не стреляло. Он отхватил приличный кусок на этой сделке. Дай бог, чтобы оружие, которое находится в пещере, было прислано не им.

— Будьте уверены, это не сойдет ему с рук, когда он встретится со мной. А это случится обязательно, потому что я никогда не прощаю, — раздался неприятный, будто ржавый голос с заднего сиденья.

— Давайте перейдем на что-нибудь более веселое. — Хрипун наклонился и включил радиоприемник.

— Не надо, — сказал Даниэль и быстро выключил приемник. — Он не работает. С утра поломался. Там я куплю себе новый.

— Мы доберемся до Бакунайагуа и подождем сигнала на смотровой площадке...

— Какого сигнала, Кот? — прервал его Гаванец.

— Сигнала о том, что операция удалась, — ответил Кот самодовольно. — Это будет дым от пожара на заводе.

— Хорошо, мистер, очень хорошо, — сказал Хуанито-Джонни. — Дымовой сигнал! Это напоминает мне воскресное кино с участием Гарри Купера. Он набрасывается на индейцев и разделяет их из винчестера.

— Когда появится сигнал, — продолжал Кот, глядя вперед через ветровое стекло, — я должен собрать остальные группы, и мы поедем в укрытие, где и будем ждать...

— Что это за укрытие? — спросил Тито.

— Пещера на берегу моря. Чтобы добраться туда, нужно довольно долго идти пешком, но зато там безопасно, потому что вход в пещеру закрыт кустами. Ну и, кроме того... там спрятано оружие.

— При мне всегда мой кольт, мистер. Но есть ли там автоматы?

— Да, там есть два М-3 и малютка «томпсон». Пойдут?

— Гуд, — сказал Хуанито-Джонни и добавил: — Автоматы моя страсть.

Синий «шевроле» легко катился по залитому солнцем шоссе, и его три пассажира так же оживленно беседовали, как и те, в «понтяке».

— Я думаю купить мастерскую. Может быть, мне повезет и я развернусь, — говорил механик. Отпустив руль, он постучал себя в грудь: — Я все же силен по части бизнеса.

— У каждого свое, — согласился Аренсибия. — И мне хорошо. Я снова смогу попасть в Штаты, да еще с деньгами. «И с чистыми документами», — подумал он про себя.

— А что вы будете делать с деньгами? Тоже займетесь каким-нибудь бизнесом? — спросил механик.

— Нет. Это не моя стихия. Мое дело — игорный зал в хорошем отеле. Вот что мне нравится,

— ...судно-матка пошлет за нами катер...

— Кот, — сказал доктор Тамайо, который до этого слушал сообщение молча, — мне не нравятся две вещи. Первая — нас слишком много. Я всегда предпочитал более мелкие группы. Вторая — еще более важная — надо ждать, чтобы стемнело. За это время силы госбезопасности могут усилить наблюдение за побережьем...

— Все это предусмотрено, — ответил Кот, не сводя глаз с шоссе и не скрывая удовольствия от того, что может представить доктору план, разработанный самым тщательным образом. — Мне в голову пришла идея, благодаря которой мы собьем со следа коммунистов.

— Каким образом? — спросил Гаванец.

— Очень просто. Я приказал отправить шифровку на уже известной органам госбезопасности частоте. В шифровке говорится, что мы уходим через Пинар-дель-Рио.

— Вы только послушайте! — воскликнул Освальдо, выпустив руль из рук.

— А ты уверен, что они тебе поверят? — спросил доктор. — Они расставят сети, но, когда ничего не поймают, поймут, что их обманули.

Кот улыбнулся.

— Я же сказал, что все предусмотрено, доктор. Дело в том, что, когда госбезопасность будет наблюдать за этим местом, там кое-кто появится.

Глаза доктора Алехандро Тамайо сощурились.

— Как это? — спросил он.

— Не помните ли вы, доктор, Серафина, от которого мы хотели отделаться, потому что он придурковатый и очень неосторожен. Так вот именно он и появится там... Работники госбезопасности будут и нас ждать в этой ловушке. Когда до них дойдет, что они ошиблись, мы уже будем на судне-матке.

Радист Серафин ехал на своем автомобиле по шоссе в Мариель. Он шел:

— Поедем в Пинар-дель-Рио, мулатка! Поедем в Пинар-дель-Рио!

«Понтиак» свернул с Виа-Бланка и поднялся по узкому шоссе, которое ведет к смотровой площадке у моста Бакунайагуа. Когда машина подъехала к кафетерии, все пятеро вышли. В заведении было много народу, на площадке также толпились люди.

— Давайте перекусим, — предложил Кот.

— Сенью, мистер Кот, но я не голоден, — сказал Хуанито-Джонни.

— Кафетерий — место ожидания, — отчеканил Кот.

— Что с тобой, Хуан Хосе? — спросил Гаванец. — Если у тебя схватило желудок...

— Послушай, Гаванец, ты знаешь, что вся Куба меня зовет Хуанито-Джонни. Я — не какой-нибудь прощелыга, а борец за демократию. И в боях у меня никогда не схватывало...

— В каких боях? — прервал его Гаванец.

— Ну хватит, — приказал доктор. — Мы уже у кафетерия, а вы все еще спорите. Если вам охота, можете сцепиться в Майами, а здесь нужно драться только с коммунистами.

Автомобиль Даниэля прибыл на место, и все направились на террасу смотровой площадки. Хулио и Марио Порруа расположились на углу, а Даниэль и Хрипун отошли подальше.

День был солнечным, и местность выглядела особенно красивой. Однако эти люди не замечали красоты пейзажа. Они лишь ждали. Ждали...

Вскоре голубой «шевроле» прибыл в Бакунайагуа. Он остановился на обочине Виа-Бланка. Три человека, ехавшие в нем, вышли и прошли к длинному высокому мосту.

Выход из операции прошел успешно. Но реализацию плана выезда из страны можно было начинать только после появления дымового сигнала.

Кот посмотрел на часы и отодвинул тарелку, стоявшую перед ним на стойке.

— Расплатись, — приказал он Освальдо и отправился

со своего места на террасу. Там он увидел Даниэля и Хрипуна. Они делали вид, что любуются прекрасным видом.

Кот наклонился над каменным парапетом и бросил взгляд на мост. Сердце его застучало громче. Два человека в военной форме и третий в гражданской одежде стояли, облокотившись на перила. Это были Аренсибия, Вильям Лейва и механик. «Они прибыли. Операция удалась. — Кот глубоко вздохнул, и до него сразу дошло, что все это время он был во власти страха. — Если до сих пор все шло гладко, то с выездом не будет проблем». Он пытался успокоиться. Но это ему не удалось.

Тито-Гаванец, Освальдо Делас, Хуанито-Джонни и доктор Тамайо закончили свой вынужденный полдник.

— Место выбрано очень правильно, — заметил Гаванец, выходя из кафетерия.

— Пейзаж есть вандерфул, мистер Тито, — согласился Джонни. — Эти горы напоминают мне те, где Юмприботар сражался с оборванцами мексиканцами, которые хотели отобрать у него золото. Это было в кинокартине «Рудник в горах».

— Я не то имел в виду, Хуан Хосе. Это место хорошо тем, что здесь всегда полно народу. Здесь останавливаются автобусы, едущие из Гаваны и в Гавану. Обрати внимание, вон подъезжает еще один. Людей станет больше, и мы останемся незамеченными.

Тито-Гаванец показал на шоссе. Автобус междугородного сообщения только что прибыл. Из него выходили пассажиры. В этот момент к ним подошел Кот и сжал за плечо Освальдо.

— Готово! — ликующе воскликнул он.

— Что? — спросил доктор Тамайо.

— Готово! — сказал Кот вдруг охрипшим голосом. —

...по команде, все обратили взгляды туда, куда смотрел Кот. Вдали медленно поднимался широкий черный столб дыма, будто стремясь соединить землю с небом.

— Эй! Что это за дым в стороне Гаваны? — громко спросил какой-то человек, находившийся на террасе.

Хулио и Марио Порруа посмотрели в направлении,

куда указывал человек. Увидев черный столб дыма, они замерли.

...Даниэль рассказывал Хрипуну, как с малых лет ему нравились пальмы.

— Посмотри, — прервал его сильный голос, — Посмотри вон туда!

Даниэль повернулся и, увидев дым, смолк.

Кот, быстро лавируя среди зевак, подходил к своим.

— Следуйте за мной. Пора уходить. Направляемся в пещеру, — шепотом говорил он.

На мосту Аренсибия, Лейва и механик продолжали стоять неподвижно. Все трое смотрели вниз, в пустоту.

Чувство одиночества и неприкаянности особенно остро проявлялось здесь, где пугающая бездонная пропасть, казалось, притягивала, влекла туда, вниз, где и сейчас, в солнечный день, было мрачно и сыро. Не находившее выхода нервное напряжение, накапливавшееся с самого начала операции, сейчас еще больше усилилось.

— Аренсибия, — прервал Лейва тягостное молчание. Тот поднял голову и посмотрел на него. — Когда?..

Но Вильям Лейва не договорил — гримаса, искажившая лицо Аренсибии, его остановившийся взгляд и судорожно сжатые челюсти испугали его.

— Ч-ч-что случилось? — спросил Лейва, заикаясь. Механик тоже уставился на Аренсибию.

— Смотрите! — только и сказал Аренсибия.

Оба послушно повернулись.

Огромный столб дыма поднимался в небо, деля горизонт по вертикали.

Все трое посмотрели друг на друга, и Аренсибия в изнеможении привалился к перилам.

— Все-таки мы сделали это, Вильям, все-таки сделали! — исступленно повторял он.

Лейву разбирал нервный смех. Аренсибия же только молча смеялся и всхлипывал.

— Все-таки сделали, все-таки сделали!

Механик тоже стал нервно похохатывать. Все трое представляли необычную картину: глядя друг на друга, они не переставая смеялись. Их смех временами походил на рыдание.

— Вот так задали мы им, боже ты мой! Прикончили-таки завод. Прикончили. Мы им прикончили завод...

Часть вторая

„SOS“ В УПРАВЛЕНИИ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Вторник, 19 марта

— Разрешите войти?

— Входите.

Дверь открылась, и лейтенант Густаво Сапчес вошел в кабинет.

— Садись, — сказал капитан Велосо, указывая на стул, стоявший перед столом.

Кабинет был не очень большим. Светло-серый цвет его стен приятно гармонировал с более темным оттенком сейфов и рабочего стола. Поскольку кабинет занимал угол здания, две его стены имели окна, через которые беспрестанно гулял ветерок. Лейтенант сел и, глядя на капитана Велосо, сказал:

— Слушаю, капитан.

Автобио Велосо принадлежал к тому типу людей, о которых с первого взгляда не догадаешься, кто он, чем занимается. Среднего роста, худой, с тонкими чертами лица, он, благодаря своему живому темпераменту, выгля-

дол на десять лет моложе своих тридцати пяти. Его легкие движения, неспособность сидеть долго на одном месте и умение заниматься одновременно несколькими делами могли внушить поверхностному наблюдателю мнение, что человек он легкомысленный. Выдавали его лишь глаза. Стояло повнимательнее присмотреться, и сразу открывалось, что это умный и зрелый человек, умеющий разбираться во всевозможных запутанных ситуациях, способный принимать быстрые решения и достаточно решительный, чтобы претворять их в жизнь. Таков был Антонио Велосо — капитан Управления государственной безопасности.

— Прежде всего, — сказал Велосо, — я хочу поздравить тебя с великолепной работой, проделанной в Пинардель-Рио. Эти люди успели задать нам достаточно работы. Признаюсь, что мы были встревожены, поскольку предполагали, что они готовят вывод агентов, но благодаря тебе...

— Откровенно говоря, — прервал его лейтенант, — главная нить и большинство деталей попали ко мне в руки благодаря бдительности комитета защиты революции, который проделал великолепную работу. Мое участие ограничилось лишь...

— Послушай, Густаво, — сказал Велосо, — нам об этом уже известно. Но мы знаем, что и ты действовал хорошо и провел это дело самым лучшим образом. Кроме того, я по опыту работы с тобой знаю, что похвалой тебя не испортишь.

— Спасибо, — сказал Густаво и улыбнулся. Он был на два года моложе капитана Велосо, но физически совершенно другого склада. Высокий, атлетического сложения, он внешне мало походил на кубинца, что особенно подчеркивалось его русыми волосами и светлым цветом глаз. Несмотря на молодость, он был уже опытным работником, обладал высоким чувством ответственности и прекрасными способностями, его не раз направляли для выполнения трудных и важных заданий за границей.

Велосо вытащил из ящика стола папку, на которой карандашом была написана его фамилия.

— Видишь это? — спросил он капитана и, не ожидая ответа, сказал: — Это кое-что для тебя.

Густаво слегка наклонился вперед.

— Я готов.

— Хорошо, — продолжал Велосо. — Давай к делу. Речь идет об одном нашем торговом атташе, находящемся за границей. Мы получили от него тревожное сообщение. Судя по всему, враг пытается завербовать его. Сначала это выражалось в подарках, приглашениях на коктейли и приемы, но в последнее время дело приняло более серьезный оборот. Наш человек заметил, что за ним усиленно следят.

— Но это случалось и раньше, — сказал лейтенант, чувствуя, что за этим кроется что-то еще.

— Правильно, — согласился Велосо. — Но это случай несколько особый. Дело в том, что у нас есть сведения, что некоторое время тому назад враг начал подготовку крупной акции...

— Крупной акции? — прервал его Сапчес и откинулся на спинку кресла. — Вам не кажется несколько нелогичной мысль о проведении крупной акции именно теперь, в момент, когда враг сменил тактику?

— Именно так подумали и мы вначале, когда получили это сообщение. Однако его неоспоримая достоверность заставила задуматься. Действительно, это кажется нелогичным. Именно в этом и состоит опасность. Это был бы удар, которого мы не ожидаем. Видимо, так решил враг.

Лейтенант сидел молча, размышляя над реальностью такой возможности, затем спросил:

— А какая имеется связь между всем этим и торговым атташе?

— Все очень просто, — ответил Велосо. — По имеющимся у нас сведениям, враг покушается на важнейшую отрасль нашей экономики — нефтяную промышленность. Мы не располагаем точными данными о том, какой объект ими избран. Однако можно предположить, что они нацелились либо на нефтеперегонный завод имени Ньико Лопеса, либо на нефтеперегонный завод имени братьев Диас. Нам необходимо установить, на какой из двух заводов они нацелились. Мы не в курсе конкретных планов их действий и не знаем срока. На всякий случай охрана обоих заводов усилена. Туда, кроме того, направлены специальные группы.

— И что тогда? — спросил лейтенант, посчитавший, что он не получил ответа на свой вопрос.

— Тогда, — ответил Велосо, — получается такая картина. Наш атташе хорошо знаком с заводом Ньико Лопеса, потому что много лет проработал на нем. Не кажется ли тебе благоразумным побережь этого человека?

Вместо ответа лейтенант только хмыкнул.

— Есть ряд осложняющих обстоятельств, которые и заставили нас обратиться к твоей помощи. Дело в том, что шестилетний сын этого товарища имеет слабое здоровье. Недавно его пришлось госпитализировать. Он находится в местной больнице. Вскоре родителям сократили число посещений. Причины не совсем ясны, поскольку в течении болезни не появилось никаких новых моментов. Вот мы и решили принять некоторые меры, так как родители считают, что это может иметь связь со слежкой, объектом которой они стали. Точнее говоря, они подозревают кое-кого из медицинского персонала больницы.

— А разве они не могут забрать ребенка из больницы? — спросил лейтенант.

— Имея в виду состояние, в котором находится ребенок, это невозможно. У него заболевание, которое можно лечить лишь в ортопедической больнице. К тому же, зная, что наши враги не останавливаются ни перед какими средствами для достижения своих целей, мы не можем пойти на то, чтобы вмешалось посольство. В таком случае жизнь ребенка может оказаться под угрозой. Здесь нужно действовать иначе.

— Понятно.

Сдержав улыбку, Велосо взял со стола карандаш и, вырисовывая им какие-то фигуры в воздухе, стал объяснять:

— Дело это деликатное. Есть три причины, по которым оно поручается тебе. Первая — твои личные качества. Вторая — на тебя есть готовые документы, поскольку ты только что был с экономической делегацией в этой стране. Третье — твоя дружба с этим работником, что очень полезно для дела.

— О ком идет речь? — с удивлением спросил лейтенант.

— Об Альберто Альваресе Мартинесе, — ответил Велосо.

Лейтенант удивленно хмыкнул и потер руками колени. Альберто, его старый товарищ по университету. Товарищ, с которым они вместе участвовали в студенческих

демонстрациях против режима Батисты. Альберто, с которым после победы революции он снова работал вместе — в армейской разведке. Они тесно сотрудничали — Альберто из заграницы — в деле разоблачения предателя Медины. Затем Альберто отошел от работы в службе госбезопасности — страна нуждалась в дипломированных специалистах, и его направили торговым атташе.

Велосо передал папку лейтенанту.

— Здесь вся информация по делу, а также паспорт и другие необходимые документы, — пояснил капитан. — Твоя задача — узнать, что там готовится и что за всем этим скрывается. Будешь поддерживать прямую связь с нами по системе «ЭРС». Не исключено, что к настоящему времени враг успел предпринять новые шаги, поэтому ты должен проявить большую осторожность, вступая в контакт с Альберто. Понятно?

— Вполне, — ответил Густаво.

— Хорошо, — сказал Велосо. — Рауль собирает твои вещи. Он уже подобрал всю необходимую информацию о стране. Вылетишь сегодня рейсом Ку-478. В Мадриде пересядешь на другой самолет, который и доставит тебя к месту назначения. Там тебя встретят два человека, поступающие в твоё распоряжение. Они введут тебя в курс дела, сообщат об обстановке, а также предоставят любые другие данные, нужные тебе. Правда, эти работники посольства не имеют опыта такой работы, но сделают все, чтобы максимально помочь тебе. Все ясно? Или есть какие-нибудь вопросы?

— Нет. Все и так ясно. Проблемы меня ждут там, здесь пока все ясно.

— Хорошо, — сказал капитан, — тогда иди к Раулю, посмотри, что тебе еще нужно, и проверь свой багаж.

— Есть.

Они встали почти одновременно, прощание было коротким — их руки встретились над письменным столом.

Густаво направился к двери. Открыв ее, он повернулся.

— Не беспокойтесь, капитан. Я постараюсь все сделать в лучшем виде.

Дверь закрылась. Велосо снова сел и какое-то время, играя карандашом, глядел на окно, где солнечный свет разделялся клетками решетки. Прошла минута-другая... Затем, как бы встряхнувшись, он постучал карандашом по

столу и, взяв из ящика чистый лист бумаги, написал: «Франк направлен». Положив лист в папку, он поднялся и подошел к сейфу.

— Мы ждали вас. Позвольте представиться. Доктор Виктор Каселл, — сказал человек, указывая на своего спутника, — и ваш покорный слуга Эдуардо Местре.

— Очень приятно, — ответил Густаво, пожимая их руки. — Я сожалею, что не мог приехать раньше. Моя работа в клинике не позволила этого. Как дела на конференции?

— Вчера состоялось открытие, — ответил Местре. — Обсуждается вопрос о значении фактора эмоций при различных заболеваниях. Вас включили в нашу комиссию, так как вы знаете язык. Сегодня будет обсуждаться тема о связи нарушений обмена с эндокринными заболеваниями.

— Так, — сказал Густаво, улыбаясь. — Я как раз привез кое-что о связи териотоксикоза с некоторыми формами диабета.

— Прекрасно, — обрадовался Местре, глядя на доктора Каселла. — Нам это как раз кстати. Ну что ж, доктор, если вы не возражаете, можно идти за багажом.

— Хорошо, пошли, — согласился Густаво.

Втроем они отправились в другую часть здания.

Если бы кто-нибудь из тех, кто находился рядом с ними во время разговора, поинтересовался бы потом медицинской конференцией, то убедился бы, что такая конференция действительно проводится. Однако было бы значительно труднее найти этих трех ученых в какой-либо из ее комиссий.

«Фиат» ехал по городу на максимальной скорости, что позволяло не слишком напряженное движение на дороге. За рулем сидел Карлос, он же доктор Местре. Рамиро, сидевший рядом с ним, повернулся к Густаво, расположившемуся на заднем сиденье, и спросил:

— Были какие-нибудь трудности по дороге?

— Нет. Все прошло гладко, — ответил Густаво.

— Послушай, Франк, — сказал Карлос, не отводя глаз от дороги. — Нет ли у тебя случайно сигареты?

— Сейчас, подожди, — ответил Густаво и вытащил из кармана пачку «Популарес». — Вот возьми.

— Спасибо, старик! Понимаешь, какое дело, — объяснил Карлос, — никак не могу привыкнуть к здешним.

— Ладно, доктор Местре, — смеясь, сказал Густаво. — Я никогда не подозревал, что твои медицинские познания столь глубоки.

— Не смейся, Франк, — вмешался Рамиро, шутливо принимая важный вид. — Не каждый же день представляется возможность побыть великим медиком, не правда ли, Местре?

— Да, конечно, — подхватив шутку, сказал Карлос, — особенно, если учесть, что не тебе пришлось запоминать эти диковинные названия болезней... В следующий раз придется выступать тебе. Тогда узнаешь...

— Хватит, хватит, уважаемые медики, — прервал их Густаво. — Введите-ка лучше меня в курс дела.

Рамиро передал портфель на заднее сиденье и сказал:

— Здесь ты найдешь все, что надо. Ты прекрасно все поймешь без всяких объяснений.

— Как я буду связываться с вами?

— В портфеле есть номер телефона, по которому будешь звонить. Среди документов увидишь план города, который мы разделили на зоны. Тебе лишь нужно сказать, например: «Пятнадцатая зона», — не пройдет и десяти минут, как мы будем около тебя. Ясно?

— Очень хорошо, — ответил Густаво. — Вы продумали все. — И, шутя, добавил: — Для любителей это совсем не плохо.

— С чего-нибудь надо начинать, — сказал серьезно Рамиро.

— Мы подъезжаем к гостинице, — предупредил Карлос. — Осталось два квартала...

— Ах, да, — прервал Рамиро. — Мы зарезервировали для тебя номер на имя доктора Ферреро, адвоката туристической латиноамериканской компании, который приезжает сюда для заключения контракта.

— Прибыли! — объявил Карлос, останавливая автомобиль у входа в здание.

— Все в порядке? — еще раз спросил Рамиро.

— Все в порядке, — ответил Густаво и вышел из автомобиля. — До свидания.

Как только носильщик взял багаж, автомобиль отъехал.

«Я выиграл время на разнице часовых поясов», — подумал Густаво, направляясь к администратору. Гостиница была не первоклассной, но зато она вполне подходила для той работы, которую ему предстояло выполнить. Здесь никто не мешал, и он сам не привлекал внимания, что могло бы случиться в более роскошной гостинице.

«Недолго здесь прожить можно», — решил Густаво и, подойдя к окошечку администратора, представился:

— Доктор Ферреро.

Комната была небольшая, но комфортабельная. Однако Густаво было не до удобств. Сразу, как только посильщик закрыл за собой дверь, лейтенант углубился в изучение бумаг, которые Рамиро передал ему. Ими была усеяна почти вся кровать, и он просматривал их одну за другой.

Густаво сидел на краю кровати, записывая свой разговор по телефону. Он только что позвонил от имени Альберто Альвареса в мастерскую и спросил, как идет дело с автомобилем. Ему ответили, что он будет готов к девяти часам утра следующего дня. Кончив писать, Густаво взял один из листков, лежащих на кровати, внимательно прочитал и, подумав немного, снова взял телефонную трубку. Услышав голос, он спросил Рамиро и, когда тот подошел, попросил, чтобы он заехал за ним в гостиницу.

Было три часа тридцать минут.

Затем Густаво набрал номер телефона Альберто Альвареса. Гудок прозвучал всего один раз, и в трубке раздалось:

— Слушаю.

Густаво узнал голос своего друга Альберто, несмотря на то, что уже давно не слышал его. Он подавил в себе привычное желание поздороваться, как всегда, потому что в данной обстановке это было бы опасной беспечностью. Стараясь говорить как можно естественнее, он спросил:

— Это квартира доктора Альвареса?

— Он у телефона, — ответил голос, и лейтенант понял, что Альберто не узнал его. Нужно было назваться, но сделать это очень осторожно.

— Это Франк, — сказал он, стараясь уловить малейший признак того, что Альберто узнал его. Однако тот ничем не показал этого.

— Фрапк?

Густаво вдруг понял, что его друг не может себе вообразить, что звонит он, его друг. «Он чем-то обеспокоен», — подумал лейтенант и попытался найти выход из сложного положения.

— Да, из мастерской, — начал он, пытаясь одновременно собраться с мыслями, — ремонт вашей машины заканчивается.

Говоря это, Густаво вспомнил один маленький трюк, небольшую шутку давних времен, которую можно было использовать.

— В-в-ы н-н-ас п-п-просили сообщить об-этом, — сказал он, подражая Зайке, их товарищу по университету.

И попытка его удалась. Густаво уловил это в тоне голоса, сказавшего:

— А!.. Это прекрасно. Когда я могу забрать ее?

«Альберто уже все понял... Но... если он узнал меня, почему не адорвается по-дружески? — Лейтенант стал опасаться самого худшего. — На всякий случай я должен дать ему час фору», — подумал он и сказал:

— Завтра после десяти.

— Нет, не годится, она мне нужна раньше, до девяти тридцати, чтобы поехать на работу. Это возможно?

«Почему Альберто настаивает, если ему указан час? Или он хочет этим сказать что-то? Он говорит «поехать на работу», но...» Тут Густаво вспомнил, что Альберто по вторникам работает только дома. Об этом говорилось в одной из бумаг, которые передал ему Рамиро. Что же хочет сказать Альберто этими словами «поехать на работу»? Неужели уже?..

— Видите ли, — решился сказать лейтенант, — тогда мне придется задержаться после работы. — И тут же добавил, чтобы еще больше запутать возможных слушателей: — Это значит, что нужно будет доплатить.

— Неважно. Она мне нужна, — сказал Альберто.

Густаво показалось будто что-то скрывается за этим «она мне нужна».

— Ладно, — согласился он, — можете быть уверены, все будет готово. — Внезапно у него родилась мысль, и он решил сделать еще один ход. — Ах, да! Чуть не забыл, — сказал он, будто действительно вспомнил что-то, — замок вещевого ящика в салоне был поломан, и мы заменили его.

— Очень хорошо, спасибо, — сказал Альберто тоном, который свидетельствовал, что он уловил скрытый смысл этих слов.

— Ну что ж, до завтра, сеньор, — попрощался лейтенант и опустил трубку. Все получилось хорошо, и он кое-что узнал: без сомнения, ЦРУ вступило в контакт с Альберто, и тот знал, что его телефон прослушивается. Это значит, что за ним следят днем и ночью. Следовательно, нужно проявлять чрезвычайную осторожность при попытках связаться с ним. Но в то же время необходимо было действовать быстро.

Густаво должен узнать, состоялась ли уже встреча агентов ЦРУ с Альберто. И если у него потребовали какие-нибудь сведения, то нужно узнать, какие именно и к какому времени, чтобы затем принять правильное решение. Правда, последнее не входило в его обязанности. Он сейчас не должен отвлекаться от главной задачи — искать наиболее подходящий способ связаться со своим другом. И сделать это нужно было как можно быстрее.

Телефонный звонок прервал его размышления.

— Слушаю, — сказал Густаво.

— Это Франк? — прозвучал голос Рамиро. — Я жду тебя внизу в вестибюле.

— Сейчас спущусь, — сказал Густаво.

Прежде чем выйти из комнаты, он убрал бумаги с кровати и одну из них спрятал между синим свитером и рубашкой.

— Очень хороший, очень, — ответил Альберто на вопрос жены о кофе, который она ему принесла.

«Густаво здесь. Это уже легче. Теперь нужно собраться с мыслями, чтобы решить, что я должен делать, чтобы все вышло хорошо», — думал Альберто.

— Старушка, подай мне сигареты, — сказал он.

Когда жена вышла из комнаты, Альберто поднялся и взял портативный приемник, стоявший на полке рядом с книгами. Поставив переключатель диапазонов на средние волны, он, насвистывая, медленно прокручивал ручку настройки.

«Если телефон прослушивается, то они наверняка установили здесь и микрофоны», — думал он.

Альберто знал, что в таком случае его свист был бы уловлен чувствительным микрофоном. Ему было известно,

что эти миниатюрные подслушивающие аппараты работают на радиочастотах. Поэтому, найдя с помощью радиоприемника используемую ими частоту, он сумел бы принять посылаемый микрофоном сигнал. Тогда его свист, переданный микрофоном, был бы принят и усилен радиоприемником. Микрофон вновь получил бы тот же самый сигнал, который только что послал в эфир, и это вызвало бы переусиление, которое дало бы себя знать визгом. «Я должен сосредоточиться», — думал он, не переставая прокручивать ручку настройки.

Альберто медленно ходил по комнате. Он и не пытался искать микрофоны, потому что знал — они настолько малы, что даже самый тщательный обыск не мог бы дать результата.

Он насвистывал песню, стараясь делать это как можно естественнее.

«Они не должны догадаться об этом», — говорил он себе, продолжая работу. Его пальцы очень медленно крутили ручку настройки, чтобы не пропустить ни одной частоты.

Стрелка шкалы транзисторного приемника уже находилась посредине.

«Я должен найти... Или, может быть, здесь просто нет никаких микрофонов?»

И вдруг Альберто услышал визг. Стоило ему едва-едва сдвинуть ручку настройки, как приемник уловил частоту, на которой работал потайной микрофон. Он немедленно выключил транзистор.

В этот момент его жена вошла с пачкой сигарет. Она положила их на диван рядом с Альберто и уже было собиралась выйти.

«Нужно сказать ей об этом, — подумал Альберто. — Я уверен, что она сумеет вести себя должным образом, как и раньше, хотя на этот раз в опасности жизнь нашего маленького Альберто. Она настоящая жена».

— Старушка, подойди сюда, — сказал он и вытащил из кармана рубашки маленькую записную книжку с ручкой.

— Слушаю тебя, — сказала жена, подходя к нему.

— Садись, мне нужно кое-что сказать тебе, — обратился к ней Альберто, протягивая записную книжку, в которой написал: «Попытайся говорить со мной и одновремен-

но читать то, что я тебе пишу. За нами следят, и у нас установлены микрофоны».

Женщина медленно качнула головой, показав, что поняла. Вид у нее был испуганный.

— Старушка, сегодня кое-кто разговаривал со мной, — вповь заговорил Альберто.

— Кое-кто?.. Как это? Ты хочешь сказать?..

— Да, я хочу сказать, что сегодня они говорили со мной.

— Что им было нужно?

— Некоторые сведения. Речь идет о том времени, когда я работал на нефтеперегонном заводе. — Одновременно он передал жене книжку, где написал: «Не пугайся, что бы я ни говорил тебе, но постарайся сделать вид, будто это известие выбило тебя из колеи».

— Но они же дураки, — сказала она, прочитав записку, и добавила: — Как они могут думать, что ты...

— Они угрожали мне, — прервал Альберто. — Они угрожали мне смертью сына.

— О, нет! — воскликнула она. «Ребенок, мой сын, больной сын», — думала женщина, и страх за любимое существо охватил ее.

Рука мужа сжала ее руку.

— Послушай, старушка. Подумай. Подумай хорошенько об этом, — попросил Альберто, показывая ей фразу: «Доверяй мне», — которую он написал в книжке. — Ты понимаешь мое положение?

— Да-да, понимаю, — заверила она его, глубоко вздохнув. Она не могла подвести мужа. Она никогда не подводила Альберто в дни революционной работы и не могла себе позволить этого сейчас. Если она будет действовать правильно, с Альбертико ничего не случится.

— Но ребенок? — спросила она, чтобы продолжить подслушиваемый разговор.

— Я не могу даже в мыслях представить себе, чтобы изменить революции. Ты же знаешь, что это для меня значит.

— Но, Альберто... А как же ребенок? — она задала этот вопрос с двойной целью, чтобы дать время своему мужу закончить то, что он писал, и в то же время узнать о том, что будет с сыном.

— Послушай, старушка, не обманывай себя, — сказал Альберто и передал ей новую записку: «Ребенка держат

под наблюдением днем и ночью. У них агентура в больнице. Если мы попытаемся забрать его, это может привести к трагическим последствиям. Понимаешь?»

Слово «трагический» звучало слишком сильно, слишком обнаженно для слуха женщины. «Трагический» для ее сына. Но одновременно она прочитала на бумаге: «Попробайся уговорить меня передать информацию».

«Я не должна терять присутствия духа. Альберто пашет, чтобы я попыталась сделать это. Значит, такова моя задача сейчас», — подумала она и сказала:

— Да... да.

— Понимаешь? — повторил он вопрос, глядя ей в глаза.

Женщина согласно кивнула и попыталась улыбнуться, чтобы успокоить его.

— Мы с тобой также находимся под наблюдением, — продолжал он. — Телефон прослушивается, и кто знает, какими еще другими средствами они пользуются.

— Что ты думаешь делать?

— Не знаю. Но изменить революции я не могу.

«Именно сейчас я должна показать, что хочу уговорить его», — подумала она и сказала:

— Но, Альберто... Разве ты не отдаешь себе отчета, что они могут убить Альбертико! Может быть, можно найти какой-то выход. Ведь это такой крайний случай. Разве нельзя рассматривать его как...

— Замолчи! Не говори этого. Ты же прекрасно знаешь, что любое «сотрудничество» с ними равносильно предательству, — сказал кубинец, сжимая руку жены, чтобы дать ей понять, что все идет хорошо. — Хотя, с другой стороны, ребенок... Не знаю. Просто не знаю.

— Альберто, ты всегда выполнял свой долг, куда бы тебя ни посылали. Но это же особый случай. Твои товарищи поймут. Речь идет о твоём сыне, Альберто. Подумай, ведь речь идет об Альбертико.

— Да... Я это знаю. Но... Может быть, ты и права. Может быть, действительно это тот самый особый случай.

— Но это так на самом деле, Альберто, именно так, — настаивала жена, играя порученную ей роль. — Ты не можешь ничего поделать. Речь идет о жизни твоего сына. Любой на твоём месте поступил бы так же. Если бы опасность угрожала тебе, я бы не говорила этого, но речь идет об Альбертико. Он же ни в чем не виноват.

— А что будет потом? — спросил Альберто, передавая жене новую записку.

— Потом, когда ребенок будет в безопасности, ты можешь пойти в посольство и рассказать обо всем. Пусть тогда судят нас, — сказала она и прочитала: «Прислали Густаво, чтобы он помог нам. С ребенком ничего не случится».

Это сообщение подействовало как успокаивающее лекарство.

«Если на Кубе известно о ситуации, в которой мы оказались, то будет сделано все, чтобы с ним ничего плохого не случилось», — решила она.

— Они будут знать, как с нами поступить, — сказала она с двойным смыслом. — Вместе мы можем выстоять, что бы ни произошло. Все вместе, втроем.

— Это правильно, старушка. У меня действительно нет другого выхода. Мне стыдно, — притворился он, — но, видимо, придется передать им эту информацию.

— Не беспокойся. Вот увидишь, все получится лучше, чем ты думаешь, — сказала она. — Ведь наша власть добра.

— И дело в том, что у меня нет другого выхода, — заключил Альберто, сделав выразительный жест рукой, — это был сигнал, что уже достаточно, что те, кто их слушает, должно быть, заглотили крючок.

Жена согласно кивнула. Альберто поднялся, взял свое пальто и, наклонившись над столом, сделал ей знак, чтобы она продолжала разговаривать о чем угодно, пока он пишет.

— Ты снова уходишь? — нонимающе спросила она.

— Да, пойду в библиотеку. Они приказали мне, чтобы я продолжал свои обычные занятия, как будто ничего не произошло. Ты же знаешь, что по этим дням я хожу в библиотеку, — настойчиво сказал он и показал ей книжку.

Публичная библиотека была избрана посольством как место встреч на случай, если за кем-либо устанавливали слежку. Франку должны были сообщить об этом посольские.

— Не задерживайся, — попросила жена, а хотела сказать «будь осторожен».

— Не беспокойся. Поцелуй меня, — попросил Альберто, обратив к жене любящий и восхищенный взгляд. Она

прекрасно держалась в этой сложной ситуации. — Ну вот, так лучше. Не беспокойся, я скоро вернусь.

Альберто подошел к двери и открыл ее.

— До свидания, старушка, — сказал он и улыбнулся.

— До свидания, — сказала она и тоже улыбнулась. — Будь осторожен.

Альберто кивнул, закрыл дверь и стал спускаться по лестнице.

«Все идет хорошо, — думал он. — Росарио настоящая жена. Теперь я должен придумать, как связаться с Франком, если за мной будут следить и внутри библиотеки. Ведь это предусмотрено нами».

Выйдя на улицу, он посмотрел по сторонам, но не смог обнаружить хвоста.

«По крайней мере, нет дождя», — сказал он себе и направился к библиотеке. В мокром асфальте как в зеркале отражались разноцветные фонари.

— Это здесь, — показал Рамиро, сидевший за рулем.

Густаво посмотрел в указанном направлении и обнаружил вывеску библиотеки на фасаде большого старого здания.

— Прекрасно. Я выйду сейчас, — сказал он и добавил: — В конце концов, эту часть работы я должен делать один. Постарайся на всякий случай поставить автомобиль неподалеку от библиотеки. Воспользуйся красным светом, чтобы остановиться.

Рамиро снизил скорость и подъехал к тротуару. Густаво вышел, а машина поехала дальше.

«Теперь я должен подождать», — подумал про себя лейтенант.

Выйдя из гостиницы, они с Рамиро съездили к мастерской, где ремонтировался автомобиль Альберто. Густаво походил немного вокруг, изучая местность и обдумывая свой план. Машина торгового атташе занимала в его плане немалое место. План был рискованным, и поэтому его нужно было тщательно отработать.

Затем они приехали к библиотеке, поскольку, как сказали ему товарищи, это место было избрано работниками посольства для встреч, если они чувствовали за собой слежку.

«Если с Альберто не случилось ничего серьезного и он

действует спокойно, его сейчас надо ждать здесь», — думал Густаво, наблюдая за обеими сторонами улицы.

Движение транспорта на магистрали было напряженным, а на тротуарах сплошной поток пешеходов.

Среди толчеи Густаво увидел Альберто, приближавшегося по противоположному тротуару. Он шел медленно и, как показалось лейтенанту, был обеспокоен тем, что не встретил его. «Нужно что-то сделать, чтобы он увидел меня, — подумал Густаво. — Но сначала я должен узнать, кто следит за ним».

Лейтенант внимательно наблюдал за всеми, кто шел в том же направлении, что и Альберто. Ему не стоило большого труда увидеть, что какой-то человек в сером плаще задерживался каждый раз, когда кубинец останавливался, и следовал все время за ним.

«Это один, — сказал он себе. — Теперь нужно посмотреть, есть ли еще кто-нибудь».

Быстрым взглядом Густаво определил, что за Альберто больше никто не шел. По крайней мере, по тротуару, на котором тот находился, и тогда он перевел взгляд на противоположный тротуар. На него наступала настоящая человеческая волна. Отсюда было невозможно что-либо обпаружить. Тогда Густаво решил пересечь улицу и стать перед Альберто так, чтобы тот его увидел. Дождавшись красного света, он быстро перешел на ту сторону улицы, по которой шагал кубинец, и пошел перед ним.

Альберто тоже обнаружил, что за ним следят. Сначала это было просто неясное чувство опасности. Затем, остановившись у витрины магазина, он увидел, что какой-то человек в сером плаще также задержался на расстоянии около двадцати метров от него. Когда он вновь двинулся вперед, человек сделал то же самое. Кубинец решил установить, сколько их, его преследователей. Осторожно оглядевшись, он заметил, что впереди него идет человек, как будто ему знакомый.

«Это Густаво! Неужели он? Я должен быстро придумать что-то», — соображал Альберто.

Густаво задержался перед витриной неподалеку от входа в библиотеку. Это был шляпный магазин, и лейтенант внимательно изучал выставленные модели, особенно те, которые находились с правой стороны — оттуда приближался Альберто. Тот уже находился примерно в тридцати метрах от библиотеки. Посмотрев вперед, Альберто

решился. Он уже не сомневался, что человек в синем свитере, застывший у шляпной витрины, — Франк.

Вдруг Альберто вспомнил об одной студенческой уловке, которая в данный момент могла бы помочь. Когда они оба учились в университете, когда он еще мог называть Густаво его собственным именем, у них был свой метод для передачи записок девушкам или друзьям во время лекции так, чтобы профессор не заметил.

Альберто остановился у киоска, купил пачку жевательной резинки.

«Почему он остановился там? — спрашивал себя Густаво, стоявший у шляпного магазина. — Правда, это мне на руку, я смогу убедиться, не идет ли за ним кто-нибудь еще».

Он повернулся к противоположному тротуару, вытащил сигарету и закурил. Вскоре он обнаружил человека в черном пиджаке, который не спускал глаз с Альберто.

Внезапно черный пиджак остановился и повернулся к витрине обувного магазина. Густаво глянул на Альберто и понял, что тот тоже знает о человеке в черном пиджаке.

«Альберто не потерял своих способностей», — подумал он и решил войти в библиотеку.

Заполнив формуляр, Густаво направился, как сказал ему Рамиро, в отдел технической литературы. Там он взял с полки три книги и сел за столик, откуда мог наблюдать за всем помещением.

Густаво открыл книги, вытащил из под свитера бумаги, которые захватил с кровати в гостинице, и посередине чистого листа стал выписывать никому не понятные закорючки, да он и сам не смог бы их объяснить. Через несколько минут в зал вошел Альберто. Густаво лихорадочно писал, его карандаш задерживал свой бег только тогда, когда он поднимал глаза, чтобы заглянуть в один из трех огромных томов, лежащих перед ним.

Как только торговый атташе сел перед стеллажом спиной к лейтенанту, в зал вошел человек в черном пиджаке.

Густаво увидел его, утомленно вздохнул и продолжал делать свои «записи».

Альберто уселся поудобнее и, бездумно глядя на стоящий перед ним стеллаж, улыбнулся.

«Пусть не думают, что я ищу связи с кем-нибудь», — мысленно сказал он себе и, развернув жевательную ре-

винку, положил ее в рот. Затем Альберто открыл книгу, взятую со стеллажа, положил рядом маленькую тетрадку, в которой обычно делал записи, когда приходил в библиотеку. Он начал писать на одной из внутренних страниц тетрадки.

Густаво со своего места видел, что его друг, спокойно достав жевательную резинку, развернул ее и с видимым удовольствием положил в рот. Он несколько удивился этому, но тут же приказал себе: «Я не должен отвлекаться на пустяки. Нужно подумать, как связаться с ним. Ведь можно же найти какое-то средство. Правда, надуть эту тварь в черном пиджаке нелегко. Идти в уборную было бы глупо. Этот, в сером плаще, не выпустит Альберто из-под наблюдения. Не могу же я провести здесь весь вечер, выписывая закорючки. Я должен что-то придумать. И как только Альберто может спокойно жевать эту жвачку...»

И вдруг он понял. Он тоже вспомнил студенческие годы, их проказы и тот безотказный, надежный прием, которым они пользовались. Это было настолько просто, что он удивился, как ему самому не пришло в голову. Его разбирал смех. Если бы ситуация не была столь драматической, Густаво охотно посмеялся бы от души над двумя агентами ЦРУ, которые следили за его другом.

«Сейчас, когда телекамеру можно спрятать в книгу, стрелять из винтовки микрофонами, вмонтированными в пули, использовать подслушивающие устройства, которые можно проглотить с едой, даже не заметив, переправлять микрофильмы, скрытые в знаке точки любого письма, когда наука электроника поставлена империалистическими державами на службу секретных наблюдений, то, что собирается сделать Альберто, выглядит примитивом». Густаво в душе восхитился его находчивостью.

Полчаса спустя Альберто, посмотрев на часы, встал, отнес книгу на стеллаж и поставил на то же место, откуда взял. Затем он направился к выходу.

Через пару минут человек в черном пиджаке взял с полки книгу, которую поставил Альберто, стал перелистывать каждую страничку. Не найдя ничего, он еще раз пролистал ее и поставил на место.

Густаво исподтишка наблюдал за этой сценой и, когда человек вышел из зала, закрыл свои три книги, отнес их на полку. Затем он сел за столик, где работал Альберто,

положил бумагу и сделал вид, что пишет. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, он провел рукой под крышкой стола, и его пальцы нашли искомое — клочок бумаги, который Альберто прикрепил при помощи жвачки.

Выйдя из библиотеки, Густаво увидел Рамиро, который ожидал его на противоположном тротуаре, и направился к нему.

— Альберто вышел несколько минут назад. За ним шли два типа, — сказал Рамиро, когда они направились к стоявшему неподалеку автомобилю.

— Да, я знаю, — сказал Густаво. — Один из них в сером плаще, а другой в черном пиджаке.

— Точно. Пойдем за ними?

— Нет, — ответил лейтенант. — Это не нужно.

Они подошли к автомобилю, и Рамиро открыл дверцу. Когда они сели, он сказал:

— Слушай, Франк. Тебе, наверное, ничего не удалось сделать. Ведь эти два типа все время наблюдали за Альберто.

— Мне — нет, но Альберто удалось, и даже многое.

Лейтенант вытащил клочок бумаги, на котором сохранились остатки жевательной резинки, развернул его и прочитал вслух. В записке говорилось: «Они хотят получить план цеха «Ц» нефтеперегонного завода имени Ньико Лопеса или информацию о нем. Я должен вручить им это до девяти часов утра завтра. Они угрожают смертью моему сыну, если не подчинюсь. Ожидаю указаний».

— Ну как? — спросил Густаво и, не ожидая ответа, воскликнул: — Ишь чего захотели!

— Что мы будем делать? — спросил Рамиро.

— Нам нужно как можно скорее связаться с Гаваной. Там скажут, что нам делать.

— Послушай, Франк, как Альберто удалось передать записку?

— Я расскажу потом, а сейчас поторопись — нас ждет большая работа. Давай трогай быстрее, пока никого нет.

Автомобиль слегка принял вправо и занял место в длинной веренице машин, сжавших из центра города.

К семи часам вечера Густаво закончил детальный отчет и отправил его в УГБ по прямой линии связи.

Через несколько минут из Гаваны сообщили, чтобы он

ожидал указаний. Густаво знал, что получит указания не позже восьми часов утра следующего дня, поскольку это был крайний срок, позволявший ему что-то сделать до встречи Альберто с агентами ЦРУ. Альберто тоже ждет, он надеется на их помощь. Если Гавана запоздает, Альберто придется самостоятельно принимать решение. А это поставит под угрозу его семью. Какое это будет решение, Густаво знал заранее, потому что был знаком с Альберто уже много лет.

Теперь известно место, где враг наметил нанести удар. Но если этот план врага провалится, то угроза все равно останется, а ЦРУ будет предупреждено. Так что, все зависело от ответа из Гаваны.

Густаво снял очки. От усталости у него побаливали глаза. Он принял стимулирующие таблетки и пошел в ванную.

Несколько минут спустя вошел Рамиро — он принес лимонад и бутерброды. Пока Густаво ел, Рамиро без конца расспрашивал его о Кубе.

В восемь часов вечера прибыл Карлос.

— Я тебя искал повсюду, а ты...

В одиннадцать Рамиро принес сигареты и термос с кофе.

— Это ты хорошо придумал, Рамиро!

К часу ночи в пепельнице лежало двадцать четыре окурка, а разговор не кончался.

— ...в последнем письме он пишет, что его избрали образцовым учеником в школе и что он думает...

После двух часов ночи их стало клонить ко сну. Первым повалился на диван Рамиро.

— Ну что ж, друзья... сосну-ка я чуток.

В три тридцать разговор иссяк, а глаза все больше краснели.

— Смотри не засни!

— Нет-нет, что ты!

В четыре тридцать сигаретный дым уже рассеялся.

— Посмотри, не осталось ли сигарет в той пачке.

— Нет, я недавно выкурил последнюю.

В пять тридцать стало казаться, что ответа не будет никогда.

— Густаво!

— Что?

— Ничего...

В шесть утра три пары глаз впились в бумаги, которые Густаво держал в руках.

— Великолепно! — сказал Густаво и, сложив бумаги, спросил: — Который час?

Рамиро посмотрел на часы:

— Шесть часов одна минута.

— Хорошо. Иди разогрей машину. Мы немедленно отправляемся.

Четверг, 21 марта

Красный «фиаат», на котором ехали Рамиро и Густаво, остановился за два квартала до мастерской. Убедившись, что вокруг нет ничего подозрительного, Густаво вышел из машины.

Холод проникал всюду. Густаво был в свитере и пальто, но все равно продрог и поднял воротник.

— Подожди меня кварталом дальше, — сказал он Рамиро и отправился к мастерской.

Это была заправочная станция с ремонтной мастерской, подъемником для смазки машин и стоянкой, где находилось большое количество машин.

«Там должен стоять «додж» Альберто», — подумал лейтенант, проходя перед зданием.

Заглянув внутрь, он заметил осложняющее обстоятельство. Он рассчитывал, что дежурный служащий будет заниматься выдачей бензина, а мастерская и стоянка будут в какой-то степени под меньшим наблюдением. Но в конторке горел свет, и человек в пуловере возился около стеллажей с запасными частями.

«Вот и первая неожиданность», — подумал Густаво.

Уже почти совсем рассвело. Нужно было действовать быстро. Если пришел механик, то остальные тоже не задержатся, и тогда уже ничего нельзя будет сделать.

Ноги пронесли его к углу квартала, где находилась маленькая кондитерская. Там он повернул направо. Еще вчера он обратил внимание на этот пустырь, расположенный по другую сторону кондитерской. В глубине пустыря высокая стена. Стена стоянки.

Густаво сошел с тротуара и пересек пустырь там, где земля была вытоптана больше, чем в других местах.

«Этой тропкой пользуются для сокращения пути те, кто живет за кондитерской, — догадался он. — Если это так, то мое присутствие здесь не выглядит странным».

Подойдя к стене, Густаво остановился, сделав вид, будто завязывает шнурок ботинка, и быстро осмотрелся. Момент был подходящим. Не раздумывая больше, он ловко подпрыгнул и уцепился за верхнюю часть стены. Высунув голову, он убедился, что из окон конторки его не увидят — этому препятствовал выступ в стене. Значит, можно перелезть, не будучи замеченным. Так он и сделал. Тренированным движением перебросив свое тело через стену, он мягко опустился на землю. Укрывшись за одним из автомобилей, подождал.

Не прошло и нескольких секунд, как он услышал шум — это человек в пуловере что-то делал между стеллажами. Значит, его не услышат. Пригнувшись, Густаво двинулся между автомобилями, пытаясь найти тот, что принадлежал Альберто. Но его не было, по крайней мере, поблизости. Еще несколько автомобилей стояли подальше. Однако, чтобы добраться туда, нужно было пересечь полосу в полтора метра, которая легко просматривалась из конторки. Посмотрев на эти автомобили, он сразу увидел тот, который искал.

«Нельзя было придумать более неудачного места, — подумал Густаво. — Но выхода нет. Нужно идти».

Лейтенант крался от одного автомобиля к другому, пока не добрался до «корвета», стоявшего непосредственно перед тем местом, которое нужно было пересечь. С предельной осторожностью он высунулся, чтобы посмотреть на конторку. Механик стоял спиной к нему. Раздумывать было нельзя. Тремя длинными шагами Густаво пересек опасную полосу и спрятался за ближайшим автомобилем. Переведя дух, он стал лавировать между машинами и через несколько секунд добрался до «доджа» Альберто. Его правая дверца, к счастью, находилась вне поля зрения человека в пуловере. Густаво осторожно нажал на ручку, дверца открылась. Густаво проскользнул внутрь машины, открыл крышку вещевого ящика, вынул из кармана пальто бумаги и положил их внутрь. Прежде чем закрыть вещевой ящик, он слегка вытянул немного листок бумаги и прижал его пальцем к панели. Когда крышка закрылась, из щели примерно на сантиметр торчал бумажный уголок.

«Этого будет достаточно для Альберто, — подумал Густаво. — Если он запомнил то, что я сказал ему по телефону, когда выдавал себя за механика, он сразу догадается».

Густаво вылез из автомобиля и закрыл дверцу. Уже собираясь покинуть стоянку, он услышал шум мотора. Машина остановилась у входа на стоянку. Вслед за этим послышались тяжелые шаги — человек шел по направлению к конторке. Машина, на которой он приехал, сразу ушла.

Густаво осторожно высунулся между автомобилями. Высокий, физически крепкий человек с лицом боксера разговаривал с механиком в конторке. «Пора уходить, сейчас они меня не заметят», — сообразил Густаво. Одним прыжком он миновал открытое пространство, но не ушел, а спрятался между двумя близко стоящими машинами.

В этот момент гигант указал на «додж» Альберто, за которым только что укрывался лейтенант. Если бы Густаво задержался хоть на мгновение, то неминуемо был обнаружен механиком и этим верзилой с лицом боксера. И это означало бы провал.

«Этот человек из ЦРУ», — определил Густаво и едва успел пригнуться — ему показалось, что человек с лицом боксера указал на то место, где стоял он.

«Надо быстро убираться отсюда», — подумал Густаво. Стараясь как можно меньше шуметь, он стал пробираться между автомобилями. Приближающиеся шаги заставили его остановиться.

«Если они меня увидели, то дело плохо», — сказал он себе.

Однако шаги повернули к «доджу».

Двое остановились около машины, в шести или семи метрах от Густаво.

— Да, ремонт закончен, — сказал механик. Об этом говорит наклейка на ветровом стекле. Я не был в этом уверен, потому что моя смена утренняя, а эта машина находилась в работе вчера вечером.

— А ты уверен, что здесь никто не крутился? — резко спросил гигант.

— Нет, сеньор, нет, уверяю вас. В эту часть мастерской никому не разрешается заходить, поскольку здесь стоят машины, ремонт которых закончен, и лишь владельцы имеют право дотронуться до них первыми. Вы ведь хозяин?

— Нет, я его приятель. Но мне хотелось проверить. На, ты заработал эту бумажку.

— Спасибо, сеньор, большое спасибо.

Густаво увидел, что гигант вышел на улицу, а человек в пуловере, спрятав деньги в карман, вернулся в конторку.

«Теперь я могу идти», — подумал Густаво, но едва он добрался до стены, как еще один человек подошел к воротам стоянки.

«Если я прокопаюсь еще, то здесь станет многолюднее, чем в Центральном парке». И Густаво, вновь ловко подпрыгнув, прежним путем вернулся на улицу. Кругом по-прежнему было безлюдно, и Густаво направился по улице. Вдруг он заметил, что какая-то старушка внимательно наблюдает за ним с противоположного тротуара. Женщина все видела и теперь с удивлением смотрела на него. Ей, видимо, показалось странным, что молодой элегантный человек перелез через стену. Поравнявшись, Густаво счел нужным пояснить:

— Ну надо же, каждый день забываю ключ!

Старушка пожала плечами. Она не поняла того, что молодой человек сказал ей.

— Ах эта современная молодежь! — воскликнула она. Хотя это было сказано не на его родном языке, Густаво прекрасно понял ее и не смог сдержать улыбки.

«Все, что зависело от меня, исполнено. Теперь дело за Альберто...»

Рамиро в машине ждал его. Рядом с его «фиатом» стоял синий «форд», в котором сидели четверо, и среди них гигант с лицом боксера.

«Вот здорово, — подумал Густаво, проходя мимо этих людей. — Такая большая улица, и не нашли другого места. Надо же — стали рядом».

Лейтенант подошел к красному маленькому автомобилю, открыл дверцу.

— Трогай помаленьку, Рамиро! Теперь нам не нужно никуда торопиться.

Густаво молча смотрел через окно на просыпавшийся город.

— А этот синий автомобиль, что стал сзади меня?.. — внезапно спросил Рамиро, не сумев побороть любопытство и тревогу.

— Да, это были они.

— И что же?

Лейтенант повернулся к нему и улыбнулся:

— Не беспокойся, они снова опоздали...

«Вон эти типы, в синем «форде», — догадался Альберто, увидав машину, стоявшую поодаль.

Кубинец шел в направлении мастерской, чтобы забрать свой «додж», который, по словам Франка, был готов.

«Если Франк заговорил со мной по телефону о машине, то, видимо, он преследовал две цели. Одна — замаскироваться, а вторая — указать возможное место связи», — решил он.

Но теперь, когда он увидел пассажиров «форда», его охватила тревога.

«Вдруг Франку не удастся передать мне инструкции...» — думал Альберто, входя в мастерскую. Человек в пуловере подошел к нему.

— Сеньор Альварес, ваша машина уже готова.

— Очень хорошо, — сказал кубинец. — Скажите, сколько я должен.

— Вот счет. — Механик подал бумажку. — Ее закончили вчера вечером.

Он вручил механику деньги и затем, будто вспомнив о чем-то, спросил:

— Никто не интересовался моей машиной?

— Нет-нет, никто, — солгал человек в пуловере. — Никто. А что?

— Да нет, просто так. — Альберто направился к своей машине.

«Если Франк не был здесь, мне надо принять решение и... Я не хочу даже и думать об этом. Как странно, что здесь никого не было. Вчера Франк упомянул о вещевом ящике в салоне. Мне показалось, что он хотел тем самым что-то сказать, ведь вещевой ящик был в порядке».

Альберто подошел к «доджу» и, открыв дверцу, сел в него. Он бросил взгляд на вещевой ящик, и этого было достаточно. Маленькая полоска бумаги, едва видневшаяся из-за крышки, все сказала. Франк был здесь.

Альберто надавил на кнопку замка и открыл крышку. Внутри лежало несколько сложенных пополам бумажек. Он вытащил их и положил на сиденье таким образом, чтобы их не было видно снаружи. На первом листе было написано:

«Дай им вновь вступить в контакт с тобой. Здесь ты найдешь информацию о цехе «Ц», составленную нашими

инженерами так, чтобы ЦРУ получило лишь то, что нам нужно. Франк».

Вскоре его машина выехала через ворота мастерской на улицу и прошла рядом с синим «фордом».

Через зеркальце заднего вида кубинец заметил, что «форд» двинулся за ним.

«Мне надо успеть прочесть все это до того, как мы доберемся до условленного места», — сказал себе Альберто.

Красный свет светофора заставил его остановиться, и, пользуясь случаем, он прочитал еще кусочек информации.

«...после его окончания. При переработке сырья оборудование...»

Каждый раз, когда «додж» останавливался перед светофором или из-за пробки на улице, кубинец впивался глазами в бумагу.

«...которые, будучи насыщены углеводородом...»

И все время вслед за ним шел «форд». Агенты ЦРУ держались близко от него, боясь потерять из виду.

«Минут через пять мы будем на месте. Осталось совсем немного...»

Теперь шла информация о другом, менее важном цехе «Ф»: «...на разных этапах, один из которых состоит в дистиллировании фракций, для чего необходимо...»

Синяя машина не отставала. Рубио был большой специалист по этой части.

— Кажется, он едет туда, куда мы его послали, шеф, — заметил человек с морщинистым лицом.

— Тем лучше для него. И для нас, — ответил франт.

Прибыв на указанное место, Альберто остановил автомобиль и бросил последний взгляд на бумаги.

«...Все это делает данную установку самой подходящей для переработки советской нефти с кавказских месторождений...»

Он спрятал бумаги под сиденье, открыл дверцу и вышел из машины. «Форд» остановился повади, и гигант знаком подозвал его.

Альберто подошел к автомобилю, ему открыли заднюю дверцу, и он сел.

— Ты точен, парень, — поспешил сказать гигант, посмотрев на часы.

— Точен, — подтвердил франт и сказал: — Поехали, Рубио. Ты знаешь, куда.

«Пока все в порядке, — думал Альберто. — Если наши

товарищи будут действовать как всегда, то мы переиграем врага. Если еще Франк сможет сделать что-нибудь для маленького Альберто...»

Мужчина расположился рядом с девушкой, сидевшей у стойки кафетерия. Прежде чем официант подошел к нему, он повернулся к ней и спросил:

— Как сегодня сэндвичи? Вчера они были не совсем свежими, и сегодня я что-то побаиваюсь брать их.

Девушка посмотрела на незнакомца. Его манеры и иностранный акцент показались ей приятными.

— Нет, они не плохи, — ответила она. — Кроме того, я порекомендовала бы вам ванильное мороженое.

— Раз вы так говорите, я обязательно закажу его. У вас, должно быть, хороший вкус.

Девушка кокетливо улыбнулась ему.

Когда мужчине подали заказ, он вновь обратился к ней.

— Ты права, — сказал он ей уже на «ты». — Если бы я слушался тебя во всем, то у меня не было бы никаких проблем в жизни.

Девушка в ответ ограничилась улыбкой. Несколько минут они молчали. Закончив есть, она повернулась к мужчине и сказала почти дружеским тоном:

— Мне надо вернуться на работу. Я забежала сюда перекусить.

— А где ты работаешь? — спросил он. — Может статься, что в час ужина я буду страдать от одиночества...

— Здесь, напротив, — охотно ответила молодая медсестра, надевая пальто на белый халат. — В ортопедической больнице.

— Ну тогда наверняка сегодня вечером я буду страдать от одиночества, — сказал мужчина.

Девушка сделала несколько шагов, а потом, будто вспомнив что-то, повернулась к нему и вновь улыбнулась.

— До свидания, — мило попрощалась она.

— До свидания, — ответил Густаво.

Сэндвичи были совсем не плохи.

Кубинское солнце жарило вовсю, когда Велосо подходил к зданию. При входе он отдал честь дежурному.

Сегодня его вызвали к начальству. Но капитан был спокоен — работа шла успешно.

Капитан остановился перед дверью и постучал.

— Войдите, — раздался голос.

Велосо открыл дверь и вошел в кабинет.

— Я ждал вас, — сказал человек, сидевший за столом.

— Да, майор, — сказал Велосо. — Мы только что получили сообщение от Франка. Оно здесь.

Майор взял бумагу и стал внимательно и не торопясь читать.

Велосо подошел к окну. Прекрасный сад окружал здание. А дальше, на бейсбольном поле, группа сотрудников проводила тренировку. А еще дальше тянулись улицы, по которым проносились автобусы, машины, спешили пешеходы, там был город... Город жил обычной жизнью, и чтобы эта жизнь продолжалась, чтобы враг не смог нанести удар, неустанно трудятся на своем посту он и его товарищи. Работа эта опасная. Велосо вспомнил Франка, Альберто. Им сейчас нелегко...

— Велосо, — обратился к нему начальник, закончив чтение.

— Слушаю, — ответил капитан, подходя к столу.

— Что вы думаете по этому поводу? Что мы должны предпринять?

Велосо на несколько секунд задумался и затем, решившись, сказал:

— Наше преимущество состоит в том, что мы знаем планы врага или, по крайней мере, его намерения. Мы уже дезинформировали их. Мы знаем, что они попытаются провести диверсию на заводе имени Ньико Лопеса. Я думаю, что нам надо подготовиться к этому, но не брать на себя инициативу. Если кроме обычных мер безопасности мы примем еще и специальные меры, то попытка врага причинить ущерб не удастся. Наша задача — поставить надежный заслон. Поэтому я предлагаю вести дело так, чтобы мы могли захватить сразу всю группу. Короче говоря, надо подождать, пока они не начнут действовать, чтобы затем начать действовать самим.

— Хорошо, — согласился майор. — Я поручаю тебе руководить этой операцией. Постоянно держи меня в курсе. Прежде чем принимать решение по наиболее важным вопросам, постарайся связаться со мной. Если это будет невозможно, действуй по своему усмотрению.

...Когда капитан вышел на улицу, солнце поднялось еще выше. Было очень жарко.

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

Пятница, 22 марта

12 часов 10 минут утра

В кабинете капитана Антонио Велосо все выдавало напряжение ожидания. Лейтенант Хасинто Наполеон Бланко, сидя в кресле, безуспешно старался вспомнить, сколько рассветов они с Велосо встретили здесь, в этом самом кабинете, пытаясь побороть сон затяжками сигары. Их было немало.

— Капитан!

Велосо перестал крутить пальцами сигару, поднял глаза и, не поворачивая головы, сказал:

— Слушаю.

— Вы думаете, что...

Звонок телефона прервал вопрос.

Велосо рывком ваял трубку.

— Слушаю.

— Капитан Велосо?

— Да. Говорите.

— Это Фундора из отдела дешифровки. Мы перехватили новую подпольную передачу. Шифровка целиком у нас.

Капитан сильнее прижал трубку к уху.

— Вы расшифровали ее?

— Пока еще нет, этим мы как раз и заняты.

— Хорошо, Фундора. Как только кончите, немедленно доставьте ее мне.

Велосо положил трубку и повернулся к лейтенанту Бланко, который с нетерпением глядел на него.

— Шифровка? — спросил он.

— Да. Наш аппарат уже колдует над ней. Я уверен, что она имеет связь с заводом.

— Почему?

— У меня нет веских оснований, лишь некоторые детали. Обрати внимание. Они готовят крупный удар и, следовательно, не хотят крупного риска. Тот факт, что послание перехвачено на ранее не использовавшейся частоте, свидетельствует, что это — мера предосторожности. Возможно, они применили новый шифр. Кроме того, у

них было достаточно времени, чтобы изучить данные, которые передал им Альберто, и начать осуществление своего плана.— Велосо развел руками покачал головой: — Но, разумеется, это всего лишь только предположение.

Губы лейтенанта Бланко растянулись в улыбке.

— Совсем недурственное предположение,— сказал он и спросил: — А не сказал Фундора, долго ли нам ждать?

Велосо отрицательно покачал головой.

Бланко взял в рот сигарету.

— Нет,— сказал наконец капитан.— Ты ведь знаешь, что дешифровка обычно делается быстро. Но Фундора ничего не сказал мне об этом. Нам остается только ждать.

3 часа 40 минут утра

Лейтенант Бланко устал бороться с дремотой, глаза его слипались. Велосо кашлянул и улыбнулся, увидев, как вздрогнул его товарищ.

— Что с тобой? Смотри не засни.

Бланко открыл глаза и, показав на внутренний телефон, попросил:

— Капитан, не позвоните ли вы Пепе, чтобы нам принесли немного кофе? Он, должно быть, уже пришел.

Капитан поднял трубку:

— Будьте добры, соедините меня с кухней...

— Разрешите? — Круглая седая голова Фундоры появилась в двери, в руке он держал бумагу.

Капитан, сев за стол, прочел ее вслух:

— «Гости придут сегодня ночью через четыре часа после ночного дозора, если бризы будут в порядке».

Капитан помолчал, потом прочел еще раз:

— «Гости придут сегодня ночью через четыре часа после ночного дозора, если бризы будут в порядке». — И решил: — Здесь ошибка. Нужно «бриз», а написано «бризы».

Фундора поторопился объяснить:

— Нет, капитан. Буква «ы» соответствует одной из цифр шифровки, поэтому мы и задержались. Когда обнаружили ошибку, стали проверять, не наша ли. Оказалось, что все было сделано правильно. Таким образом, или это «ы» что-то значит, или это их ошибка, а не наша.

— «Бризы». Это странно! Давайте проанализируем шифровку по частям,— предложил капитан. «Гости» —

это должно быть те, кого забрасывают. «Прибудут» — значит «высадятся», не так ли?

— Наверное, так, — согласился Фундора.

— Хорошо. Время высадки — «сегодня ночью через четыре часа после ночного дозора». Они, должно быть, имеют в виду наш дозор. Но в каком месте?

— Тут ничего не говорится о месте, — сказал Бланко. — Единственное, что остается, — это «если бризы будут в порядке».

— Возможно, эта часть и указывает на место. Подумайте об этом.

— Этим я и занят, — сказал лейтенант.

— Капитан!

— Говорите, Фундора.

— Вы меня извините, но я кое в чем не согласен с вами.

— Конкретно?

— Это по поводу дозора. Для того чтобы за границей для определения момента высадки приняли за точку отсчета дозор, нужно, чтобы его время было известно и там, и их агентам на Кубе.

— Правильно, — согласился Велосо. — Ну и что?

— А как же они могут взять за точку отсчета время дозора, если наши пограничники имеют приказ постоянно менять его? Никогда дозоры не проводятся в одно и то же время.

— Ты прав, Фундора, — согласился Велосо. — Что же тогда означает «сегодня ночью после ночного дозора»? Какой дозор был, есть или будет этой ночью?

— Не знаю, — ответил Фундора. — И тем не менее мне все кажется, будто я должен это знать, — он провел рукой по лбу, — но никак не могу вспомнить.

— Постарайся вспомнить, — сказал ему Велосо и повернулся к лейтенанту Бланко.

— А что ты думаешь о бризах? — спросил он его.

— Я думаю, что, возможно, здесь говорится о таком пункте на нашем побережье, где по ночам не бывает сильных бризов.

— А где такое место может быть? Тебе известно какое-нибудь?

— Возможно, но сейчас мне ничего не приходит в голову...

— Давай подумаем, — сказал Велосо. — Вспоминай все

наши пляжи. Подумай о провинции Гавана и Пинар-дель-Рио, о тех, что расположены не очень далеко.

— Нужна карта, — заявил Бланко. — Я сейчас помню только самые ближайшие: Санта-Мария, Мегано, Бока-Сьега, Гуанабо, Морские Бризы.

— Что?! — воскликнули они оба.

— Морские Бризы! — громко повторил Бланко. Так вот что значат последние слова «если бризы будут в порядке»! Это значит: если охрана в Морских Бризах будет слабой... Как ты думаешь, Фундора?

— О чем вы говорите, капитан? — спросил тот. — Я думал сейчас о дозоре.

— И к какому выводу пришел?

— Мой вывод: я что-то забыл и никак не могу вспомнить.

— А мы уже нашли место, — ответил Велосо и повернулся к Бланко: — Побыстрей свяжись с пограничниками и дай мне знать, когда они выйдут на связь.

Лейтенант Бланко направился к маленькому стенному шкафу в правом углу кабинета, открыл его и включил расположенную там радиостанцию.

Велосо снова посмотрел на текст послания, поднял глаза на Фундору и сказал, будто сам себя спрашивая:

— О каком же дозоре здесь идет речь? Это должно быть...

— Капитан! — прервал его Фундора. — Думаю, что нашел ответ.

— ...погранслужба... Что? Слушаю, слушаю.

— Здесь наверняка имеется в виду песня «Ночной дозор».

— Что? Что?

— С нее начинается шифровка.

Велосо внимательно посмотрел на Фундору и, указав на него пальцем, спросил:

— Ты хочешь сказать, что передача шифровки началась с песни «Ночной дозор»?

— Да. И прежде чем вы меня спросите об этом, скажу, что мы приняли передачу в двадцать три часа пятьдесят девять минут.

Велосо вышел из-за стола.

— Это значит, что высадка будет произведена в четыре часа утра, — сказал он и, повернувшись к лейтенанту Фундоре, спросил: — Который час?

— Четыре часа десять минут.

Велосо с досадой стукнул по столу.

— Пограничники на связи, капитан!

Велосо взял в руки микрофон:

— Это капитан Велосо. Кто говорит? Прием!

— Лейтенант Веласкес. Прием!

— Послушай, Веласкес, отправляйся немедленно в Морские Бризы. Десять минут назад там произведена высадка. Как понял? Прием.

— Вас понял, Велосо. Назовите точное место. Прием...

— Я не знаю. Поторопись. Мы вскоре там увидимся. Договорились? Прием.

— Хорошо, Велосо.

— Пошли, Бланко! — сказал капитан. — Ты нам здорово помог, Фундора. Может быть, мы еще успеем.

Кабинет опустел. На столе остались забытые чашки с кофе.

— Сюда, — показал капитан Велосо, когда машина выехала на улицу, ведущую к поселку Морские Бризы. Бланко сбавил скорость и повернул налево. Когда они подъехали к живописной арке, которая служила въездом в поселок, им навстречу вышел человек в оливково-зеленой форме.

Лейтенант Бланко остановил машину.

— Здравствуйте, — сказал он.

Боец подошел к «опелю» и стал по стойке «смирно».

— Капитан Велосо? — спросил он, поглядев на знаки различия офицера.

— Да.

— Мне приказано встретить вас и провести к месту, где была произведена высадка.

— Очень хорошо, — сказал капитан. — Садитесь.

Бланко нажал на педаль акселератора, и «опель» быстро помчался к указанному месту. Люди, стоявшие на берегу, наблюдали, как приближался свет фар.

— Это машина Велосо, — сказал офицер-пограничник Веласкес.

Бланко, Велосо и пограничник вышли из автомобиля и подошли к ним. Вокруг мелькали огоньки фонариков. Около двадцати бойцов-пограничников рассыпались по берегу, тщательно осматривая каждый метр, работали у

самой кромки воды. Еще одна группа медленно двигалась вдоль берега.

— Здравствуй! — обратился Велосо к Веласкесу, затем представил: — Это лейтенант Наполеон Бланко.

— Хосе Веласкес. Рад познакомиться, товарищ лейтенант.

Они пожали друг другу руки.

— Я вижу, ты быстро нашел место, — сказал капитан.

— Да. Это было не трудно. Здесь маленькая территория. Вот следы. Пойдем.

Веласкес показал на следы на песке и сказал:

— По следам видно, что их было четверо.

Велосо неопределенно хмыкнул.

— Обратите внимание, — продолжал Веласкес, — следы ведут к воде, а потом вновь появляются здесь. Думаю, что те, кто подошел к берегу, вернулись вместе с теми, кто прибыл сюда.

— И их было двое, — добавил Бланко. — Следовательно, это не вывод агентов, а их заброска.

— Согласен с вами, — кивнул Велосо. — Ты очень хорошо поработал, Веласкес.

— Спасибо, капитан. Правда, пока неясно, как было дальше: ушли ли они пешком или же уехали на машине? Следы в одном месте теряются.

— Дай мне фонарик, — попросил Велосо и добавил: — Подождите меня здесь. Я пройду посмотрю.

Лейтенант Бланко вынул сигареты и угостил офицера-пограничника.

— Вы уже давно здесь? — спросил Бланко.

— Почти час. Но мы прибыли слишком поздно. Две наши группы обшарили все побережье и ничего не нашли. Еще одна группа прочесала улицы и окрестности поселка и также безрезультатно.

Лейтенант Бланко загасил сигарету и бросил ее во влажный от росы песок.

— Нам нужно действовать быстро, Веласкес, — сказал Бланко, положив руку на плечо товарища. — Если бы у нас было побольше информации, если бы хоть кто-то видел или слышал что-нибудь... В этом поселке нет никаких сторожей?

— Сторожей?.. Да ведь здесь нет никаких предприятий, заведений... Одну минуточку! Сторож...

— Бланко! Веласкес! — допелся до них голос капитана. — Подойдите сюда! — Указывая на следы автомобиля, четко отпечатавшиеся на том месте, где дорога сворачивала к поселку, капитан Велосо сказал: — Нужно вызвать экспертов.

Бланко наклонился.

— Это наша первая ниточка, — сказал он.

— Проходила ли здесь машина? Нет, не было никакой машины, — заявил старик сторож. — В этом поселке по ночам выходят только крабы.

— Вы уверены, что не слышали, как проезжала машина? — настаивал капитан Велосо.

— Нет, товарищ. Я в этом совершенно уверен, и разрази меня гром — я ничего не могу сказать другого, потому что единственная машина, которая проехала сегодня ночью, была машина доктора. Больше не было никакой. Я в этом уверен.

— Доктора? — быстро переспросил Велосо.

— Доктора, который живет в поселке, — пояснил сторож. — Здесь его все знают. Даже я, хотя работаю тут всего два месяца, знаю его.

— А почему вы решили, что это была машина доктора? — спросил лейтенант Бланко.

— Да потому, товарищ, что я ее видел через эту щель. — Сторож показал на узкое вертикальное отверстие в неплотно закрытом окне.

Капитан Велосо, лейтенант Бланко и офицер-пограничник находились в маленькой будочке сторожа, охранявшего нефтяную скважину на краю поселка. Изучив местность, лейтенант Веласкес пришел к выводу, что этот старик мог быть свидетелем ночных событий, и они направились к нему.

— И вы отсюда смогли различить автомобиль доктора? — спросил капитан.

— Чтобы узнать доктора в лицо, тут, конечно, нужны глаза рыси. Но, как вы сами можете убедиться, — он показал в сторону окна, — там, где проезжают машины, стоит столб с фонарем, и я увидел проходящую машину.

— Почему вы так уверены, что это была именно машина врача? — настойчиво спросил Велосо.

— Видите ли, товарищ, если я вижу большую черную машину, то у меня нет сомнений, что это машина доктора. — Сторож пожал плечами. — Здесь ни у кого больше нет такой машины.

— Хорошо, — сказал Велосо. — Вы не видели никакой другой машины?

— Видеть, можно сказать, не видел, но слышал. И это опять была машина доктора.

Велосо вопросительно посмотрел на лейтенанта Бланко. Затем он снова повернулся к старику:

— А откуда вы знаете, что это была машина доктора?

— Это очень просто, товарищ. Я знаю, как работает ее мотор. Когда он выезжал на шоссе, до меня донеслось «ж-ж-ж-ж-ж» — такой звук только у его машины, — объяснил старик и добавил убедительно: — Здесь трудно ошибиться.

Велосо снова посмотрел на Бланко, и тот задал сторожу еще один вопрос:

— Вы знаете, где живет врач?

Лейтенант Веласкес ответил прежде, чем старик открыл рот:

— Я сам знаю. Это доктор Мартинес. Он живет близко отсюда.

— Хорошо, — сказал капитан, обращаясь к сторожу. — Большое спасибо, товарищ.

— Не за что. Я целиком к вашим услугам. Это же мой долг...

Офицеры распрощались со сторожем, сели в машину и, следуя указаниям Веласкеса, поехали к дому врача. «Опель» пересек несколько темных улиц и через минуту остановился у одного из домов.

— Пошли, — приказал Велосо, и они втроем направились по мокрой от росы траве к дверям дома.

Капитан Велосо постучал. Молчание. Стрекотание кузнечиков и цикад и все другие ночные шумы как будто усилились в этот момент.

— Вроде бы здесь никого нет, — высказал предположение лейтенант Бланко.

— Давай еще попробуем, — сказал Велосо и снова постучал.

— Здесь нет никого, — сказал Веласкес. — И это странно.

Все трое посмотрели друг на друга.

— Иду! — прозвучал в этот момент сонный голос из-путьи дома. — Одпу минутку. Я сейчас.

Значит, не только кузнечики обитали в этом месте.

Когда Бланко открыл дверь кабинета, Велосо стоял у окна с чашкой кофе в руке. Он указал лейтенанту на другую чашку:

— Возьми кофе... Что говорят эксперты?

— Как только получат результат, немедленно сообщат.

Выпив кофе, они разместились на привычных местах, один закурил сигару, другой, как всегда, сигарету.

— Давай проанализируем ситуацию и сопоставим мнения, — начал капитан.

Бланко вытащил записную книжку и надел очки.

Велосо продолжал:

— По сообщению, полученному от Густаво из-за границы, мы уже знаем, что они намерены организовать диверсию на нефтеперегонном заводе имени Ньико Лопеса, но нам неизвестен день, когда они собираются сделать это. Вот последняя информация от Густаво... — Он глянул в записную книжку. — В одной из бесед между Альберто Альваресом и агентами ЦРУ ему сообщили, что после вторника он может вернуться к нормальной жизни и заняться своим сыном.

— Это означает, что, если сегодня, в пятницу, состоялась заброска агентов, операция может быть проведена в субботу, воскресенье или понедельник, — предположил лейтенант.

— Именно так, — согласился капитан. — Как ты считаешь, в каком месте они попытаются пропикнуть на завод?

Бланко стал размышлять вслух:

— Охрану на заводе мы усилили. Так что тут им вряд ли удастся найти лазейку. С моря они уже пытались это сделать и провалились. Не думаю, чтобы они снова воспользовались этим способом. Нам не хватает данных, чтобы сделать правильный вывод и перекрыть врагу все пути.

Велосо кивнул:

— Ты прав. Не зная способа, который они избрали, мы не сможем поставить надежный заслон. И как бы мы ни усиливали охрану...

Стук в дверь прервал его.

Вошел лейтенант Ариоса из отдела экспертизы.

— Здравствуй, Ариоса, как дела? Готов результат экспертизы? — спросил Бланко.

— Да.

Хосе Ариоса поставил чемоданчик на стол и вытащил из него картонную коробку, бумаги и несколько фотографий. Раскладывая все это на столе, он объяснял:

— Поскольку поверхность улицы была покрыта тонким слоем песка, нужно было закрепить следы с помощью специального лака, чтобы иметь возможность сделать гипсовый оттиск.

— Сумели сделать фотографии? — спросил Велосо.

— Да. Вот они. Эти были сделаны до применения лака. Вот эти потом. А это... это, видимо, вас больше всего интересует.

Бланко и Велосо переглянулись. На фотографии была отчетливо видна щербинка на покрышке, оставившей след.

— Не исключено, что есть много автомобилей с такой же щербинкой на покрышке, — сказал эксперт. — Но не может быть много «кадиллаков» с такой щербинкой на покрышке левого заднего колеса.

— Так это «кадиллак»?

— Да, — подтвердил Ариоса. — Об этом говорит ширина следа.

— Великолепно! — воскликнул Бланко.

— Черный «кадиллак», — сказал Велосо, делая пометку в записной книжке.

Глаза эксперта сощурились.

— Черный «кадиллак»? — спросил он.

— Не беспокойся, мы не составим тебе конкуренцию, — пошутил Бланко и пояснил: — Дело в том, что сторож, дежуривший в ночь высадки, видел, как проехал черный автомобиль, и подумал, что это машина врача, живущего там. Мы побывали у врача дома. Доктор Мартинес, хирург из военного госпиталя, провел нас в гараж. Там мы увидели его автомобиль — черный «крайслер-империал», который стоял на подставках. Мотор его полностью разобран — доктор собирался заняться ремонтом.

— По словам сторожа, в ту ночь не проезжала никакая другая машина, — добавил капитан Велосо. — Из этого следует, что черная машина, которую он видел, —

«кадиллак», прибывший, чтобы забрать высадившихся агентов.

— Ну и тогда? — спросил Ариоса.

— Отправляйся в лабораторию, пусть сделают несколько копий этой фотографии. И никуда не отлучайся.

Бланко снял очки, положил их в карман гимнастерки и посмотрел на Велосо, как бы ожидая приказа.

Капитан взял записную книжку, посмотрел на часы и сказал:

— Сейчас уже девятый час. Нам нужно наверстывать время, Бланко. Отправляйся в отдел к Фундоре и попроси его, если будет перехвачена еще какая-нибудь шифровка, чтобы он немедленно сообщил нам об этом. Потом зайди в фотолабораторию, заberi фотографии и отнеси их Альфоносо. Понятно?

— Понятно, капитан.

— Я пойду к начальству. Через час мы встретимся у машины.

— Хорошо, — сказал Бланко и вышел.

Велосо подошел к телефону и набрал номер.

— Слушаю, — сказали на другом конце провода.

— Альфоносо?

— Да.

— Говорит Велосо. Сейчас к тебе придет Бланко с фотографиями следов. Это следы заднего левого колеса «кадиллака» черного цвета. Нужно немедленно распространить их. Если будет обнаружена эта машина, сразу же сообщите.

«Опель» остановился у светофора на пересечении Виа-Бланка и Авенида Ротариа в Гуанабакоа. Капитан Велосо и лейтенант Бланко, сидевшие в автомобиле, обсуждали предстоящее совещание на заводе.

— ...Если об этом узнают рабочие, они могут заволноваться. Кроме того, — продолжал Велосо, — главный вопрос — усиление постов.

Бланко, сидевший за рулем, кивнул головой и повернулся к капитану.

— А где мы разместим командный пункт на заводе? — спросил он. — Дали зеленый свет, Бланко надавил на педаль акселератора и сам ответил на вопрос: — Я думаю, что лучше всего на пожарной станции, потому что она имеет связь со всеми отделениями завода.

— Хорошо,— сказал Велосо и предупредил: — Мы должны быть в зелено-оливковой форме, чтобы рабочие принимали нас за пожарных.

— Ну и дела! — воскликнул Бланко и улыбнулся. — Чтобы не привлекать внимания, нам нужно быть одетыми в форму.

Когда они вышли из здания, где был расположен личный состав охраны завода, и сели в машину, Бланко спросил:

— Куда едем, капитан?

— В отдел патрулирования.

Мотор «опеля» зарычал, и через несколько секунд завод остался позади.

— Я думаю, что все основное мы проделали, не правда ли? — сказал лейтенант.

— Да,— ответил Велосо и затем, как бы вспомнив, спросил: — Я тебе уже говорил о пограничниках?

— Нет,— ответил Бланко.

— Нужно позвонить Веласкесу, чтобы он усилил охрану всего побережья провинции. Скорее всего, он сам отдал такой приказ, но мы должны убедиться в этом. Займешься этим вопросом. Весьма возможно, что после проведения диверсии контрреволюционеры планируют выезд за границу; и в таком случае нужно перекрыть им дорогу.

Внезапно по радиотелефону послышался металлический голос:

— «Хота-один». «Хота-один». Говорит отдел патрулирования. Прием.

Велосо взял трубку:

— Отдел патрулирования. Говорит «Хота-один». Я уже еду, скоро будем. Прием.

— Хорошо, «Хота-один». Вас понял,— ответил голос.

Несколько минут спустя автомобиль остановился, и капитан вышел из него.

— Пойду посмотрю, как идут поиски «кадиллака»,— сказал он Бланко через окошко. — Отправляйся в отдел, узнай, нет ли для меня чего нового, и жди меня.

— До встречи,— ответил Бланко и поехал.

В отделе патрулирования Управления госбезопасности Велосо слушал младшего лейтенанта Рохаса, который, стоя с указкой в руке перед громадной картой, занимавшей всю стену, объяснял детали операции по розыску автомобиля контрреволюционеров.

— ...таково положение, капитан. Судя по всему, мы действовали недостаточно быстро,— подвел итог младший лейтенант.

— Не падай духом,— сказал ему Велосо.— Не исключено, что они поменяли машину или затаились где-нибудь.

— Я уже думал об этом. Поэтому мы приказали постам рассредоточиться и начать прочесывание всего района.

— Но запомни,— сказал Велосо, уже собираясь уходить,— ваша задача — только обнаружить их,— и закрыл за собою дверь.

Когда капитан Велосо вошел в свой кабинет, он увидел лейтенанта Бланко.

— Я ждал вас,— сказал Бланко. Он был возбужден. Капитан посмотрел на него с удивлением.

— Посмотрите.— Лейтенант передал ему бумагу.— Сообщение от Марио!

Велосо взял бумагу и прочитал: «От Марио Моисесу. Черпный «кадиллак» контрреволюционеров имел контакт с неблагонадежным элементом. К нему обратились с просьбой...»

Пока Велосо читал, лейтенант ходил по комнате.

— Что вы можете сказать об этой просьбе? — спросил Бланко.

Велосо ответил, не поднимая глаз от бумаги:

— Я не представляю; для чего это может быть нужно.

— Странная просьба, — высказал свое мнение лейтенант.— Но ясно одно — это связано с заводом. Обратите внимание на концовку.

— Да,— сказал Велосо, который в это время читал последние слова сообщения.

«...что в эти дни готовится что-то крупное. Контрреволюционер заедет на дом к неблагонадежному элементу сегодня вечером, чтобы забрать заказ».

Велосо сложил бумагу и задумался на несколько секунд. Затем посмотрел на Бланко и спросил:

— Что ты думаешь обо всем этом?

— Думаю, что «представление» будет сегодня ночью, — ответил лейтенант.

Квартал был тихим. Проходившая здесь улица не отличалась оживленным движением. Автомобили редко проезжали по ней и еще реже останавливались. Поэтому так заметен был красный «шевроле», стоявший в следующем квартале. На углу два молодых человека дружески спорили по поводу каких-то спортивных новостей. Это были сотрудники госбезопасности. Даже на таком расстоянии Велосо и два других сотрудника управления, сидевшие в «шевроле», легко могли наблюдать за входом в дом. Поэтому они не пропустили момент, когда какой-то человек вышел из него и направился к «пontiаку», стоявшему перед домом.

— Он едет, — передал Велосо по радиотелефону.

— Вас понял, «Хота-один», — ответил Бланко и положил трубку на место.

Они находились на расстоянии четырех кварталов от дома, там, где имелся единственный выезд из поселка. Бланко посмотрел на сотрудницу, сидевшую рядом с ним, и завел мотор «опеля».

— Постарайся определить, не «пontiак» ли это, до того, как он проедет мимо нас, — сказал он.

Огни автомобиля приближались. Девушка наклонилась и сощурила глаза.

— Да, это «пontiак», — сказала она.

Бланко надавил на педаль акселератора. «Опель» оторвался от тротуара и занял улицу до того, как «пontiак» подъехал к месту его стоянки.

Шофер «пontiака» не мог себе и представить, что за ним следят из автомобиля, идущего впереди.

— «Лось-один». «Лось-один». Говорит «Хота-один». Говорит «Хота-один». Прием.

Бланко быстро взял аппарат.

— «Хота-один», «Хота-один»... Говорит «Лось-один». Говорит «Лось-один». Прием.

— Оставь его. Сообщи, проехал ли он мимо тебя.
Прием.

Бланко ответил немного растерянно:

— Я еду перед ним. Что делать? Прием.

— Прекрати наблюдение. Что еще? Прием.

— Ничего больше. Прием.

— Хорошо. Возвращайся в Управление.

— Ну что ж, Кармен, нам приказывают возвращаться.

Заметив перекресток, Бланко убавил скорость и свернул, взяв курс к Управлению.

Было одиннадцать часов сорок четыре минуты, когда машина с тремя пассажирами проехала перед домом № 15 в поселке Бока-Сьега.

— Можно сообщить Велосо, что адрес правильный. «Понтиак» стоит перед домом, — сказал тот, кто сидел за рулем.

Суббота, 23 марта

— Представляю, как ты удивился, когда я приказал тебе прекратить наблюдение.

— Еще бы! — воскликнул Бланко. — Но я решил, что, видимо, что-то изменилось.

— Ничего. Просто мы не могли идти на риск — вдруг бы он обнаружил наблюдение? В любом случае он у нас под контролем.

— Но... — засомневался лейтенант.

— Я тебе сейчас все объясню, и ты поймешь, что это было не нужно, — продолжил капитан. — Через несколько минут после того, как я отдал тебе приказ следовать за ним, мы получили срочное сообщение от Марио, в котором говорилось, что они намерены вывезти шестерых контрреволюционеров из дома, расположенного в Бока-Сьега, куда и направлялся человек в «понтиаке».

— Ага...

— Одна из наших машин проверила адрес дома. Так что мы поступили правильно. Правда, мы потеряли возможность проверить, не заезжал ли этот человек куда-нибудь по дороге в Бока-Сьегу.

Велосо достал из книжки какую-то бумажку:

— Это полный текст сообщения, полученного от Марио. — Чтобы лучше проанализировать его, я разделил

сообщение на четыре части, которые, по-моему, являются ключевыми. Во-первых, имеется человек, работающий в типографии, которому заказали сделать несколько бланков Управления пожарной охраны. Во-вторых, есть еще один человек — механик, которого попросили сделать какой-то бачок. В-третьих, сегодня ночью будет проведено совещание. И в-четвертых, шестеро контрреволюционеров, которых попытаются вывезти из страны. Что касается последнего... Этой акции ЦРУ придает большое значение. Это видно хотя бы из того, какие усилия они прилагают, чтобы вывезти их. Надо поднять архивные документы и, я думаю, мы сможем определить, кто они такие. Уверен, что это кто-либо из руководителей контрреволюционного подполья. Значит, необходимо захватить этих людей.

Бланко снял очки и сказал:

— Я полагаю, что, поскольку нам известно их местонахождение, есть две альтернативы: одна — задержать лишь заброшенных агентов и их пособников, но тогда мы можем упустить этих шестерых; другая — пойти на риск, не брать их сейчас, позволив развивать операцию, чтобы захватить потом всех.

Ненадолго воцарилось молчание. Бланко внимательно смотрел на своего старшего товарища. Он восхищался им, старался быть похожим на него — сдержанной манерой разговора, четкостью слов и поступков.

— Наши мнения сходятся, — сказал капитан, — но я должен проконсультироваться с майором, прежде чем принять решение. Давай проанализируем другие вопросы. Бланки, например. Они могут воспользоваться ими при попытке провезти на завод какие-либо ящики или приборы, используемые пожарной охраной, с вмонтированными в них подрывными устройствами.

— Верно, — кивнул Бланко.

Велосо указал ему на записную книжку:

— Пометь себе это и отдай соответствующий приказ. Без предварительного осмотра специалистами нельзя провозить на завод никакое оборудование, пакеты или любые другие предметы, которые принадлежат Управлению пожарной охраны.

Бланко быстро записывал.

— Что дальше? — спросил капитан после того, как лейтенант кончил писать.

— Совещание сегодня вечером,— сказал Бланко.

— Да,— вспомнил Велосо.— Как нам сообщает Марио, на этом совещании будут обсуждаться детали операции. Но он не уверен, что сумеет сообщить нам информацию до его окончания. Следовательно, не остается ничего другого, как ждать. У нас имеется еще бачок.

— Да,— согласился лейтенант.— И по правде говоря, я не имею ни малейшего представления, для чего он им нужен.

— Возможно, это имеет какую-то связь с бланками.

— Возможно. Но это так же предполагает и какое-то средство транспортировки.

— Верно. Запиши это. Давай теперь на основании всего, что нам известно, прикинем, в какой день они собираются провести диверсию.

— Поскольку срочные заказы должны быть изготовлены к сегодняшней ночи, весьма вероятно, что речь идет о воскресном утре. В этот день не работает заводоуправление и часть рабочих также отдыхает. Некоторые работники охраны и пожарники уходят в увольнение.

— Ты прав. Марио тоже считает, что, возможно, это намечено на завтра. Хорошо,— сказал Велосо, поднимаясь.— Теперь пошли.

Бланко тоже встал.

— Мы встретимся в оперативном отделе,— сказал Велосо.— Передай капитану Эрреро, чтобы он был готов, если наши предложения будут приняты, немедленно приступить к осуществлению операции. Я буду там через несколько минут.

Майор, видимо, задал этот вопрос только для того, чтобы услышать еще раз ответ.

— Да,— ответил капитан,— они не смогут осуществить диверсию. Самое трудное для нас состоит в том, чтобы заставить их поверить, что их попытка удалась. Кроме того, план, который им передал Альберто Альварес,— это на самом деле план цеха «Ф». А там несколько иные условия.

— Ну что ж, начинайте,— сказал майор.

В оперативном отделе было необычно шумно. Бланко, жестикулируя руками, разговаривал по телефону. Капи-

тан Хосе Кармона, расхаживая по комнате, отдавал указания младшему лейтенанту Рохасу и офицеру из отдела патрулирования. На больших столах два чертежника, ловко манипулируя рейсшинами, обозначали цветными линиями нужные участки на плане Гаваны.

Вошел Велосо.

— Как дела? — спросил он, жестом приветствуя всех собравшихся.

— Все идет хорошо, капитан, — ответил Бланко, положив телефонную трубку.

— Ты навел справки в химическом батальоне о дымовом составе?

— Да. Состав еще нужно подготовить, и в большом количестве. На это потребуется время. Но обещали сделать к сроку. Этим вопросом занимается лейтенант Фульеда. Я предупредил его, что дым должен появиться не позже чем через два часа после того, как диверсанты покинут завод, иначе они вернутся в свои убежища. Так нам сообщил Марио.

— Давай посмотрим план операции, — сказал Велосо, — чтобы расставить контрольные посты.

— ...Ну вот и все, — сказал в заключение капитан из оперативного отдела. Младший лейтенант Рохас и его товарищ встали. Велосо и Бланко подошли к ним.

— Все в порядке? — спросил Велосо.

— Да, капитан, — ответил Рохас.

— Хорошо. Как вам уже, видимо, объяснил капитан Кармона, мы не знаем точно времени, когда они приступят к действиям. Он будет вместе с вами, а с нами — прямая связь, так что все будет в порядке.

— Понятно, — сказал Рохас. — Мы можем идти?

— Да. Только, пожалуйста, действуйте побыстрее, — попросил Велосо.

— Ты проверил связь? — спросил Кармона у Велосо.

— Да. Аппаратура уже установлена и на первом командном пункте, и на втором.

— Готово, капитан! — доложил один из инженеров, работавших вместе с чертежниками.

Велосо взял указку. На плане десятки пересекавшихся цветных линий указывали пути следования и районы.

— Смотри внимательно, Бланко, — сказал он. — Я отправлюсь отсюда, из шестого района, чтобы расставить контрольные посты. Ты выедешь с двенадцатого. Мы

встретимся с тобой на границе девятого. Здесь находится ресторан «Колинас». Там я заберу тебя.

Бланко кивнул, делая запись в книжке. Велосо повернулся к Кармоне:

— Люди, которые поедут с нами, готовы?

— Да.

— А те, что поедут с тобой?

— Тоже, — ответил капитан Кармона.

— Хорошо, — сказал Велосо и вновь указал на план. — Ты будешь находиться какое-то время здесь, а потом станешь передвигаться в зависимости от развития операции вплоть до получения приказа приступить к действиям. На связь будешь выходить под именем Леон.

— Пора... — сказал Велосо, глянув на часы. Можем начинать.

Автомобили уже стояли у подъезда с заведенными моторами.

СОКОЛ

Воскресенье, 24 марта

На рассвете

Велосо отъехал от гаража, расположенного у моста в районе Бакуранао. Он оставил на контрольном посту сотрудника с радиотелефоном, его позывной «Циклон-три».

Автомобиль выехал на Виа-Бланка и направился в сторону Гаваны. Солнце еще не взошло. Фары «бьюика», которым управлял Велосо, были зажжены.

«Это здесь», — подумал капитан и остановил машину на обочине шоссе.

К ней подошел человек, открыл дверцу и сел. Машина поехала дальше.

— Все готово, — проинформировал лейтенант Бланко, усевшись поудобнее. — Люди находятся на постах в полной готовности, дымовой состав доставлен.

— Хорошо, — сказал Велосо, глядя вперед на дорогу. — Давай еще раз проанализируем порядок действий, не упустили ли чего.

«Бьюик» шел на большой скорости по почти пустынному шоссе.

— План контрреволюционеров, — начал Велосо, — состоит из шести этапов. Первый — подготовка. Второй — проникновение на завод. Третий — действия внутри объ-

екта. Четвертый — выход с завода. Пятый — как можно быстрее бежать с места событий. Шестой — выезд за пределы страны. Кое-что нам известно из информации, которую мы получили, кое-что результат наших предположений. Теперь проанализируем наши действия. Что касается второго этапа их плана, то нам неизвестно, каким путем они собираются проникнуть на завод и каким образом предполагают обмануть охрану. Возможно, они воспользуются спецмашиной, а может быть, закамуфлируют свой автомобиль под государственный. Как бы там ни было, наша задача состоит в том, чтобы позволить им проникнуть на завод, и не просто проникнуть, а обязательно с нашего ведома, на наших глазах.

— Но мы же можем за ними следить на всем пути следования — от дома в Бока-Сьегра до завода. По всей трассе расставлены посты наблюдения. А как с патрулями?

— Машины оперотдела готовы. Люди ждут указаний.

— Следовательно, весь этап плана, связанный с подготовкой, находится под контролем, — подытожил Бланко.

— Что касается действий на заводе, то тут нам тоже многое неизвестно. Маловероятно, что они станут действовать как «командос». Скорее всего, они попытаются незаметно заложить взрывчатку.

— Нам неизвестны ни тип взрывчатки, ни то, где они ее разместят, ни число диверсантов, — сказал лейтенант.

— Мы не знаем, будут ли они действовать все вместе или разделятся на группы, — добавил капитан. — Но каждый вариант мы обсудили. Люди на заводе знают, как действовать в любом из этих случаев. Что касается выхода диверсантов с завода, то и здесь мы должны обеспечить им «зеленую улицу». Пусть они думают, что им удалось обвести нас.

— На этом этапе, — вмешался Бланко, — нужно быть особенно осторожными — действовать так, чтобы они нас не заметили, но и не упускать их из виду.

— Пока наиболее трудная ситуация складывается для нас в момент их действий на заводе. Не менее важный момент — их выезд за пределы страны. Ты связался с пограничниками?

— Да, — ответил лейтенант. — Подразделения всех трех западных провинций находятся в боевой готовности.

— Хорошо, — сказал Велосо. — Поскольку нам неизвестен пункт, через который они хотят выехать, кроме оперативного отдела к этому делу подключены силы госбезопасности в Пинар-дель-Рио и Матансасе.

«Бьюик» преодолевал едва заметный подъем Виа-Бланка, когда капитан сказал:

— Мы подъезжаем к командному пункту... Будем поддерживать прямой контакт с оперотделом.

В этот момент «бьюик» уже подъехал к командному пункту. На всех возможных подступах к заводу имени Ньико Лопеса находились сотрудники Управления госбезопасности. Гараж или предприятие коммунального обслуживания, грузовик или личный автомобиль, стоящий у обочины, — теперь это были посты наблюдения для сотрудников госбезопасности.

Было еще совсем рано, и, кроме добровольцев, выезжавших на воскресник, на улицах не было людей.

Ничто в этой предрассветной тишине не предвещало грозных событий. Город спал.

...Сотрудники госбезопасности дежурили на своих постах.

— Внимание, — сказал наблюдатель с биноклем, — кто-то выходит из дома.

Находившийся рядом сотрудник отложил фотокамеру и взял радиотелефон.

— «Хота-один», «Хота-один», — стал вызывать он. — Говорит «Циклон-два». Говорит «Циклон-два». Прием.

— «Циклон-два», «Циклон-два», говорит «Хота-один», говорит «Хота-один». Прием, — прозвучал металлический голос в аппарате.

— Какой-то человек только что вышел из дома. Он сел в синий «шевроле» выпуска 1955 года. Прием.

Оба сотрудника притаились в кустарнике на небольшой возвышенности в Бока-Сьега. Им было поручено сообщать о любом передвижении людей, находившихся в контролируемом доме.

— Он отъезжает на автомобиле, — сообщил радиооператор. — Никто больше не появился. Прием.

— Хорошо. Оставайся на связи.

— Хорошо. Оставайся на связи, — повторил Белосо.

Механизм операции пришел в движение. Лейтенант Бланко внимательно смотрел на разложенный перед ним план города.

— Чтобы добраться сюда, — сказал он, указывая на одну из точек на плане, — он должен проехать мимо третьего, четвертого и пятого постов. Затем надо будет проследить, на какое шоссе он выедет. Если он проедет здесь, — он указал на красную линию, — то его должны увидеть посты шесть, семь, восемь, девять и тринадцать.

— Я не думаю, что они воспользуются этой дорогой, — возразил капитан Белосо. — Они наверняка выберут Виа-Бланка.

— Я тоже так считаю, — сказал Бланко. — В этом случае за ними будут следить посты три, девять, одиннадцать, четырнадцать, пятнадцать, семнадцать, восемнадцать и девятнадцать. Некоторые из них подвижные. Если потребуется, они могут двигаться за ними.

— Послушай, Бланко, меня беспокоит одна вещь, — сказал Белосо. — Пока не поступало никаких сообщений от Сокола.

— Может быть, у него что-нибудь случилось с радио.

— Капитан, — позвал сотрудник, дежуривший на связи, — вызывает «Пантера-девять».

— «Хота-один», «Хота-один»... Говорит «Пантера-девять», говорит «Пантера-девять». Только что проехал человек в «шевроле» 1955 года. Прием.

— Следуйте за ним, — приказал капитан.

Оскар положил трубку на место. Через несколько минут управляемый им грузовик уже ехал по Виа-Бланка в том же направлении, что и автомобиль механика. Было совсем незаметно, что в нем находилось около двух десятков сотрудников госбезопасности.

5 часов 45 минут утра

Четыре человека вышли из дома в Бока-Сьеха и направились к «пontiаку», стоявшему около тротуара.

Это увидел сотрудник, наблюдавший за домом в бинокль. Тут застрекотала фотокамера.

— «Хота-один», «Хота-один», говорит «Циклон-два», говорит «Циклон-два», — передал по радиотелефону наблюдатель, — из дома вышли четыре человека. Двое из

них одеты в оливково-зеленую форму. Они закрыли дом и сели в «понтиак».

— Продолжайте наблюдение, — последовало указание.

— Они завели мотор, — сообщил «Циклон-два». — Отъехали. Дом остался пустым. Прием.

— Почему вы так думаете?

— Последний человек, выходявший из дома, после того как закрыл дверь, вставил ключ в скважину и дважды повернул его, ставя замок на предохранитель. Прежде чем сесть в машину, он осмотрел дом. Это все. Прием.

— «Циклон-два», сейчас подойдет машина за фотоматериалами. Оставайтесь на месте. Все.

«Если дом пуст, — думал Велосо, — необходимо срочно осмотреть его».

— Свяжись с машиной экспертов, — попросил он связиста. — Пусть отправляются к наблюдаемому дому.

Два человека, прибывшие на грузовике междугородного сообщения, вошли в кафетерий «Тарамар». Они сели у стойки и заказали кофе с молоком. Кроме них в кафетерии было еще четверо, а среди них механик.

— Молоко очень горячее, — предупредил Оскар, пробуя свою чашку. Однако его взгляд был прикован к механику. Он хорошо видел, как тот маленьким карандашом рисовал что-то на салфетке, а когда к стойке подъехал «понтиак», быстро спрятал его.

«Птички слетаются», — подумал Роландо. Один человек вышел из «понтиака» и открыл капот. «Они чего-то ждут, — решил он. — Значит, нам не нужно торопиться».

— Послушай, Оскар, — спросил он своего товарища, — разве день рождения твоего сына не в следующее воскресенье?..

Беседуя, сотрудники госбезопасности продолжали наблюдать за механиком и теми, кто прибыл на машине.

Вдруг человек, возившийся в моторе «понтиака», закрыл капот и сел в машину. «Понтиак» выехал со стоянки.

Механик быстро рассчитался и вышел из кафетерия.

Когда механик отъехал, Оскар поднялся, подошел к тому месту, где тот сидел, и, взяв исписанную салфетку, спрятал ее в карман.

— Пошли, — сказал он Роландо.

— «Хота-один», «Хота-один», говорит «Пантера-девять». Прием.

Велосо быстро подошел к аппарату и взял трубку.

— «Пантера-девять». Говорит «Хота-один». Докладывайте. Прием.

— «Понтиак» и «шевроле» только что отъехали от кафетерия «Тарамар», где я нахожусь,— сообщил Оскар и спросил: — Мы должны следовать за ними? Прием.

— Следуй за ними и держи со мной связь.

Затем Велосо повернулся к Бланко:

— Посмотри на плане, где находится «Пантера-один-надцать». Пора ей вступать в действие.

Грузовик междугородного сообщения со стоянки в «Тарамаре» направился по Виа-Бланка в сторону Гаваны. Оскар сидел за рулем.

— Их не видно,— сказал он, обращаясь к Роландо.— Они, должно быть, за поворотом, который начинается за рекой Тарара.

Грузовик подбросило на выезде с моста. Когда он прошел поворот, Роландо и Оскар увидели стоявший у кювета молоковоз.

— Что бы ему там делать? — спросил Роландо.

В этот момент «пontiак» развернулся и остановился за молоковозом.

— Ты видишь! — воскликнул Оскар, показывая на машину.— Приглядиись к ним внимательно, когда мы будем проезжать мимо.

Грузовик проехал мимо стоявших у кювета машин.

— Кроме шофера в «пontiаке» еще двое — оба в зелено-оливковой форме,— сказал Роландо.

— А шофер молоковоза с ними?

— Я не заметил его. Может быть, он один из них,— высказал свое мнение Роландо и добавил: — Я сейчас сообщу об этом капитану.

— Хорошо, «Пантера-девять»,—сказал Велосо, получив сообщение Роландо, и повернулся к лейтенанту Бланко.

— Твое мнение?

— Мне кажется, нам нужно послать еще одну машину — пусть посмотрят внимательнее. Может быть, увидят еще что-нибудь.

Велосо согласился и взял трубку:

— «Пантера-одиннадцать», «Пантера-одиннадцать». Говорит «Хота-один», говорит «Хота-один». Прием...

«Пантера-одиннадцать», получив приказ, немедленно направилась в указанное место и прибыла как раз вовремя — «понтак», провизжав покрышками, скрылся за поворотом. В это время молоковоз выехал на шоссе. Сотрудники госбезопасности последовали за ним. Они видели, как молоковоз въехал в поселок Селимар.

— «Хота-один», «Хота-один», говорит «Пантера-одиннадцать». Прием...

— Хорошо, «Пантера-одиннадцать». Займи указанное место, — приказал Велосо, выслушав информацию, и подошел к плану города.

— Они находятся здесь, — сказал он Бланко, указывая на одну из точек на плане.

— Таким образом, — продолжил лейтенант, — они не смогут выехать оттуда незамеченными. За ними наблюдает «Циклон-три».

Пришло сообщение от экспертов, осматривавших покинутый дом, — они закончили работу.

Велосо приказал им оставаться на месте. Возможно, диверсанты еще вернутся туда.

Сотрудник, которого Велосо оставил в гараже при выезде с Бакураана, внимательно наблюдал за машинами, проезжавшими по Виа-Бланка. С командного пункта ему сообщили, на какие машины он должен обратить внимание, и, когда молоковоз въехал на мост, он сразу сообщил об этом по радиотелефону.

— Уточните, сколько человек едет в нем, — приказал Велосо.

Вскоре грузовик промчался мимо гаража.

— «Хота-один», говорит «Циклон-три». В нем только один шофер. Только один человек в грузовике.

— А синий «шевроле» 1955 года не проезжал?

— Нет.

— Ждите его.

Сотрудник продолжал наблюдение за дорогой. Ждать пришлось недолго. Через несколько минут «шевроле» въехал на мост, и со своего поста сотрудник хорошо рассмотрел его.

- В машине двое,— сообщил наблюдатель.
- Одеты в оливково-зеленую форму?
- Нет. Даже сидящий за рулем в штатском.

Капитан отошел от радиостанции:

— Если их нет ни в одной из двух машин, то где же они?

— Все это очень странно,— согласился лейтенант.— Когда появился молоковоз, я подумал, что они хотят воспользоваться им, чтобы проникнуть на завод. На «шевроле» этого сделать нельзя.

— Значит, они как-то сумели спрятаться в молоковозе? — спросил громко Велосо. Он размышлял вслух:— В кабине вряд ли. Так бы они не смогли проехать посты охраны. Следовательно: или они остались в Селимаре, или спрятались в цистерне молоковоза. Передайте патрульной машине, чтобы следовала в поселок.

— Я все думаю.— сказал лейтенант,— зачем они надели оливково-зеленую форму?

— Да,— согласился Велосо,— почему они спрятались внутри молоковоза, если на них оливково-зеленая форма? Хотя, конечно, и в форме им не удастся пройти контрольные посты.

— Видимо, они понимают это, капитан,— заключил лейтенант Бланко.

«Понтиак» остановился перед домом в Бока-Сьега. Сидевший в нем человек осмотрелся по сторонам и вышел из машины. Он направился к двери гаража, открыл ее, сел в «кадиллак», находившийся там, и выехал на улицу. Потом он поставил «понтиак» в гараж.

С наблюдательного пункта сотрудники госбезопасности следили за этими манипуляциями.

— «Хота-один», «Хота-один», говорит «Циклон-два»...

В центр пошло очередное сообщение. Было шесть часов тридцать три минуты утра.

Велосо и Бланко, приехав на завод, быстро вышли из машины и направились к пожарной станции.

— Мы все еще не знаем паверняка, для чего им нужен бачок и бланки,— сказал Велосо.

Они отдали честь часовым у входа и пошли к дежурному офицеру.

Помимо аварийных телефонов, связывающих станцию со всеми участками завода, здесь была установлена дополнительная станция связи — для сотрудников госбезопасности. Кабинет дежурного офицера превратился в командный пункт. В кабинете находились оператор станции Гомес Фульеда — на нем была оливково-зеленая форма, но без знаков различия — и лейтенант Родольф дель Корраль, начальник пожарной станции.

Велосо подошел к радиооператору Гомесу:

— Сообщи постам, что диверсанты воспользуются для проникновения на завод молоковозом, и предупреди, что, возможно, кто-то из них спрятался в цистерне.

Велосо давно знал лейтенанта дель Корраля. Они вместе начинали службу в армии и теперь встретились как старые друзья.

— Ты меня извини, — сказал Велосо, — что я расположился в твоём кабинете...

— Это пожарная станция, — улыбнулся лейтенант, — и, насколько я вижу, здесь пахнет дымом.

— Бланко сказал мне, что у тебя заболел сын.

— Да, но ничего серьезного. Свинка. Но врач не разрешил ему гулять.

— Хорошо, что ничего серьезного, — сказал Велосо и повернулся к Фульеде: — Доложи о положении.

— Мы все сделали так, что рабочие ни о чем не подозревают. Все посты усилены. Многие сотрудники отдела дежурят на пожарных постах.

— А начальники смей? — спросил Велосо.

— Они в курсе дела. Особенно в цехе «Ф», куда, как мы предполагаем, направятся агенты ЦРУ. Там тоже есть наши люди. Прибыли и специалисты-подрывники.

— Хорошо, — кивнул Велосо. — Будем ждать.

Воскресенье, 24 марта

6 часов 44 минуты утра

Два сотрудника госбезопасности, находившиеся у первого контрольного поста, получили сообщение о молоковозе. Капитан приказал незаметно осмотреть машину, попытаться определить, есть ли в цистерне люди.

— Фаусто, тебе сказали, когда примерно он подъедет? — спросил более молодой своего товарища.

— Скоро, но не сказали точно когда. А что ты беспокоишься, Херардо?

— Я не беспокоюсь,— ответил Херардо.— Просто я впервые участвую в такой операции.

— Знаешь, я сейчас подумал о том, что порой человек не имеет возможности выбирать работу по душе. А мне повезло. Я люблю свою работу. Конечно, она не легкая. Иногда бывают трудные и опасные ситуации...

Фаусто слушал Херардо и продолжал внимательно наблюдать за дорогой.

Когда молоковоз повернул с Виа-Бланка на маленькую улицу, ведущую к въезду на завод, дежурные увидели его одновременно.

— А вон и молоковоз,— сказал Фаусто.

— Проверь его ты,— попросил Херардо и добавил:— Ведь я первый раз на этом посту.

— Не беспокойся,— ответил Фаусто.

Машина остановилась, и Фаусто не спеша стал обходить ее вокруг, а Херардо подошел к кабине и заговорил с шофером.

Фаусто придирчиво оглядывал молоковоз, стараясь заметить что-либо необычное. Но ничего не обнаружил. Уже закончив обход, он вдруг взглянул наверх — крышка верхнего люка цистерны закрыта была неплотно.

«Странно,— подумал Фаусто.— А молоко не выплеснулось. Видимо, что-то придерживает крышку, не дает ей герметически закрываться. Нужно срочно доложить капитану Велосо».

Не задерживаясь больше, Фаусто направился к своему товарищу — тот проверял удостоверение шофера. Херардо посмотрел на него. Фаусто незаметно сделал ему знак. Тот понял и вернул удостоверение шоферу.

— Все в порядке. Кафетерий находится у следующего поста.

Молоковоз не отъехал и нескольких метров, а Фаусто уже докладывал капитану Велосо о своих наблюдениях.

«Приоткрытая крышка?» — спросил сам себя Велосо, выслушав сообщение Фаусто. И приказал:

— Соедините меня со вторым постом. Срочно.

— Второй пост слушает!

Сотрудник, дежуривший здесь, получил указания Велосо, когда подъехал молоковоз. Его товарищ вышел из будки и подошел к шоферу.

— ...пропустить их и не мешать движению по территории завода, — закончил инструктаж капитан.

— Эухенио! — позвал его товарищ.

Эухенио вышел из будки.

— Что у тебя?

— Я займусь товарищем, — сказал ему напарник, — а ты побудь пока здесь.

— Да, конечно.

Сотрудник и «шофер» молоковоза отправились к внутреннему дворику кафетерия.

«Что придумали эти типы, чтобы обмануть посты?» — спрашивал себя Эухенио.

Его товарищ вернулся, «шофер» сел в кабину, но не смог завести мотор.

— Подтолкните, пожалуйста, — попросил он.

Сотрудники обменялись взглядами.

— Подтолкнем? — спросил у Эухенио напарник.

— Не оставлять же его здесь, — ответил Эухенио.

— Хорошо, давай.

— Знаешь, Эухенио, шофер сказал мне, что видел солдат на учении. Может быть, кто-нибудь из наших товарищей проявил неосторожность?

— Я сомневаюсь в этом.

Когда молоковоз тронулся, шофер включил скорость. Машина дернулась несколько раз и тронулась с места.

«Если я не остановлю его, он может заподозрить, что мы слишком легко его пропустили», — подумал Эухенио и крикнул:

— Стой!

— Сейчас! — ответил шофер.

Он нажал на тормоза и остановил машину как раз на железнодорожном полотне. Высунувшись из кабины, огорченно покачал головой...

Несколько раз ударил колокол — скоро должен подойти поезд. Сотрудники переглянулись.

— Толкните, ради бога! — крикнул шофер.

«Так вот какой трюк они придумали, — понял Эухенио. — Остроумно, но даже обычные дежурные на посту не попались бы в эту ловушку».

Они стали толкать грузовик, но никак не удавалось сдвинуть его с полотна железной дороги.

Шум приближающегося поезда становился все ближе.

— Еще раз, быстро! — крикнул Эухенио своему товарищу.

...Наконец машина сдвинулась с места и покатилась. И вовремя. Локомотив подходил к переезду. «Теперь другие товарищи займутся ими», — сказал себе Эухенио.

Из здания заводууправления, где находились наблюдатели, подробно сообщалось Велосо обо всем происходящем.

— ...они вытащили бачок из верхнего люка цистерны. Из люка сейчас вылезает какой-то человек. На нем непромокаемый комбинезон. Вот появился еще один. Оба...

А у второго поста двое еще переживали недавнее происшествие.

— Мне не нравится, что с нашей помощью машина оказалась на той стороне, — сказал один. — Но если капитан Велосо приказал сделать так, значит, эти типы находятся под хорошим контролем.

— Приказ был четким — пропустить, — сказал Эухенио.

— Да, конечно. Но как хотелось схватить этого типа за шиворот. Ведь они хотят разрушить то, что воздвигнуто усилиями многих людей, их трудом.

— Буквы? — переспросил Велосо у сотрудника, который информировал о молоковозе. — Посмотри, не УПО ли это?

— Я не вижу, капитан. Они то и дело скрываются от меня за... Одну минутку!.. Да, это УПО, капитан.

— Я так и предполагал! — сказал Велосо, обращаясь к Бланко, стоявшему рядом с ним. — Именно для этого им и нужны были бланки. Эти люди придут сюда.

— А может быть, они попытаются зайти прямо в цех? — спросил Бланко.

— Нет. Они должны знать, что каждой делегации или другим посетителям даются сопровождающие. Это общее правило. Они придут сюда и попытаются сделать так, чтобы их кто-нибудь сопровождал.

— Кто пойдет с ними? — спросил Бланко.

— Ты, — решил Велосо. — Воспользуемся тем, что ты в форме. Когда спросят начальника станции, ты представишься им и будешь сопровождать. Так что поднимайся в кабинет Родольфо. С этого момента ты будешь лей-

тенантом Родольфо дель Корралем. — Обратившись к лейтенанту дель Корралю, он спросил его: — Ты не возражаешь?

— Нет, — ответил тот. — Думаю, что Бланко справится с ролью.

— Ну что ж, давай наверх, — приказал Велосо Бланко. — Когда они спросят о тебе, позови их к себе и оставь включенным селектор, чтобы мы могли слышать, что они будут говорить.

— Ясно.

Когда два агента ЦРУ пришли на станцию и спросили лейтенанта дель Корралья, сотрудники госбезопасности их уже ждали и пригласили пройти в кабинет начальника станции.

— Войдите, — сказал Бланко, услышав стук в дверь. В кабинет вошли двое.

Они представились — работники нефтеперегонного завода имени братьев Диас. Лейтенант Бланко предложил им сесть, а сам исподволь разглядывал диверсантов.

«Этот высокий, должно быть, опасный тип. Хитрый, коварный, убежденный враг. Другой, судя по виду, будет работать на кого угодно — лишь бы платили».

Посетители сообщили о цели своего визита, и лейтенант Бланко сказал:

— Ну что ж, я в вашем распоряжении.

— Так что мне передать Оливе? — спросил высокий.

— Скажите ему, — ответил Бланко, поддерживая разговор, — что...

Звонок телефона прервал его. Лейтенант взял трубку.

— Слушаю, — сказал он. — Лейтенант дель Корраль у телефона.

Офицер выслушал, что ему сказали по телефону. Он знал, что сообщение ложно — ребенок находится дома, но сумел показать, что расстроен сообщением. Высокий, увидев выражение лица Бланко, спросил:

— Что-нибудь случилось?

— У меня появилось неотложное дело, товарищи. Вы могли бы прийти завтра? Тогда я лично показал бы вам все, что вы хотите. Я и сейчас собирался это сделать, но возникло непредвиденное обстоятельство...

Высокий не раздумывал ни секунды — билеты на самолет куплены, завтра они должны быть у себя на заво-

де, а здесь их мог бы сопровождать любой другой товарищ.

«Их цель, видимо, в том, чтобы отделаться от лейтенанта дель Керраля, — решил Бланко. — Лейтенант умен, прошел хорошую подготовку, наблюдателен. Так что их опасения не лишены оснований. Они хотят, чтобы их сопровождал кто-то другой. Пошлю с ними нашего сотрудника», — подумал лейтенант, подошел к селектору и нажал на кнопку.

— Фульеда, — сказал он, — сейчас спустятся товарищи, которые приехали к нам с визитом. Пройди с ними и покажи им то, что они захотят посмотреть. Понятно? Хорошо. Они уже идут.

Когда Аренсибия и Лейва спустились на первый этаж, боец Фульеда уже ожидал их. Он вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь.

— Фульеда к вашим услугам, товарищи. Какой цех вы хотите посмотреть сначала?

...В цехе «Ф» один из диверсантов отстал, а другой направился дальше, сопровождаемый лейтенантом Фульедой. Едва диверсант, поставив на пол кожаный чемоданчик, попытался снять колпачок огнетушителя, как за его спиной раздался голос:

— Товарищ!

Агент ЦРУ был застигнут врасплох, но овладел собой.

— Слушаю вас.

— Я член здешней добровольной пожарной дружины. Увидев, что вы проверяете оборудование, я подумал, что вы, может быть, захотите что-нибудь спросить, а я смогу помочь.

— Нет, это просто проверка, — ответил агент и, вытащив из кармана бланк, стал его заполнять.

«Как бы там ни было, я остаюсь, — подумал рабочий. — Моя смена кончилась, но всегда полезно чему-нибудь подучиться. Для чего же эти бланки?»

— Сеньор, — сказал агент ЦРУ рабочему, — у вас не пайдетса...

«Сеньор?» — удивился про себя рабочий.

— ...ключа «Стиксон»? Мне нужно открыть огнетушитель.

— Да, конечно, товарищ, — ответил рабочий и направился за ключом.

«Почему лейтенант назвал меня сеньором? — думал он, пока искал ключ. — Может быть, он думает, что я не с революцией?»

Возвращаясь, он увидел, что человек в оливково-зеленой форме положил что-то под колпачок огнетушителя и стал закрывать его.

— Вот ключ, товарищ, — сказал рабочий, протягивая инструмент.

— Спасибо, большое спасибо. Он мне, собственно, больше не нужен.

«Что же он положил в огнетушитель? — подумал рабочий и сказал:

— Можно спросить вас? Что это вы положили внутрь огнетушителя? Какой-нибудь новый химический состав?

— Этот состав поддерживает необходимую плотность кислоты. Он делает более эффективным огнетушитель. Министерство охраны здоровья...

«Охраны здоровья?» — вновь задался вопросом рабочий.

— ...издало приказ использовать эти препараты, поскольку они уменьшают токсичность состава. Мы уже установили их на других филиалах и теперь делаем это в вашей компании. Это какой цех?

«Компании! Этот человек говорит так, будто мы живем при капитализме, — подумал он. — Странно что-то».

— «Ф-три», — ответил рабочий, продолжая мысленно анализировать слова незнакомца.

— Все кончено, — заявил человек в оливково-зеленой форме. — Теперь мне нужно идти в другие отделения. До свидания, сеньор, и большое вам спасибо.

— До свидания, — ответил рабочий и подумал: «Снова «сеньор». И сказано без пренебрежения. Все это странно. И эта история с огнетушителями и кислотой... Ведь не прошло и двух дней, как их проверяли. Надо пойти к начальнику смены и рассказать ему обо всем».

Выйдя в коридор, рабочий увидел, что тот сам идет навстречу, с ним был какой-то незнакомый человек.

— Армапдо, — обратился рабочий к начальнику смены, — мне нужно поговорить с тобой. По очень важному делу.

— Простите меня, товарищ, — вмешался человек, сопровождавший начальника смены, — Мы видели, как вы

помогали человеку, осматривавшему оборудование. Тут дело особое, и мы должны кое-что объяснить.

Сотрудник УГБ, разместившись в «Ротонда-клубе», видел, как молоковоз подъехал к стоянке и шофер направился к телефону.

«Жаль, что не видно, какой номер он набирает, — подумал он и решил несколько поменять позицию. — Если он будет еще звонить, я смогу разобрать цифры».

В цехе «Ф» двое специалистов — работники госбезопасности — разряжали устройство, которое несколько минут назад Лейва положил в огнетушитель.

В коробке было уже несколько пластиковых мин — Вильям Лейва установил их в огнетушителях тех отделений, по которым прошел. Эксперты сумели разрядить все мины.

...Сотрудник, чей позывной был «Циклон-четыре», смог легко разобрать новый номер, который набрал шофер молоковоза. Он сразу доложил об этом капитану.

— Хорошо. Будь на связи, — ответил Велосо и попросил радиооператора: — Соединись с капитаном Кармоной, продиктуй ему номер телефона. Пусть отправится к этому дому на двух патрульных машинах.

Капитан подошел к лейтенанту Бланко, вытащил из кармана пачку сигарет и предложил своему товарищу:

— Закурим? Дела вроде идут неплохо.

— По-другому не могло и быть, — убежденно заявил Бланко. — Люди работают самоотверженно.

— Капитан, — сообщил радист, — передают, что они выходят из цеха.

— Хорошо, — сказал Велосо, — теперь начинается второй этап операции: выход с завода. Свяжи меня с контрольными постами, — приказал он радисту. — Нужно предупредить их.

Дверь гаража во дворе дома в Бока-Сьеха открылась, и из нее выехал «понттиак». Водитель вышел из машины, закрыл дверь гаража. Потом он снова сел в машину, и «понттиак» выехал на шоссе.

Сотрудник с биноклем, наблюдавший за происходящим, повернулся к товарищу.

— Нужно сообщить на командный пункт, — сказал он.

Дежурные второго поста разговаривали с агентами ЦРУ о «военных учениях», в это время послышался шум приближающегося поезда.

— Пошли, — пригласил их Эухенио. — Мы сейчас попросим его остановиться.

Поезд притормозил. Диверсанты вскочили на подножку, и он снова набрал скорость.

— Нужно немедленно сообщить капитану, что они сели в поезд, — сказал Эухенио.

— Теперь я понимаю, почему шофер молоковоза несколько раз упомянул об учениях, которые они якобы видели, — догадался его товарищ. — Это для того, чтобы объяснить их появление здесь. Они не знают, что всякий раз, когда здесь проводятся учения, посты заранее оповещают об этом!

— Передайте промежуточным постам, чтобы они не чинили препятствий едущим на поезде, — приказал Велосо.

Капитан собирался еще раз взглянуть на план города, но телефонный звонок отвлек его. Лейтенант Бланко взял трубку.

— Слушаю, — сказал он. — Да-да, он здесь.

— Кто это? — спросил Велосо.

— Фундора.

Капитан взял трубку.

— Слушаю, Фундора... Да... Что? Повтори медленнее, чтобы записать.... Да... Мы будем... двадцать... в П-25. Да. И что ты думаешь? Это очень интересно. Хорошо. — Велосо повернулся к лейтенанту: — Бланко, свяжи меня с управлением в Пинар-дель-Рио. И побыстрее!

Когда локомотив поравнялся с постом, агенты ЦРУ увидели, что боец охраны встал по стойке «смирно» и отдал честь.

Аренсибия сказал эксперту:

— Ну и дураки! И это самая лучшая охрана у Кастро?!

В это время в будке другой сотрудник сообщал на командный пункт:

— «Хота-один», «Хота-один», говорит «Циклон-пять», говорит «Циклон-пять». Они сели в поезд...

— Они покидают территорию завода, — сказал Велосо. — Предупреди оперотдел, — приказал он Бланко и добавил: — От Сокола мы узнаем, куда они направляются.

Быстрым шагом офицеры вышли из здания пожарной станции. Здесь они увидели Фульеду. Он ждал указаний.

— Фульеда, — сказал капитан, — займись дымовым составом. Я тебе сообщу, когда должен появиться дым. Поехали, пусть все остальные машины следуют за нами.

— Слава богу, все обошлось хорошо! — сказал механик, когда Аренсибия и Лейва, спрыгнув с поезда, сели в его машину. «Шевроле» направился к Виа-Бланка.

В машине Даниэля ехали Хрипун, Хулио и Марио Порруа.

Вместе с Котом — Тито-Гаванец, Хуапито-Джонни, Освальдо Делас и Алехандро Тамайо.

Машины шли к одной точке.

Рация, расположенная в кузове крытого грузовика, в котором ехали Велосо и Бланко, была включена. И все же сообщение прозвучало неожиданно. Оно было коротким:

— Мост в Бакунайагуа... мост в Бакунайагуа.

Рация была на линии прямой связи с машиной Сокола.

— Ты слышал? — спросил Велосо сидевшего рядом Бланко и, повернувшись к радисту Гомесу, приказал: — Сообщи всем, что место известно. Направляемся в Бакунайагуа.

Все машины, принимающие участие в операции, получили по радио приказ капитана Антонио Велосо.

Четыре патрульных автомобиля, два грузовика с сотрудниками госбезопасности, несколько такси направились к указанному месту. Ими командовал капитан Хосе Кармона из гаванского управления госбезопасности,

...Два сотрудника госбезопасности работали в архиве.

— Вот личное дело, которого нам не хватало, — сказал один из них. — Пабло Аренсибия, бывший мафиозо, разыскиваемый революционным правосудием по нескольким обвинениям. Теперь все на месте. Нужно позвонить капитану Велосо.

Велосо вышел из грузовика. Еще четыре машины остановились на Виа-Бланка: три легковые и междугородный автобус, шедший в Ольгин, судя по табличке.

— Поговори с шофером, — сказал Велосо Бланко, указывая на автобус.

Капитан обошел автомобили, где находились его сотрудники, называя имена:

— Лопес, Гарсига, Торрес... Вы поедете на автобусе.

Лейтенант Бланко подошел к Велосо.

— Все в порядке, — сказал он.

— Хорошо. Оставайся на командном пункте и свяжись с Фульедой. Скажи, что пора запускать дым...

Первая из патрульных машин была уже близко. Из нее вышел капитан Кармона. Велосо пошел к нему навстречу.

— Слушай внимательно, Кармона, — сказал он. — Теперь вы останетесь здесь, а мы поедем дальше. Подожди, пока не появится дым. Через десять минут после этого начинайте действовать. Расставь людей в форме подковы, внутри которой должны находиться все заведения смотровой площадки и мост. Понятно?

— Да. А когда мы сожжем кольцо?

— Сразу, как только расставишь людей. Своих я расположу в известных тебе пунктах. Когда твои подойдут к ним, оставь половину из них на месте и продолжай прочесывание.

— Хорошо.

— Через Сокола мы узнали, что они спрячутся в пещере, где есть оружие, — продолжал Велосо. — Мы уже кое-что узнали о диверсантах. Легко они не дадутся. Нам сообщили, что среди контрреволюционеров находятся Пабло Аренсибия, который при попытке украсть катер убил милиционера, — это было в 1960 году, когда он бежал из страны, — и Ромуальдо Мартинес Крус, по прозвищу Кот, арестованный при засылке на Кубу, но сумевший

бежать из тюрьмы. Наши люди сообщили также, что в доме в Бока-Сьегра нашли шофера молоковоза в очень тяжелом состоянии. Видишь, какие это люди. Они наверняка окажут сопротивление. Ну вот, теперь ты в курсе. Я поеду на автобусе, а Бланко на грузовике.

«Даже в Ино эти люди ничего не будут подозревать, — думал Велосо, садясь в автобус. — Очень важно, чтобы ничего не случилось на смотровой площадке. Иначе могут пострадать случайные люди. А эти типы постараются воспользоваться неизбежной сумятицей».

Мотор заработал, и автобус мягко тронулся с места. Когда он отъехал метров на сто, за ним двинулись другие машины. Кармона со своими людьми остался на месте. Они ждали. Бакунайагуа находился всего в четырех километрах от этого места.

— Я не то имел в виду, Хуан Хосе. Это место хорошо тем, что здесь всегда полно народу, — сказал один из тех четырех, что вышли из кафетерия. — Здесь останавливаются автобусы, идущие из Гаваны и в Гавану. Обрати внимание, вон подъезжает еще один. Людей будет еще больше, и мы останемся незамеченными.

Междугородный автобус, направляющийся в Ольгин, прибыл на остановку, и пассажиры стали выходить из него. Велосо и девять сотрудников появились первыми и сейчас поднимались по длинной каменной лестнице, которая вела к кафетерия.

Наверху сотрудники заняли заранее указанные места. Велосо остался у дверей кафетерия.

«Я не вижу Сокола и не имею представления, как выглядят Аренсибия и другие. Я могу узнать только Ромуальдо Мартинеса. Я видел его фотографию, которая была разослана после его бегства. Мне нужно найти его», — думал капитан, осматривая людей, находившихся вокруг.

Узнать Ромуальдо было не трудно. Он стоял неподалеку, рядом с ним еще четверо. Они все смотрели в одном направлении, куда указывал Ромуальдо Мартинес.

Велосо посмотрел туда же. Широкий столб черного дыма поднимался в небо. «Вовремя сработал Фульеда, — сказал себе капитан. — Теперь нужно внимательно смотреть за этими типами, чтобы не упустить, когда они

поедут». Подойдя к ним ближе, Велосо вытащил пачку сигарет и, доставая сигарету из пачки, уронил одну на землю. Наклонился, поднял ее и отошел к смотровой террасе. Он знал, что сотрудники поняли его сигнал.

На смотровой площадке сделалось шумно — люди выходили из кафетерия, смотрели на дымное небо и высказывали разные предположения.

В этой толкучке Велосо не спускал глаз с Ромуальдо, который быстро лавировал между людьми.

«Теперь надо быть начеку. Они, видимо, отправятся к пещере. Тогда через несколько минут мы последуем за ними, и начнется последний этап нашей операции — захват».

Часть третья ОТ СКАЛ ЛЕТАТ ОСКОЛКИ

Пещера, созданная природой на склоне небольшой возвышенности, имела глубину около шести метров и была окружена кустарником и небольшими деревьями, делавшими совсем незаметным вход. Она выходила к морю. До того места, где неутомимая волна лизала прибрежные скалы, было около двухсот метров.

Когда люди, ведомые Ромуальдо, прибыли в пещеру, они зажгли фонарь и легли на пол отдохнуть. Ширина пещеры достигала трех метров, а потолок был достаточно высок, чтобы можно было стоять во весь рост. По всему было видно, что пещерой не раз пользовались.

— Пошли со мной, — приказал Кот Освальдо, и они отправились в глубь пещеры. Там лежала груда камней, и Ромуальдо стал разбирать ее. — Помоги, — сказал он.

Прошло некоторое время, и Кот громко позвал:

— Хрипун, Порруа, Аренсибия... Идите сюда.

Те подошли.

— Вот вам игрушки, — сказал Кот, указывая на маленький арсенал, который открылся их глазам там, где раньше лежали камни.

— Пусть-ка «джонни» увидят меня с этой железкой, — сказал Освальдо, беря крупнокалиберный пистолет.

Это послужило сигналом. Хрипун, Марио и Хулио Порруа, Тито-Гаванец и Хуанито-Джонни наклонились над ямой, торопясь выбрать себе оружие. Аренсибия через плечи и головы остальных схватил автоматическую винтовку, потом, отойдя в сторону, стал снимать с себя оливково-зеленую форму.

Вильям Лейва, уже переодевшись, сел у входа в пещеру, чтобы осмотреть свой браунинг.

Доктор Тамайо не сдвинулся со своего места, когда Кот позвал всех.

— Мне хватит и моего револьвера с укороченным стволом.

Кот, как и Хрипун, избрал автомат. Тито-Гаванец взял крупнокалиберный пистолет. «Вот это по мне», — решил он, осматривая оружие. Механик поднял такой же, поскольку более крупное оружие было уже разобрано. Печатник Даниэль держал в руке пистолет среднего калибра.

Братья Порруа, привыкшие обращаться с оружием еще в Эскамбрае, выбрали крупнокалиберные кольты и несколько осколочных американских гранат. Кроме того, Хулио взял винтовку «Гаранд», а Марио браунинг.

Их движения были быстрыми, а разговор громким, будто они готовились к бою, которого никто из них не ждал.

— Вам тоже понравился крупнокалиберный пистолет, дружок? — сказал Освальдо механику. — Это приличная пушечка. Кто встанет передо мной, тот попляшет!

— Гляньте сюда, мистер, — обратился Хуанито-Джонни к Даниэлю.

Хуанито стоял посреди пещеры, он согнулся и слегка раздвинул ноги. В руках он держал оружие — они называли его «малышка Томпсон». У Хуанито был такой вид, что он вот-вот выстрелит. На поясе справа висел кольт, а слева длинный штык-кинжал и несколько гранат. На лице его застыло зверское выражение.

— Оружия на целый батальон, — сказал Даниэль, а про себя подумал: «Цспа таким — ломаный грош».

Все разбрелись по пещере. Возбуждение, вызванное раздачей оружия, постепенно улеглось. В пещере стало почти тихо, когда... вбежал Вильям Лейва.

— Пабло! Пабло! — кричал он. — Там, снаружи, солдаты. Они метрах в двухстах отсюда.

— Что?! — крикнул Аренсибия и вскочил. Он бросился к выходу. Все в пещере замерли. Аренсибия, стоя у выхода, обернулся. Лицо его, обычно искаженное злобой, сейчас выражало страх.

— Их пятеро. Они идут к пляжу, — бросил он и кинулся в угол, туда, где оставил свою винтовку.

— Как же так?! — громко и бессмысленно прозвучал в тишине вопрос Освальдо.

Марио и Хулио Порруа только переглянулись. Хуанито-Джонни выронил свой «томпсон» из рук.

— Подбери, не будь бабой, Хуан Хосе, — приказал ему Тито-Гаванец, заряжая пистолет.

Доктор Тамайо потрогал под пиджаком свой пистолет и подумал: «Если я хочу остаться в живых, надо бросить этих идиотов».

Хрипун схватил автомат и крепко сжал его. Механик посмотрел на свой пистолет. «Ну вот и началось», — сказал он себе.

Вильям Лейва застыл посреди, глупо глядя на Аренсибию.

— Что теперь делать? — спросил он.

— Спасать свою шкуру, — ответил тот.

— Но каким образом?

— А как хочешь. Я знаю, что мне делать. Если меня возьмут, то не простят милиционера и катер. Мне нет дороги назад. Я должен идти до конца.

— Ну а я что буду делать? — снова спросил Лейва и посмотрел на всех. — Ведь я только специалист по взрывчатке. И не имею отношения ни к милиционерам, ни к чему-нибудь еще. Я работаю за плату. Что я теперь буду делать?

— Ты умеешь молиться? — спросил его Аренсибия.

— Нет.

— Ну, так научись побыстрее, потому что тебе это через несколько минут понадобится. Я ухожу из этой мышеловки.

— Остановись! — крикнул Кот из глубины пещеры.

Все смотрели на него. Он держал в руках автомат, дуло которого было направлено к выходу.

— Среди нас есть предатель, и мы должны прикончить его.

— Он прав, — прозвучал отвратительный голос Хрипуна.

Аренсибия выглянул наружу, потом посмотрел на Кота. Ему хотелось как можно быстрее бежать из пещеры.

— Но кто же предатель, Кот? — спросил Освальдо прерывающимся голосом. — Кто им может быть?

— Кто-нибудь из вас допустил ошибку, поэтому за нами и пошли, — сказал доктор Тамайо, который тоже хотел немедленно покинуть это место.

— Не было никаких ошибок! — проревел Кот. — Было предательство, и я знаю, кто это сделал.

Ромуальдо смотрел на печатника Даниэля.

— Кот! — крикнул тот. — Как ты мог подумать? Почему я?

— Кот, он не... — начал Освальдо, но Ромуальдо прервал его:

— А кто же тогда, Освальдо? Может быть, ты?

— Нет! Нет! Нет, Кот! — заверещал Освальдо, отступая, пока не уперся спиной в стену пещеры. — Я просто хотел сказать, что... возможно... что он... что, может быть, ты прав, Кот. Может быть, это он.

— Да вы с ума сошли! — закричал Даниэль. — Как вам могло прийти это в голову? Все, что нам нужно сейчас, это бежать отсюда, вырваться из этой западни.

— Я никогда не был сторонником того, чтобы ты принимал участие в этом деле, — продолжал Кот. — Ты все время мне не нравился. Ты говорил, что ты хочешь уехать на Север, чтобы там встретиться со своей любовницей, но твоя любовница здесь, на Кубе.

— Нет, Кот. Это другая баба. Она только для того, чтобы было с кем проводить время. Ты же знаешь мою слабость.

— Освальдо сказал мне, что ты очень хотел принять участие в совещании в Бока-Сьеха. Ты хотел узнать обо всем, чтобы потом доложить коммунистам.

— Нет-нет, Кот! Я просто хотел лучше понять свою задачу.

— Из-за этого ублюдка нас всех прикончат! — крикнул Хрипун.

— Давайте возьмем его как заложника, — предложил механик.

— Нет, здесь надо по-другому, — сказал Хрипун

и поднял из ямы пистолет. Даниэль немедленно среагировал.

— Осторожно! Так просто я не дам себя прихлопнуть! — крикнул он и выхватил свой пистолет.

— Что здесь происходит? — спросил Лейва.

— Давайте кончать, — прошептал доктор. — А то нас схватят прямо здесь.

— Если кто-нибудь выстрелит, нас накроют коммунисты, — подвел итог Аренсибия.

— Он прав, — поддержал его Тито-Гаванец.

— Я не предатель и не подонок, — заверил Даниэль.

— Ну хорошо, — согласился Хрипун. — Считаю, что ты спасся, потому что... Даже не знаю, почему. Главное сейчас — выйти из пещеры.

Даниэль опустил ствол пистолета. Хрипун наклонился, будто собираясь положить на место пистолет, но внезапно вскинул руку и выстрелил.

Даниэль согнулся и, выронив пистолет, схватился руками за живот.

— Ах ты... Хрипун! — простонал он, падая на пол.

— Не выношу предателей, — заявил Хрипун, расправляясь.

— Идиот! — крикнул ему Аренсибия. — Ты засыпал нас. Теперь красные прибегут сюда. Я уйду. К черту вас всех. — И он выбежал из пещеры.

— Пошли, — сказал Марио Порруа своему брату.

Доктор вышел вслед за Аренсибией. Механик посмотрел на Кота.

— Я пойду с Аренсибией, — сказал он и вышел.

Тито-Гаванец взвел курок пистолета.

— Ну что же, Кот, будь счастлив. — Он скрылся в кустах.

Освальдо Делас посмотрел на Ромуальдо.

— Что нам делать? — спросил он.

— Именно это я и хотел бы знать, — прошептал Вильям Лейва. — Что нам делать?!

— Отстань от меня, Освальдо, ведь ты завербовал этого подонка.

— Кот, ведь я ничего не знал о том, что...

— Ты никогда ничего не знаешь. Попытайся узнать хоть что-то теперь. Попытайся вывести у него, как можно уйти от коммунистов.

— Но разве мы останемся здесь?

— У меня руки чешутся развязать язык этому милому Даниэлю, но не хочу марать руки. Лучше сигануть куда глаза глядят.

— Я пойду с тобой, — сказал Освальдо Делас, и они вышли.

— Что ты думаешь делать, Хрипун? — спросил Хуанито-Джонни, который никак не мог прийти в себя.

— Я тоже ухажу, но сначала приласкаю вот этого. — Он показал на Даниэля, который лежал в луже крови.

...Хуанито-Джонни сглотнул слюну, вытер об одежду потные руки и вышел. Автомат дрожал в его руках.

Пригнувшись, Хуанито пробирался по кустам. Впереди он увидел Кота и Освальдо Деласа, направлявшихся к зарослям. Тогда он бросился в противоположную сторону, к мангровой рощице, которую заметил по дороге в пещеру. Но едва прошел полсотни метров, как услышал:

— Стой!..

Не обернувшись на окрик, Джонни бросился бежать к спасительной рощице.

Короткая очередь просвистела над его головой. Джонни припустил еще сильнее. Он почти добежал до цели, но следующая очередь, от которой запрыгали фонтанчики земли вокруг, заставила его остановиться. Хуанито плюхнулся на землю. Осколки скалы впились ему в руки. Гранаты и нож вдавились в тело.

— Сдавайся! — крикнули ему.

— Не могу, — потихоньку ответил Джонни.

— Сдавайся! — приказал голос, раздавшийся намного ближе.

Хуанито взял автомат, повернулся и направил ствол туда, откуда слышался голос.

В воздухе над ним снова просвистели пули. Посыпалась листва с дерева, под которым он лежал.

— Бросай оружие! — снова раздался голос.

— Не стреляйте! — прокричал Хуанито-Джонни. — Если вы попадете в гранату, она взорвется! Не стреляйте! Я сдаюсь!

— Бросай оружие! — приказали ему.

Хуанито отбросил ногой «томпсон» подальше от себя. Его глаза были полны слез,

— Готово! Я сдаюсь! — прокричал он. — Не стреляйте! — Он вскрикнул.

— Вставай, — сказал ему молодой боец. — Руки на затылок!

Хуанито выполнил приказ, и молодой боец в оливково-зеленой форме снял с него гранаты, пистолет и нож.

— Пошли! — приказал он ему.

Другие бойцы, услышав стрельбу, бежали к ним.

— Ты один взял его? — спросил кто-то.

— Да, — ответил молодой боец. — Он не сопротивлялся.

Группа сотрудников госбезопасности двинулась к берегу, когда раздалась пулеметная очередь.

— Это там, где капитан, — сказал один из сотрудников.

И в этот момент в нескольких метрах от них раздался взрыв. Все бросились на землю. Трое были ранены, и среди них Хуанито-Джонни. Сразу же вслед за этим прогремели винтовочные выстрелы.

— Осторожно! — крикнул один из бойцов, показывая вперед. — Они вон там. Их двое. — Он открыл стрельбу по укрытию, где спрятались братья Порруа.

Капитан Белосо, который под прикрытием автоматных очередей добрался со своей группой до пещеры, приказал прекратить огонь и незаметно окружить ее. Затем подошел ближе к входу.

— Все, кто внутри, выходите с поднятыми руками! Молчание.

Белосо сделал знак, и боец дал автоматную очередь в темноту пещеры.

— Я сдаюсь! Я сдаюсь! — раздался голос.

Белосо махнул рукой, и стрельба прекратилась. Эксперт Вильям появился из пещеры с поднятыми руками.

— Идите сюда, — приказал Белосо.

Эксперт направился к капитану. В него уже никто не целился, но он продолжал идти с поднятыми руками.

Капитан Хосе Кармона, услышав взрыв гранаты около мангровой рощи, направился туда. Пробравшись между кустов, он увидел небольшой склон и сразу понял, что происходит. Впереди на открытом участке залегли его товарищи, некоторые из них были ранены.

«Надо отвлечь их внимание, чтобы наши смогли уйти оттуда», — подумал Кармона. Он поднял автомат и нажал на спусковой крючок. Пули ударились о скалы, но диверсанты, надежно укрывшись, открыли ответный огонь. Пули пролетали совсем близко, и Кармона пригнулся. «Метко стреляют», — подумал он и решил переменить место.

Человек, который только что стрелял по нему, теперь вел огонь по открытому участку, и Кармона увидел, что товарищам его приходится нелегко. Укрыться им было совершенно негде, а диверсант вел прицельный огонь.

И вот он увидел, что другой диверсант, уверенный в собственной безопасности, поднялся во весь рост и подшил гранату. Дело решали секунды. Секунды, от которых зависела жизнь его товарищей.

Одна... Две... Три секунды...

Капитан Кармона выстрелил.

Хулио Порруа резко откинулся назад и упал. Некоторое время было тихо. Но как только Марио Порруа вынул голову и схватился за выступ скалы, пытаясь выбраться из укрытия, раздался взрыв. Брызнули каменные осколки. Тело его повисло над обрывом, а затем рухнуло вниз...

Капитан Кармона подбежал к своим людям.

— Сообщи, что есть раненые, — приказал он молодому бойцу, который взял в плен Хуанито.

Вильям Лейва, сидя на скале, нервно курил сигарету. По его словам, внутри пещеры осталось двое.

— Некий Даниэль, который ранен. И другой, которого, как мне кажется, зовут Хрипун, — сказал он.

Велосо запретил продолжать стрельбу и думал о том, как выкурить Хрипуна из пещеры. Надо было срочно оказать раненому медицинскую помощь. Он вновь подобрался к входу.

— Послушай, Хрипун! — крикнул он. — Там же твой раненый товарищ. Тебе все равно придется выйти.

— Какой он к черту товарищ! Это стукач! Он ваш! Хотите вынести его? Так заходите! — провизжал Хрипун, сопроводив свои слова очередь из автомата.

Велосо молчал,

Пистолетный выстрел прозвучал справа. Бланко равнулся туда. Сотрудник Управления Торрес, зажав рану на плече, быстро шагнул к берегу.

— Постой, Торрес! — подбежал к нему Бланко. — Что случилось?

— Один из этих типов затаился в кустах. Я не заметил его, и, когда подошел ближе, он выстрелил. Но ничего, я его возьму.

— Нет. Иди перевяжи рану, — сказал лейтенант Бланко и направился к расщелине, где укрылся враг.

«Он не мог уйти далеко», — думал Бланко, осматривая местность.

...Из-за выступа скалы появилась рука с пистолетом. Бланко бросился на землю. Тито-Гаванец, не целясь, выстрелил в ту же секунду. Пуля прошла совсем рядом. Лейтенант разозлился.

— Сдавайся! — крикнул он.

— Я не баба! — рявкнул тот. — Попробуй меня взять!

— Я буду считать до пяти! — сказал Бланко громко.

— Хоть до тысячи. Я Тито-Гаванец, попробуй до меня добраться.

— Если ты не выйдешь до того, как я сосчитаю до пяти, я открываю огонь... Два...

«Нужно перебраться в другое место, там я смогу все время держать его под прицелом».

— Три...

«Вон за тем камнем я и укроюсь. Надо только добраться туда».

— Четыре...

«Пора менять позицию...»

Когда до Тито донеслось «пять», он одновременно услышал шаги бегущего человека и, быстро прицелившись, дважды выстрелил.

Ответный выстрел застал Тито врасплох, сильный удар в плечо заставил выронить пистолет. Он подхватил его левой рукой, но правая повисла плетью, показалась кровь.

Гаванец пополз к другому краю скалы и высунул голову.

Пуля чиркнула о камень. Волосы Тито запорошились пылью и мелкими каменистыми осколками.

«Этот тип не дает мне шевельнуться. И левой трудно стрелять, — думал он. — Что же делать?»

— Сдавайся! — снова крикнул лейтенант.

— Лучше подохнуть! — ответил Тито. — Я ранен, но ты не дожدهшься, чтобы я сдался.

«Может быть, меня не расстреляют, если сдамся, ведь я же никого не убивал. Нет, не могу. Я не баба». Боль в руке становилась нестерпимой. Охваченный ненавистью, Гаванец зажал пистолет в левой руке и прицелился. Он уже собирался нажать на спусковой крючок, но лейтенант опять опередил его. Две пули, обдав смертельным холодом, процарапали камень, на который он опирался.

«Неважные у меня дела, — подумал Тито. — Я ранен, а он нет. Если попытаюсь бежать, он догонит меня».

— Сдавайся! — снова прозвучал голос.

— Я не из тех, кто сдается! — ответил Тито, но подумал: «Ведь я же ранен».

Тито пощупал руку. Она была в крови, и едва он попытался пошевелить ею, как острая боль пронзила ее. «Так я далеко не уйду. Может быть, сдаться?» Он дрожал, пистолет казался непомерно тяжелым.

— Бросай оружие! — приказал лейтенант.

Тито выбросил пистолет и вышел из-за скалы.

— Руки на затылок, — приказал ему Бланко.

Гаванец положил левую руку на затылок, правой он не мог двигать.

— Если бы я не был ранен, никогда бы не сдался, — прохрипел он.

К ним бежали двое бойцов.

— Можешь опустить руку, — разрешил лейтенант. Он оставался в укрытии и оттуда подавал команды.

Когда бойцы были уже близко, лейтенант Бланко потерял сознание.

— Не подходи к пистолету! — прокричал Тито один из них.

Но Гаванец и не пытался сделать это. Он застыл, глядя туда, где лежал лейтенант. Нога его была в крови. «Значит, я все же сумел достать его, — сообразил Тито. — Этот человек, практически беззащитный и беспомощный, сумел перехитрить меня, меня — Тито-Гаванца!»

— Эй! Ну что вы там? Почему не стреляете? — послышалось из пещеры. — Я Хрипун, вы слышите? Хрипун!

Он стоял в глубине пещеры, глядя на светящийся овал

входа. Лицо грязное и потное. Уже несколько минут до него не доносилось ни одного звука.

— Бойтесь меня? Сейчас я вам задам! — Он пошарил в яме, откуда они доставали оружие, и схватил несколько осколочных гранат. Не раздумывая, он стал выдергивать предохранители и бросать их одну за другой наружу.

Когда гранаты кончились, он замер в ожидании. Слышно было только его тяжелое дыхание.

Постояв так, он одним прыжком выскочил из пещеры и, прижав автомат к боку, стал поливать огнем все вокруг.

— Куда вы попрятались? Вот вам Хрипун! — кричал он в звериной ярости.

Человек, бросившийся на него сверху, выбил у него из рук оружие. Хрипун сумел вскочить, но несколькими ударами человек уложил его на землю. Подбежали еще люди.

— Вынесите быстро раненого, — приказал Белосо, — и отправьте его в санитарную машину на шоссе.

Белосо взял фляжку, подошел к Хрипуну и плеснул ему в лицо водой. Тот замычал, озираясь по сторонам, а потом завопил:

— Не убивайте меня! Ради бога, не убивайте!..

Около дороги, граничившей с широкой полосой мангровых зарослей, в трехстах метрах от пещеры, доктор Тамайо полз по траве. Ему удалось добраться сюда незамеченным. Убедившись, что дорога пустынна, он облегченно вдохнул.

«Наверное, остальных уже переловили», — подумал доктор. Он встал и осмотрелся. По другую сторону дороги начиналось большое болото, а за ним шли кусты.

«Нужно побыстрее перебраться через это болото. Потом спрячусь в зарослях и дождусь ночи». Доктор слегка отряхнул костюм и собрался перейти дорогу.

— Эй! Куда это вы направляетесь?!

Доктор замер. Он не хотел верить тому, что услышал. Ведь вокруг ни души. Но едва он сдвинулся с места, как раздался выстрел. На дереве сидел боец с оружием. Появились еще люди в оливково-зеленой форме.

Придя в себя, Тамайо бросился бежать по болоту.

— Стой! Стой!

Тамайо, казалось, не слышал. Он бежал. Спотыкался, падал в грязь, с трудом поднимался и снова бежал и падал. Почва под ногами становилась все более зыбкой. Ему было тяжело в мокрой и грязной одежде. По лицу струился пот. Шатаясь, доктор сделал еще несколько шагов, остановился и плашмя рухнул на землю. Когда бойцы подошли к нему, он ползал в зеленовато-грязной жиже, пытаясь подняться.

— Пошли! — сказал Кот. Они затаились в зарослях кустарника вместе с Освальдо Деласом и теперь решили идти дальше. — Вокруг никого.

— Пошли, — согласился Освальдо, и они, пригнувшись, вышли из зарослей. Море было всего в сотне метров от них.

Увидев человека в штатском, Кот попытался остановить Освальдо, но не успел, и тот продолжал идти вперед.

— Бросай оружие! — крикнул сотрудник госбезопасности.

Освальдо Делас замер, пригнувшись. Кот метнулся в сторону и нажал спусковой крючок автомата. Но в тот момент раздался выстрел из пистолета.

— Я ранен! — крикнул Кот и упал на землю.

Но пуля только поцарапала ногу. Схватив Освальдо за руку, Кот потащил его за собой, прыгая по скалам.

Капитан Кармона, бежавший следом вместе с бойцами, остановился. Кот заметил это и открыл огонь в их сторону.

— Отправляйся туда, — приказал Кармона бойцу, указывая налево. — Возьми с собой пять человек, надо отрезать им дорогу.

Еще один боец, одетый в штатское, подбежал к капитану.

— Пошли, Гарсига, — сказал Кармона. — Здесь они не пройдут.

Аренсибия укрылся в расщелине, между двумя большими камнями. Он ждал, пока совсем стемнеет. Механик спрятался в кустах в нескольких метрах от него, но они едва могли видеть друг друга.

«Удача не должна меня покинуть», — подумал Аренсибия и в этот момент увидел людей. Их было шестеро, они

паправлялись прямо к тому месту, где находились Аренсибия и механик. Впереди шел человек в штатском. У всех в руках оружие. Аренсибия поставил переключатель автоматической винтовки на одиночную стрельбу.

Механик, который всего за несколько минут до этого нашел Аренсибию и рассчитывал присоединиться к нему, тоже увидел людей и понял всю опасность ситуации.

Велосо со своей группой приближались. Аренсибия пристроил винтовку на камень и стал тщательно целиться в капитана. Механик поднял пистолет и тоже прицелился.

Капитан Велосо шел, соблюдая осторожность. Он знал, что еще не все контрреволюционеры схвачены и что, вероятнее всего, они прячутся где-то поблизости. До него донесся какой-то шум, и он рывком прислонился к скале. Его товарищи тоже остановились. Капитан начал осторожно обходить скалу. Он увидел открытое место и большой камень. «Видимо, враг там»,—решил Велосо. Сжав пистолет Макарова, он прыгнул.

— Осторожно, Велосо! — услышал он.

В этот момент раздалось два выстрела...

Кот и Освальдо были метрах в сорока от ручья, когда Кармона вновь увидел их.

— Иди за мной,—сказал он своему товарищу.— Нам надо оттеснить их к побережью.

Два сотрудника побежали по склону, скрываясь за кустарником. Нужно было добраться до ручья прежде, чем там окажутся контрреволюционеры, и им это удалось. Запыхавшиеся, они пересекли заросли дикого винограда и вышли навстречу беглецам.

— Осторожно, Кот! — крикнул Освальдо. Кот бросился на скалистую землю и покатился вниз по склону. Освальдо последовал за ним, и на какой-то момент они оба исчезли из поля зрения.

— Ну что ж, теперь они там, где нам нужно, — сказал Кармона.

Он стал спускаться вниз и увидел диверсантов, когда те уже приближались к мангровым зарослям.

«Если они доберутся до болота, дело будет плохо», — подумал Кармона. Он стал на колени и, поставив переключатель автомата на стрельбу очередями, открыл огонь.

Кот и Освальдо остановились. Пули легли совсем рядом с ними. Кот развернул назад свой автомат... Кармона успел толкнуть своего товарища вниз и бросился рядом с ним на камни. Листья дикого винограда разлетелись в клочья, и дождь сухих веточек и пыли посыпался им на голову. Почти ничего не видя, Кармона поднял над головой автомат и сделал несколько очередей. Огонь автомата заставил контрреволюционеров броситься на скалистый грунт небольшой расщелины.

— Я подойду к ним со стороны моря, капитан, — сказал Гарсиага и побежал с пистолетом в руках.

Капитан Кармона снова нажал на спусковой крючок, чтобы прикрыть маневр товарища, но автомат не сработал — магазин был пуст.

Не переставая наблюдать за тем местом, где спрятались контрреволюционеры, Кармона стал менять обойму и вдруг увидел, что из расщелины медленно поднимается ствол автомата.

— Осторожно! — закричал Кармона.

Гарсиага услышал. Он упал на землю, и одновременно прогремела очередь. От ближайшей скалы посыпались обломки...

Кармона вновь открыл огонь. Но диверсанты успели поменять позицию, и пули их не доставали.

Капитан поднялся и короткими перебежками двинулся вперед, прямо к тому месту, где скрылись контрреволюционеры. Через каждые три шага он нажимал на спусковой крючок, и автомат вздрагивал в его руках. Оставалось пробежать около десятка метров, когда из-за скалы прозвучала ответная очередь. Кармона быстро залег и заметил маленькое укрытие за длинным камнем. Он дал короткую очередь и бросился туда.

«Я свое сделал, — думал он, — теперь они не уйдут». Ненадолго стало тихо.

— Сдавайтесь! — крикнул капитан и чуть высунулся из-за камня. Он занял очень хорошую позицию — ему было все видно, а контрреволюционеры не могли точно определить место его расположения.

Кот попытался высунуть автомат, но короткая очередь, заставила его прижаться к земле.

— Сдавайтесь! — вновь крикнул Кармона.

После молчания, длившегося несколько секунд, внезапно раздались непонятные крики. Потом Кармона разобрал:

— Я сдаюсь! Не стреляйте!

Опять несколько минут какой-то шум в кустах, неясные возгласы. Наконец донесся голос Кота:

— Я выхожу! Будете стрелять — прикончите его!

«Что задумал этот тип?» — задавался вопросом капитан. Все стало ясно, когда из расщелины показался человек, прикрываясь телом другого, как щитом.

Кот, обхватив рукой горло помощника и крепко прижав его к себе, тянул Освальдо, которого била мелкая дрожь. В правой руке он держал автомат.

— Не стреляйте! — в ужасе молил Освальдо. — Я хочу сдаться! Не стреляйте!

Кот с Освальдо медленно приближались к мангровым зарослям.

«Нужно что-то делать», — лихорадочно думал капитан Кармона.

— Стойте! Буду стрелять! — крикнул он.

— Нет! Не стреляйте! — продолжал молить Освальдо Делас. — Ради бога! Не делайте этого!

«Они вот-вот уйдут», — сообразил Кармона. Он тщательно прицелился и дал очередь.

Освальдо Делас не выдержал. «А-а-а-й!» — проревел он. Ноги его подкосились, и он медленно стал оседать. Кот клонился к земле вместе с ним, не переставая целиться из автомата в капитана Кармону.

— Сдавайтесь! — приказал капитан.

— Вставай, Освальдо! Мерзавец! — вопил Кот и в бешенстве поливал длинными очередями камень, за которым прятался Кармона. — Подохни-и-и! Выходи, собака!..

Слова застряли у него в горле, когда раздался выстрел. Тело Кота выгнулось, он прыгнул в последнем усилии и тяжело плюхнулся на скалу.

Тяжелая, гнетущая тишина повисла в воздухе. Потом слышны стали всхлипывания Освальдо.

Со стороны болота появилась группа бойцов. Теперь оставалось только захватить катер, когда он в сумерках придет за контрреволюционерами. Тогда и закончится операция.

эпилог

— ...Потом мы узнали, что, хотя ребенок и болен, но не настолько серьезно, как это хотели представить, — сказал Густаво и добавил: — Все это была часть игры ЦРУ,

которую оно начало с того момента, как Альберто положил в больницу своего сына. Оно использовало все возможные уловки, чтобы принудить его стать осведомителем. Когда я проинформировал о положении дел, было принято решение принять дополнительные меры безопасности. Сегодня утром Альберто Альварес с женой и сыном прилетели на Кубу. Ребенка поместили в больницу имени Франка Паиса для продолжения лечения. Я был вместе с ними.

— Я все время беспокоился об Альберто, — сказал лейтенант Бланко. Он лежал на койке в госпитале имени Карлоса Финлая. Товарищи пришли проведать его.

— Ну что ж, — сказал капитан Хосе Кармона, — все рассказали о своем участии в этом деле. Но кое-кто пока еще не раскрыл рта. — Он посмотрел на человека, который сидел на стуле по другую сторону кровати.

Монтальво, офицер Управления госбезопасности, сыгравший важную роль в операции, улыбнулся.

— Не люблю я разговоров, — сказал он.

— Но об Аренсибии-то ты должен рассказать, — возразил Бланко. — Ведь меня уже не было там, когда это случилось, а мне интересно знать детали.

— Все было очень просто, — уступил просьбе Монтальво. — Я понял, что Аренсибия опасен и схватить его труднее, чем остальных. Поэтому я решил разыскать его. Мне это удалось. Я уже собирался приблизиться к нему, когда заметил, что появился капитан Велосо и тот стал целиться в него. Аренсибия был так хорошо укрыт, что я не мог стрелять по нему, поэтому я крикнул капитану. Но, услышав мой крик, Аренсибия немедленно выстрелил в меня. К счастью, я невольно наклонился, когда кричал, и это меня спасло. Тогда я выстрелил сам и увидел, что Аренсибия упал. По сути дела, у меня не было выбора.

— Хорошо, что ты метко стреляешь, — сказал капитан Велосо, — иначе меня сегодня не было бы с вами.

— Послушай, Монтальво, — вновь вмешался Бланко, — скажи мне, пожалуйста, какие моменты были самыми трудными для тебя в этом деле?

— Милый Бланко, — улыбнулся Монтальво, — ты же знаешь, — что я плохой рассказчик. Кроме того, всем это уже известно...

— Так, значит, в наказание за то, что я был ранен,

вы не хотите рассказать мне о том, что мне неизвестно, — запротестовал лейтенант.

— Ну, ладно. Что ты хочешь узнать?

— О самых трудных моментах.

— Ну что ж, кроме эпизода с Аренсибией был еще случай, когда я здорово струхнул. Помощник Кота застал меня за передачей информации о дымовом сигнале. Я не стал брать с собой в дом транзисторный приемник с вмонтированным в него передатчиком, опасаясь, что это может вызвать подозрения, поскольку слушать музыку во время столь важного совещания явно неуместно.

— А что ты сделал, когда он застал тебя врасплох? — спросил Бланко.

— Мне не нужно было ничего делать. Он просто решил, что я сам с собой разговариваю, — ответил Монтальво. — Больше у меня уже не было возможности передать что-либо, а утром Кот не разрешил мне взять приемник с собой. Увидев Роландо и Освальдо в «Тарамаре», я не решился заговорить с ними, потому что на совещании упоминался некий Даниэль, который был мне неизвестен. Он мог находиться там и сообщить, что я беседовал с неизвестными людьми. Поэтому я написал сообщение на салфетке.

— Послушай, Монтальво, — спросил, улыбаясь, Бланко, — а как тебе показался дымовой сигнал? Мне с этим пришлось достаточно повозиться, а остальное доделал Фульеда.

— Здорово было сработано. Когда я увидел дым, то подумал, что мы в чем-то ошиблись и завод горит. Мне страшно захотелось броситься на контрреволюционеров, но сдержался. Я решил поехать с ними дальше, чтобы посмотреть, что могу сделать. В этот момент появились вы.

— Я думаю, что, если бы мы не появились, — пошутил капитан Кармона, — ты бы один схватил их всех. Зубами бы загрыз...

Марко, он же Сокол, он же механик, офицер Управления госбезопасности Хосе Кармело Монтальво улыбнулся. Он был доволен сделанной работой.

Через окно в палату проникал зной летнего солнца...

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Взгляд в будущее	5
Дядюшка тасует карты	7
И с его трюка...	9
...Игра начинается	32
Немножко неопубликованной истории	34
Портрет человека	44
Операция „Покер“	62

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

„SOS“ в управлении госбезопасности	98
Следы на песке	126
Сокол	144

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

От скал летят осколки	163
Эпилог	179

Родригес Альберто.

Р61 Люди молчаливой профессии: Повесть/Пер. с исп. О. Т. Дарусенкова. — М.: Воениздат, 1978. — 182 с.

В пер.: 1 р. 20 к.

В повести кубинского писателя рассказывается о борьбе органов госбезопасности Республики Куба против провокационной и диверсионной деятельности империалистических разведок и их наемников.

Автор рисует мужественные образы коммунистов, самоотверженно выполняющих свой долг по защите революционных завоеваний.

Р 70304-157
068(02)-78 189-78

И (Исп)

Альберто Молина Родригес
ЛЮДИ МОЛЧАЛИВОЙ
ПРОФЕССИИ

Редактор *А. И. Рожченко*
Художник *О. П. Шамро*
Художественный редактор *Г. В. Гречихо*
Технический редактор *В. Г. Бадаева*
Корректор *В. В. Хромченко*

ИБ № 723

Сдано в набор 26.10.77;
Подписано в печать 13.04.78.
Формат 84×108/16. Бумага тип. № 2, гарн. обыкновенный, нов.
Высокая печать. Печ. л. 5¹/₄. Усл. печ. л. 9,66. Уч.-над. л. 9,738
Тираж 65000 экз. Изд. № 10/3841. Зак. 607. Цена 1 р. 20 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3